ТРЕТІЙ

ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ

ВО ВЛАДИМІРѢ

1906 г. 20—26 іюня.

КАЗАНЬ.
Центральная Типографія.
1907.

Уб 2/8

Проф. В. Жарбековъ.

ТРЕТІЙ

ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ

ВО ВЛАДИМІРѢ

1906 г. 20—26 іюня.

КАЗАНЬ.
Центральная Типографія.
1907.

12186
14-IV-1930

Своей родной almae matri—Владимірской Духовной Семинаріи — посвящаетъ благодарный авторъ въ память своего пребыванія подъ ея гостепріимнымъ материнскимъ кровомъ во время 3-го Областного Историко-Археологическаго Съѣзда лѣтомъ (20—26 іюня) 1906 года.

ТРЕТІЙ

ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВО ВЛАДИМІРѢ [1].

Общія замѣчанія о Съѣздѣ.

Лѣтомъ только что истекшаго 1906 г. (20—26 іюня) состоялся 3-й Областной Историко-Археологическій Съѣздъ во Владимірѣ. Областные Археологическіе Съѣзды у насъ въ Россіи—явленіе еще сравнительно очень новое. 1-й Областной Археологическій Съѣздъ былъ въ Ярославлѣ въ 1901 г., 2-й—въ Твери въ 1903 г. и 3-й—во Владимірѣ; 4-й назначенъ въ Костромѣ въ 1909 г. Какъ видимъ, мѣстомъ первыхъ Областныхъ Археологическихъ Съѣздовъ являются всѣ древнѣйшіе города Ростово-Суздальской области, такъ-какъ города эти особенно богаты памятниками старины.—Здѣсь сохранилось очень много памятниковъ и древнѣйшей церковной архитектуры, и живописи, и металическаго произвоства и даже эмали.

Областные Археологическіе Съѣзды, это, по выраженію графини П. С. Уваровой,—„младшіе братья нашихъ Всероссійскихъ Археологическихъ Съѣздовъ“, желающіе поработать въ той же области изученія родной старины. Задача Областныхъ Археологическихъ Съѣздовъ должна заключаться собственно въ изученіи *мѣстной* старины; труды каждаго Областного Съѣзда должны прежде всего

---

[1] Читано на засѣданіяхъ Церковнаго Историко-Археологическаго Общества Казанской епархіи 20 и 27 февр., 13 и 20 марта 1907 г.

и больше всего касаться того, именно, района или той мѣстности, гдѣ собирается Съѣздъ, и, слѣдовательно, главное вниманіе членовъ этого Съѣзда должно сосредоточиваться на изученіи *мѣстныхъ*, именно, памятниковъ древности и на раскрытіи данныхъ, находящихся въ мѣстныхъ архивахъ и въ нѣдрахъ данной мѣстности; *мѣстная*, именно, старина, слѣдовательно, должна служить и главныхъ предметомъ предлагаемыхъ на Съѣздѣ рефератовъ, и предметомъ по возможности подробнаго непосредственнаго ознакомленія членовъ Съѣзда. На Съѣздахъ, когда собираются ученые спеціалисты на мѣстѣ самаго нахожденія памятниковъ старины, при живомъ обмѣнѣ мнѣній, при взаимной повѣркѣ своихъ личныхъ изслѣдованій и открытій, легче, скорѣе и правильнѣе могутъ быть объяснены мѣстные памятники древности и разрѣшены историческіе вопросы, касающіеся мѣстнаго края. — Въ этомъ значеніе ученыхъ Съѣздовъ вообще и Областныхъ Историко-Археологическихъ Съѣздовъ въ частности.

Къ сожалѣнію, вышеуказанная нами задача Областныхъ Археологическихъ Съѣздовъ не выполняется, какъ бы слѣдовало. Владимірскій Археологическій Съѣздъ, какъ отмѣчено въ рѣчахъ нѣкоторыхъ членовъ Съѣзда, — наиболѣе удачный сравнительно съ двумя первыми Областными Съѣздами; но и онъ оставляетъ желать многаго въ этомъ отношеніи. Прежде всего нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что подавляющее большинство предложенныхъ на Съѣздѣ рефератовъ было посвящено вопросамъ, не имѣющимъ рѣшительно никакого отношенія къ мѣстной старинѣ, или же вопросамъ слишкомъ частнымъ и спеціальнымъ; нѣкоторые референты какъ будто задавались цѣлью, чтобы только что-нибудь прочитать, что́ у кого было въ запасѣ; между тѣмъ рефератовъ, посвященныхъ вопросамъ и памятникамъ мѣстной старины, рефератовъ, которые, по нашему мнѣнію, должны занимать главное, если не исключительное мѣсто на Областныхъ Археологическихъ Съѣздахъ,—такихъ рефератовъ, къ сожалѣнію, было очень не много. Напримѣръ, такіе замѣчательные въ исторіи русской церковной

архитектуры памятники XII в., какъ Успенскій соборъ во Владимірѣ—созданіе перваго Владимірскаго князя Андрея Боголюбскаго—и Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ же, построенный братомъ Андрея Боголюбскаго—Всеволодомъ III,—памятники замѣчательные и по своей оригинальной архитектурѣ, и по своей древности, и при этомъ отличной сохранности и, наконецъ, по остаткамъ сохранившейся въ нихъ древней фресковой живописи, эти, можно сказать, красавцы соборы, — гордость древняго стольнаго града Владиміра, они, къ прискорбію, точно забыты были на Съѣздѣ мѣстными археологами: ни одного реферата не было посвящено имъ. Я лично, откровенно говоря, ужасно жалѣлъ, что во́ время не приготовилъ реферата объ этихъ замѣчательныхъ памятникахъ мѣстнаго церковнаго зодчества. Въ свое извиненіе могу указать, во-первыхъ, на то, что я не располагалъ для этого достаточнымъ временемъ, такъ какъ постановленіе о моей командировкѣ состоялось довольно поздно, а во вторыхъ и главнымъ образомъ—я надѣялся, былъ даже вполнѣ увѣренъ, что ужъ эти-то шедѣвры Владимірскаго церковнаго зочества ни въ какомъ случаѣ не будутъ обойдены мѣстными археологами молчаніемъ на Съѣздѣ, а что имъ будетъ посвященъ не одинъ, не два, а нѣсколько рефератовъ; но въ разультатѣ—полное разочарованіе. Прямо таки обидно и досадно за эти памятники! Это—важный пробѣлъ на Владимірскомъ Археологическомъ Съѣздѣ. Пробѣлъ этотъ отмѣченъ былъ и въ рѣчи Д. И. Иловайскаго, который на одномъ изъ засѣданій, какъ почетный предсѣдатель этого засѣданія, выразилъ пожеланіе, чтобы Съѣздъ этотъ занялся разрѣшеніемъ двухъ важныхъ и имѣющихъ ближайшее отношеніе къ мѣстной области вопросовъ: во первыхъ,—о происхожденіи Ростово-Суздальской Владимірской Руси, т. е. о происхожденіи велико-русской народности, населяющей этотъ край, во вторыхъ, о храмовомъ зодчествѣ Владиміро-Суздальскаго стиля, образцы котораго были предъ глазами у членовъ Съѣзда во Владимірѣ. Спасибо должны сказать члены Съѣзда предсѣдателю Съѣзда Н. В. Покровскому, кото-

рый до нѣкоторой степени восполнилъ этотъ пробѣлъ, посвятивъ нѣсколько словъ Успенскому и Дмитріевскому соборамъ въ своихъ рѣчахъ—привѣтственной при открытіи Съѣзда и заключительной—при закрытіи Съѣзда. Но вѣдь эти соборы—такіе, можно сказать, архитектурные колоссы и такое важное общерусское историческое значеніе имѣютъ, не говоря ужъ о значеніи ихъ для мѣстнаго края, что, право, не грѣхъ было бы имъ посвятить спеціальные рефераты. Отсутствіе рефератовъ, посвященныхъ указаннымъ архитектурнымъ памятникамъ Владимірскаго стиля, до нѣкоторой степени восполнено также и тѣми объясненіями, какіе давались спеціалистами при осмотрѣ членами Съѣзда соборовъ Успенскаго и Дмитріевскаго; но осмотръ этихъ соборовъ производился, во 1-хъ, въ очень неудобное для этого время, когда совершалось богослуженіе, когда, слѣдовательно, нельзя было очень подробно осмотрѣть эти замѣчательные архитектурные памятники, а во 2-хъ, далеко почему-то не всѣ члены Съѣзда были освѣдомлены о времени этого осмотра; осмотръ этотъ состоялся какъ будто какъ-то случайно, такъ что многіе изъ членовъ Съѣзда, которые очень желали осмотрѣть эти соборы подъ руководствомъ спеціалистовъ, лишены были этой возможности только потому, что этотъ осмотръ почему то даже не былъ включенъ въ программу занятій Съѣзда, которая на каждый день вывѣшивалась въ извѣстныхъ мѣстахъ къ свѣдѣнію членовъ Съѣзда. Между тѣмъ, повторяю, эти соборы настолько замѣчательны и въ архитектурномъ отношеніи и въ иконографическомъ, что имъ по справедливости слѣдовало бы удѣлить центральное мѣсто въ занятіяхъ Съѣзда.

Съѣздъ открылся архіерейскимъ богослуженіемъ въ актовомъ залѣ Владимірской мужской Гимназіи, а по моему мнѣнію, всего приличнѣе было бы открыть Съѣздъ богослуженіемъ, именно, въ стѣнахъ этого Владимірскаго заслуженнаго ветерана—Успенскаго собора, древнѣйшаго изъ Владимірскихъ храмовъ, построеніе котораго относится къ самому началу Владиміро-Суздальскаго княжества, который былъ молчаливымъ свидѣтелемъ столькихъ

бѣдъ и несчастій, постигшихъ древнюю столицу Владиміро-Суздальскаго княжества,—гдѣ покоятся останки славныхъ князей Владимірскихъ и Владимірскихъ архипастырей. Этому славному монументу Владимірскому слѣдовало бы посвятить особое засѣданіе и особые часы для осмотра.

Кромѣ соборовъ—Успенскаго и Дмитріевскаго, заслуживали коллективнаго осмотра членами Съѣзда и церковь Рождественскаго монастыря во Владимірѣ, построенная Всеволодомъ III, которая, будучи возстановлена въ 1869 г., въ настоящее время существуетъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, и церковь Успенія Пресв. Богородицы въ дѣвичьемъ Княгининомъ монастырѣ, построенная супругой Всеволода III,—Маріей Шварновной, существующая съ нѣкоторыми измѣненіями до сихъ поръ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Осмотръ этихъ церквей требовался для выясненія общаго типа древнихъ Владимірскихъ церквей.

Болѣе внимательнаго осмотра требовали и археологическая выставка, устроенная въ музеѣ Архивной Коммиссіи, гдѣ собрано было много старинныхъ иконъ, старинныхъ царскихъ дверей, шитыхъ облаченій, воздуховъ, плащаницъ, крестовъ, сосудовъ, брачныхъ вѣнцевъ и прочихъ предметовъ церковной утвари,—и Древлехранилище Братства Св. Благовѣрнаго Вел. Князя Александра Невскаго съ его богатой коллекціей старинныхъ иллюстрированныхъ рукописей,—и ризница при Архіерейскомъ домѣ.

Между прочимъ на Владимірскомъ Съѣздѣ организована была поѣздка въ Суздаль. Этотъ старинный русскій городъ, принадлежащій къ древнѣйшимъ городамъ Владиміро-Суздальской области, существовавшій, какъ полагаютъ, еще во время призванія варяго-руссовъ,—съ своимъ древнимъ соборомъ и древними монастырями представляетъ собою богатѣйшій музей церковныхъ древностей. И на осмотръ этого-то замѣчательнаго русскаго города, гдѣ все дышетъ глубокой стариной, гдѣ каждая мелочь должна приковывать вниманіе археолога, посвящено

было, къ великому сожалѣнію, только нѣсколько часовъ, такъ что по необходимости пришлось ограничиться только самымъ бѣглымъ обзоромъ. А вѣдь большинство членовъ Съѣзда попали въ этотъ городъ въ первый и, можетъ быть, въ послѣдній разъ, такъ что для многихъ это былъ единственный удобный случай поближе познакомиться съ замѣчательными памятниками этого замѣчательнаго русскаго города.

Подробный и внимательный осмотръ всѣхъ древнихъ памятниковъ на мѣстѣ, съ потребными при этомъ объясненіями спеціалистовъ, по моему мнѣнію, долженъ составлять главную задачу Областныхъ Археологическихъ Съѣздовъ; между тѣмъ у насъ почему то доминирующее значеніе на Съѣздахъ обыкновенно придается рефератамъ; для нихъ назначаются опредѣленные часы, имъ посвящаются и утреннія и вечернія засѣданія и вообще удѣляется гораздо больше времени, тогда какъ, повторяю, много предлагается при этомъ такихъ рефератовъ, которые совсѣмъ не имѣютъ никакого отношенія къ мѣстному краю и, слѣдовательно, нисколько не могутъ подвинуть впередъ изученіе мѣстной старины и способствовать возбужденію къ ней живого интереса, и потому съ гораздо большей пользой эти часы могли бы быть посвящены осмотру мѣстныхъ памятниковъ старины. Особенно интересующіеся мѣстной стариной принуждены бываютъ при подобныхъ условіяхъ, для ознакомленія съ ней, урывать немногіе свободные отъ рефератовъ часы и иногда по необходимости часы, назначенные для рефератовъ.

На этотъ недостатокъ нашихъ Археологическихъ Съѣздовъ, въ частности и Владимірскаго, справедливо обратилъ вниманіе академикъ А. И. Соболевскій, который относительно 4-го Областного Археологическаго Съѣзда, назначеннаго въ Костромѣ, высказалъ слѣдующія пожеланія: 1) чтобы чтеніе рефератовъ происходило во время Съѣзда только въ вечернихъ засѣданіяхъ, 2) чтобы все утро назначалось на осмотръ древностей города и окрестности и 3) чтобы при скопленіи рефератовъ устранялись тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ отношенія къ исторіи и древ-

ностямъ Ростово-Суздальскаго края и ближайшихъ къ нему областей. Эти пожеланія и переданы для руководства при организаціи будущаго Съѣзда представителямъ Костромской Архивной Коммиссіи. — Въ добрый часъ! Давно бы пора!

Да простятъ мнѣ члены Владимірскаго Организаціоннаго Комитета по устройству Съѣзда и члены Ученаго Комитета, что я осмѣлился указать на эти, съ моей личной точки зрѣнія, дефекты Съѣзда. Всетаки и при отмѣченныхъ дефектахъ нельзя не сказать русскаго сердечнаго спасибо Организаціонному Комитету за понесенные имъ безкорыстные и, несомнѣнно, не легкіе труды, много способствовавшіе успѣху Съѣзда, который, не смотря на указанные недочеты, неизбѣжные во всякомъ сложномъ и тѣмъ болѣе новомъ дѣлѣ, всетаки долженъ быть отнесенъ къ числу болѣе удачныхъ, очень интересныхъ и важныхъ въ научно-археологическомъ отношеніи.

Городъ Владиміръ, по своему важному археологическому значенію, давно, преимущественно предъ другими русскими городами, заслуживалъ того, чтобы сдѣлаться мѣстомъ Археологическаго съѣзда. Обойденный Всероссійскими Археологическими Съѣздами, которые почему то въ послѣднее время все свое вниманіе посвятили Малороссіи (XI Археолог. Съѣздъ былъ въ Кіевѣ въ 1899 г., XII—въ Харьковѣ—въ 1902 г., XIII—въ Екатеринославѣ въ 1905 г. и XIV назначенъ въ 1908 г. въ Черниговѣ), Владиміръ, этотъ, можно сказать, заслуженный русскій городъ, наконецъ, привлекъ къ себѣ вниманіе Областныхъ Археологическихъ Съѣздовъ, такъ что областные Съѣзды по справедливости могутъ быть названы младшими братьями Всероссійскихъ Археологическихъ Съѣздовъ, явившимися на помощь своимъ старшимъ братьямъ въ дѣлѣ изученія родной старины. Городъ Владиміръ, повторяю, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ и важныхъ въ археологическомъ отношеніи городовъ Россіи, вполнѣ заслуженно былъ избранъ мѣстомъ Археологическаго Съѣзда. Владиміръ вѣдь одинъ изъ самыхъ интересныхъ русскихъ городовъ по своему историческому прошлому. По сказа-

нію лѣтописей (Ипатьевой—Собр. рус. лѣтоп. т. II, стр. 258, Степен. кн. I. 141, Никонов. I. 104 и друг.), гор. Владиміръ основанъ еще Св. Равноапостольнымъ Княземъ Владиміромъ въ 990 г., когда онъ приходилъ въ область Суздальскую и Ростовскую для водворенія здѣсь христіанской вѣры;—тогда же построилъ онъ во Владимірѣ и деревянную церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы—теперь Успенскій соборъ. Но до времени Андрея Боголюбскаго Владиміръ былъ очень незначительнымъ городомъ, въ родѣ небольшой крѣпости, потому и не удивительно, если до XII вѣка объ немъ не упоминается въ лѣтописяхъ. Главными просвѣтителями и обновителями Владиміра были Юрій Долгорукій и особенно Андрей Боголюбскій, перенесшій во Владиміръ свой великокняжескій престолъ и сдѣлавшій такимъ образомъ Владиміръ своей столицей.—Съ этого то времени и начинается блестящій періодъ въ исторіи Владиміро-Суздальскаго княжества, продолжавшійся до нашествія монголовъ. За этотъ періодъ Владиміро-Суздальское княжество обогатилось массой художественныхъ памятниковъ, изъ коихъ, многіе уцѣлѣли до сихъ поръ. „Какъ ни были татарами истреблены города, испепелены деревни, похищены и ободраны всѣ драгоцѣнности, оклады и утвари соборовъ, отобрано золото и серебро во всякихъ видахъ, Суздальская земля, говоритъ глубокій знатокъ древне-русскаго искусства—академикъ Н. П. Кондаковъ, сохранила многое и отъ этого времени, но оно пока еще должно быть разыскано въ церквахъ, монастыряхъ и зарытыхъ кладахъ. И теперь Владимірскій край производитъ на путешественника впечатлѣніе Ломбардіи: каждый глухой городокъ, многія деревушки имѣютъ драгоцѣнныя древности, еще живутъ художественной жизнью“ (Русск. древности въ памятн. искусства. вып. VI. 1899. стр. 48—49). Значитъ было здѣсь надъ чѣмъ поработать Археологическому Съѣзду.

Систематическое изученіе памятниковъ Владиміро-Суздальскаго края началось со времени I Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ, бывшаго въ 1869 г. Отдѣльное

же изученіе памятниковъ Владиміро-Суздальской старины началось нѣсколько раньше. Первымъ мѣстнымъ изслѣдователемъ въ области археологіи и исторіи по всей справедливости долженъ быть признанъ нѣкто Я. Е. Протопоповъ, Суздальскій урожденецъ, бывшій воспитанникъ Владимірской Духовной Семинаріи. Онъ первый вдохнулъ „душу живу“ въ только что народившійся въ его времена (1838 г.) мѣстный печатный органъ,—въ Губернскія Вѣдомости, гдѣ, будучи редакторомъ, онъ помѣщалъ свои статьи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ мѣстной археологіи и исторіи. До Протопопова свѣдѣнія о Владимірской губерніи были очень скудныя, такъ что Протопоповъ является почти піонеромъ по изученію мѣстной старины, открывшимъ и указавшимъ путь въ этомъ направленіи для послѣдующихъ мѣстныхъ археологовъ, изъ коихъ нужно отмѣтить В. И. Доброхотова и К. Н. Тихонравова, тоже бывшихъ воспитанниковъ Владимірской Дух. Семинаріи, которые потомъ были послѣдовательно одинъ за другимъ редакторами Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Въ числѣ многихъ произведеній Доброхотову между прочимъ принадлежатъ два такихъ, которыя обратили на себя вниманіе даже столичной печати и остаются до сего времени не потерявшимъ значенія вкладомъ въ исторію мѣстнаго края. Это—„Памятники древности во Владимірѣ Кляземскомъ“ (М. 1849 г. 200 стр.) и „Древній Боголюбовъ городъ и монастырь съ его окрестностями“ (М. 1852 г. 170 стр.).—Особенно же прославился своими многочисленными трудами по археологіи и исторіи Владиміро-Суздальскаго края послѣдній изъ упомянутыхъ выше археологовъ К. Н. Тихонравовъ, окончившій курсъ во Владимірской Дух. Семинаріи въ 1842 г. Въ своихъ многочисленныхъ трудахъ онъ описалъ чуть не всѣ святыни Владиміро-Суздальскаго края. Въ его статьяхъ мы встрѣчаемъ и архитектурное описаніе соборовъ, монастырей и приходскихъ церквей, и описаніе наиболѣе замѣчательныхъ иконъ, потировъ, крестовъ евангелій, антиминсовъ, покрововъ и прочей церковной утвари, и массу сообщеній изъ области мѣстной граждан-

ской археологіи и исторіи. Почти 35 лѣтъ трудился онъ для своего родного края, не отказываясь ни отъ какой работы, копаясь въ пыли и грязи, и неоцѣненныя заслуги его въ этомъ отношеніи для родины признаны всѣми; ихъ не мѣшало бы отмѣтить и на Владимірскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, посвятивъ имъ особый рефератъ. Эта почтенная личность — въ нѣкоторомъ родѣ Владимірскій „Антоніо Бозіо". Кромѣ многочисленныхъ историческихъ и археологическихъ монографій, ему принадлежатъ „Владимірскій сборникъ" (Матеріалы для статистики, этнографіи, исторіи и археологіи Владим. губ. М. 1857, 199 стр.), „Статистическое описаніе населенныхъ мѣстностей Владимірской губ." и друг.

Кромѣ указанныхъ нами первыхъ археологовъ Владиміро-Суздальскаго края—мѣстныхъ урожденцевъ и дѣятелей, нельзя не упомянуть еще объ одномъ ученомъ іеромонахѣ — магистрѣ Іоасафѣ (Гапоновѣ), котораго жестокая судьба случайно забросила во Владиміръ (въ 1851 г.), гдѣ онъ навсегда останется памятнымъ. Это—одинъ изъ первыхъ церковныхъ историковъ Владимірскаго края; онъ первый занялся этимъ вопросомъ во всемъ объемѣ, собралъ массу частію разбросаннаго, частію неизвѣстнаго до того времени матеріала и все обработалъ въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить „Церковно-историческое описаніе Владимірскихъ достопамятностей" (1857 г. 151 стр.), „Церковно-историческое описаніе Суздальскихъ достопамятностей" (1857 г. 129 стр.) и „О святыхъ иконахъ особенно чтимыхъ, находящихся во Владимірской епархіи" (1859 г. 30 стр.) [1]).

---

[1]) Іером. Іоасафъ—сынъ свящ. Курской еп. По окончаніи Курской сем. былъ преподавателемъ Путивльскаго дух. учил. Вдовымъ священникомъ въ 1833 г. онъ поступилъ въ Кіевскую Дух. Академію, гдѣ принялъ монашество и окончилъ курсъ магистромъ. По окончаніи Академіи былъ назначенъ инспекторомъ Астраханской сем., чрезъ годъ—инспекторомъ Петерб. сем., а еще чрезъ годъ—инспект. Херсонской сем. Здѣсь, по сказанію его біографа, съ нимъ что-то случилось, и онъ былъ переведенъ въ Тверскую сем. гдѣ и былъ поло-

Литературная дѣятельность указанныхъ нами археологовъ Владиміро-Суздальскаго края относится главнымъ образомъ ко времени, предшествующему I Археологическому Съѣзду въ Москвѣ (1869 г.). На этомъ же Съѣздѣ памятники Владиміро-Суздальской старины послужили предметомъ особеннаго вниманія со стороны ученыхъ отечественныхъ археологовъ, которые изученіе Владимірскихъ памятниковъ поставили теперь на научную почву. Съ этихъ поръ и начинается систематическое изученіе памятниковъ Владиміро-Суздальскаго края. На этомъ Съѣздѣ между прочимъ архитектура Владиміро-Суздальскаго края XII в. послужила предметомъ обширнаго и весьма цѣннаго въ научномъ отношеніи реферата учредителя Археологическихъ Съѣздовъ въ Россіи—графа А. С. Уварова, который въ своемъ рефератѣ высказалъ новый взглядъ на Владиміро-Суздальскую архитектуру, указавъ на ея романское происхожденіе. По поводу этого реферата высказаны были авторитетныя мнѣнія Лашкаревымъ, Мансветовымъ, Далемъ и Артлебеномъ [1]). Съ этихъ поръ Владимірскія древности,—особенно архитектура и фресковая живопись, начинаютъ привлекать къ себѣ вниманіе не только мѣстныхъ, но вообще русскихъ археологовъ, и даже

женъ конецъ его педагогической дѣятельности. Архіепископомъ Тверскимъ былъ тогда Григорій (Постниковъ), отличавшійся строгостью; по его донесенію ученаго монаха перевели въ Суздальскій Спасо Евѳиміевъ монастырь, гдѣ настоятелемъ былъ архим. Іоакимъ, тоже человѣкъ весьма строгій;—здѣсь Іоасафу было запрещено служеніе, лишили его права писать что-либо и аттестовали, какъ бунтовщика среди братіи. Съ поступленіемъ на Владимірскую каѳедру Іустина, для Іоасафа настала сравнительно счастливая пора, его перевели въ 1851 г. сначала во Владиміръ, а потомъ въ Боголюбовъ монастырь. Къ этому времени и относится его учено-литературная дѣятельность, посвященная Влад.—Суздальск. краю. Скончался іеромонахъ Іоасафъ въ Боголюбовомъ мон. въ 1861 г.; но многія изъ его статей, кажется, еще до сихъ поръ остаются въ рукописи.—Біографическія свѣдѣнія объ Іоасафѣ мы заимствовали въ трудахъ Влад. Учен. Архивной Комиссіи. кн. 4. 1902 г.

[1]) См. Труды I Археол. Съѣзда въ Москвѣ. 1869 г. т. I, стр. 267—299.

иностранныхъ, между прочимъ такихъ корифеевъ въ области отечественной археологіи, какъ А. С. Уваровъ [1]), В. А. Прохоровъ [2]), Ѳ. И. Буслаевъ [3]), И. Е. Забѣлинъ [4]), Н. П. Кондаковъ [5]) и друг.

Особенно много трудовъ о Владиміро-Суздальской архитектурѣ и фресковой живописи вызвала въ недавнее время реставрація Владимірскаго Успенскаго собора и съ внутренней и съ внѣшней стороны, произведенная въ 80-хъ годахъ прошлаго 19-го столѣтія. Съ 1899 г. изученіе древнихъ памятниковъ Владиміро-Суздальскаго края поставила своей прямой задачей вновь учрежденная Владимірская Ученая Архивная Коммиссія, которая уже успѣла зарекомендовать себя въ высшей степени плодотворной дѣятельностью на этомъ поприщѣ. Всецѣло ея иниціативѣ и трудамъ принадлежитъ и организація 3-го Областного Историко-Археологическаго Съѣзда.

Въ вышеуказанной нами литературѣ по археологіи и исторіи Владиміро-Суздальскаго края такимъ образомъ намѣченъ уже былъ широкій путь для Владимірскаго Историко-Археологическаго Съѣзда, и всѣ его задачи, какъ замѣтилъ въ своей привѣтственной рѣчи предсѣдатель Съѣзда Н. В. Покровскій, сводились къ тому, „чтобы облегчить, по возможности, труды мѣстныхъ дѣятелей, помочь имъ разобраться въ обширной массѣ цѣнныхъ матеріаловъ, расширить, по возможности, ихъ ученый кругозоръ и, что особенно важно, ободрить безкорыстныхъ и скромныхъ тружениковъ на новые подвиги слу-

---

[1]) См. „Взглядъ на архитектуру XII в. въ Суздальскомъ княж.“— Труды I Арх. Съѣзда въ Москвѣ. 1869 г. т. I, стр. 252—266 и „Древняя стѣнопись Владим. Успенскаго собора“. — Древности. — Труды Импер. Моск. Археол. Общ. т. 10 прот. 3.

[2]) См. „Археологическій обзоръ древнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ во Владимірѣ и Суздалѣ“.—Христ. древности. 1875 г.

[3]) См. „Русское искусство въ оцѣнкѣ франц. ученаго“.—Критич. Обозр. 1879 г. №№ 2 и 5.

[4]) См. „Черты самобытности въ древ.—русскомъ зодчествѣ“. 1900.

[5]) См. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“. вып. VI. 1899.

женія національной наукѣ, указующей прямые пути къ истинѣ, и оживить въ мѣстномъ просвѣщенномъ обществѣ интересъ къ родной старинѣ, знаніе которой составляетъ основу истиннаго просвѣщенія и помогаетъ уясненію путей грядущаго"....—И Владимірскій Историко-Археологическій Съѣздъ до нѣкоторой степени исполнилъ свою миссію, но онъ, несомнѣнно, былъ бы много продуктивнѣе и для мѣстныхъ тружениковъ на поприщѣ археологіи и исторіи, и для пріѣзжихъ гостей—археологовъ и историковъ и для мѣстнаго просвѣщеннаго общества, если бы побольше удѣлилъ времени на непосредственное ознакомленіе съ памятниками мѣстной старины, и если бы побольше рефератовъ было посвящено, именно, мѣстной старинѣ.

Рефераты, предложенные на Съѣздѣ.

Занятія 3-го Областного Археологическаго Съѣзда во Владимірѣ заключались, какъ мы уже выше замѣтили, во-первыхъ, въ чтеніи и обсужденіи рефератовъ и, во вторыхъ, въ непосредственномъ знакомствѣ съ памятниками древности на мѣстѣ. Въ продолженіе семи дней Съѣздъ имѣлъ 10 общихъ собраній, на которыхъ было предложено болѣе 30 рефератовъ по разнымъ отраслямъ древлевѣдѣнія.

По I отдѣлу — первобытныхъ древностей предложены были слѣд. рефераты: 1) „Стоянка каменнаго вѣка подъ Зубцовымъ Тверск. губ.", 2) „О замѣчательномъ каменномъ молотѣ съ береговъ Волги", 3) „Кто насыпалъ Ярославскіе курганы", 4) „О древнѣйшемъ населеніи пріокскаго района, предшествовавшемъ славянской колонизаціи", 5) „О раскопкѣ въ с. Рыбинскомъ Бѣжецкаго у Тверск. губ.", 6) „О поискахъ древностей въ землѣ Вятичей", 7) „О древнихъ памятникахъ и городищахъ Ставропольской губ.".

По II отдѣлу—областной исторіи доложены слѣдующіе рефераты: 1) „Изъ исторіи колонизаціи средняго поволжья", 2) „Кого изъ муромскихъ князей слѣдуетъ разу-

мѣть подъ именемъ св. благов. князя Петра, въ иночествѣ Давида", 3) „Поиски мѣста крещенія св. Владиміра въ Херсонесѣ", 4) „Отрывки изъ исторической записки о Владимірской гимназіи", 5) „О благовѣрномъ князѣ Ѳеодорѣ Стародубскомъ", 6) „О лицевомъ цвѣтникѣ — въ рукописи Тверской семинаріи", 7) „О символизмѣ старой русской иконописи", 8) „Къ вопросу о судьбѣ и бытѣ женщинъ Костромскаго края въ XVIII стол.", 9) „О лѣтописи Владимірской со стороны состава и содержанія", 10) „О слѣдахъ существованія особой Муромской лѣтописи", 11) „О происхожденіи названія „офеня"," 12) „О помѣщикахъ Владимірскаго края князьяхъ Пожарскихъ".

По III отдѣлу — памятниковъ (вещественныхъ) *церковной и гражданской старины* — слѣд. доклады: 1) „Объ иконѣ св. Троицы (Господь въ лонѣ Отчемъ)", 2) „Объ иконѣ Казанской Божіей Матери Тульскаго собора", 3) „О портретѣ Тимоѳея Архипыча" [1]), 4) „Двуперстіе, сугубая аллилуія и хожденіе посолонь съ исторической точки зрѣнія", 5) „Одинъ изъ источниковъ по исторіи византійской иконографіи", 6) „Выводъ символическаго значенія обруча на основаніи поправки одного испорченнаго мѣста лѣтописи", 7) „Замѣтка объ иконографіи Александра Невскаго", 8) „О нѣкоторыхъ Ярославскихъ гербахъ", 9) „Объ иконописи во Владиміро-Суздальскомъ краѣ", 10) „О затерянномъ Петровскомъ изданіи притчей Эзоповыхъ съ гравюрами", 11) „Къ исторіи христіанской фресковой живописи XIV—XV вв. по аѳонскимъ памятникамъ", 12) „Нѣсколько словъ о требникѣ XVI в. Древле-хранилища братства св. вел. кн. Александра Невскаго во Владимірѣ".

По IV отдѣлу—живой старины слѣдующіе доклады: 1) „Великорусскія весеннія и хороводныя пѣсни, записанныя въ Саратовской губ.", 2) „Страничка изъ исторіи народной бытовой медицины".

---

[1]) Тимоѳей Архипычъ жилъ при дворѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны, пріобрѣлъ извѣстность росписью церкви въ Чудовомъ мон., а затѣмъ сталъ юродствовать.

По V отдѣлу — областной этнографіи докладовъ совсѣмъ не было.

По VI отдѣлу—вопросы архивовѣдѣнія—слѣд. рефераты: 1) „Объ архивѣ департамента герольдіи“, 2) „Къ вопросу о постановкѣ архивовѣдѣнія въ Россіи“, 3) „О семейныхъ архивахъ“.

По VII отдѣлу—Архивныя Коммиссіи и ихъ современное положеніе—одинъ докладъ: „По вопросу о преобразованіи Архивныхъ Коммиссій“.

Какъ видно изъ приведеннаго нами перечня рефератовъ, нѣкоторые не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ исторіи мѣстнаго края, каковы напр. слѣдующіе рефераты: 1) Емельянова: „Поиски мѣста крещенія св. Владиміра въ Херсонесѣ“, 2) Соболевскаго: „Двуперстіе, сугубая аллилуія и хожденіе посолонь съ исторической точки зрѣнія“, 3) Линдемана: „Выводъ символическаго значенія обруча на основаніи поправки одного испорченнаго мѣста лѣтописи“, 4) Симсона: „Затерянное Петровское изданіе притчей Эзопа“, 5) Соколова: „Великорусскія весеннія и хороводныя пѣсни, записанныя въ Саратовской губ.“, 6) Прозрителева: „Древніе могильники и городища Ставропольской губ., 7) Апухтина: „О поискахъ древностей въ землѣ Вятичей“, 8) Титова: „О портретѣ Тимоѳея Архипыча“ и нѣкот. друг.—Почему-то этимъ рефератамъ дано было мѣсто на Съѣздѣ, между тѣмъ нѣкоторые рефераты, имѣющіе ближайшее отношеніе къ мѣстному краю, по недостатку времени, не были доложены на Съѣздѣ. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ автора, не состоялся докладъ Макаренко, имѣющій ближайшее отношеніе къ задачамъ Съѣзда: „О раскопкахъ, произведенныхъ по порученію Организаціоннаго Комитета 3-го Областного Съѣзда“. Тѣмъ болѣе приходится пожалѣть, что это—единственный рефератъ, посвященный Владимірскимъ раскопкамъ, и тотъ не состоялся. Между тѣмъ мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію В. В. Тихонравова, обратившагося на одномъ изъ засѣданій къ собранію съ рѣчью, въ которой, указавъ на рефераты Апухтина („О поискахъ древностей въ землѣ Вятичей“)

и Симсона („Стоянка каменнаго вѣка подъ Зубцовымъ Тверск. губ.“) и на выставленныя ими коллекціи каменныхъ орудій, заявилъ, что подобныя коллекціи можно бы составить изъ находокъ Владимірской губ., и въ заключеніе своей рѣчи призывалъ своихъ сотоварищей—Владимірцевъ къ отысканію и извлеченію изъ нѣдръ земли этихъ памятниковъ Владимірской старины, значеніе которыхъ для науки несомнѣнно, по признанію самого Съѣзда.

Какъ наиболѣе интересные и цѣнные рефераты, имѣющіе ближайшее отношеніе къ мѣстному краю, нужно отмѣтить слѣдующіе:

1) Рефератъ *А. А. Дмитріевскаго: „Къ исторіи христіанской фресковой живописи XIV—XV вв. по аѳонскимъ памятникамъ“*. Рефератъ этотъ, по видимому, какъ будто бы не имѣющій прямого отношенія къ Владимірскому краю, на самомъ дѣлѣ является въ высшей степени цѣннымъ въ научномъ отношеніи не только для исторіи позднѣйшаго византійскаго искуства, но въ особенности для русской иконописи и въ частности, именно, Владимірской, такъ какъ демонстрированныя г. Дмитріевскимъ фрески Аѳонскаго святопавловскаго монастыря въ параклисѣ св. Георгія, относящіяся по своему происхожденію къ XV в., современны фрескамъ Владимірскаго Успенскаго собора и слѣдовательно могутъ имѣть важное значеніе въ дѣлѣ изученія этихъ послѣднихъ; кромѣ того, онѣ проливаютъ свѣтъ и на нѣкоторыя иконы Владиміро-Суздальскаго края [1]), слѣдовательно сообщеніе г. Дмитріевскаго можетъ пробудить новый интересъ къ изученію памятниковъ мѣстной древности, которые современны демонстрированнымъ имъ фрескамъ. Кромѣ мѣстнаго интереса, сообщеніе г. Дмитріевскаго имѣетъ и общенаучный интересъ въ томъ отношеніи, что демонстрированныя имъ датированныя фрески (1423 г.) опровергаютъ мнѣніе нѣкоторыхъ уче-

---

[1]) Подобныя этимъ фрескамъ иконы, напр. Рождества Богородицы и Введенія во храмъ, можно видѣть въ ризницѣ Суздальскаго Покровскаго жен. монастыря; объ этихъ иконахъ рѣчь будетъ ниже.

ныхъ, будто до 16-го в. на Аѳонѣ не было стѣнныхъ росписей; данныя, именно, фрески показываютъ, что такія росписи существовали на Аѳонѣ до 16 в.—въ 14 и 15 вв., что существовали тогда уже и опредѣленные иконописные типы, и что иконопись аѳонская находится въ прямой генетической зависимости отъ иконописи византійской.

2) Рефератъ *М. Н. Бережкова: „О лѣтописи Владимірской со стороны состава и содержанія“*.—Въ этомъ рефератѣ затронутъ былъ очень важный вопросъ, вызвавшій оживленныя пренія,—вопросъ о томъ, насколько рисунки въ лѣтописяхъ могутъ служить основаніемъ для опредѣленія дѣйствительныхъ архитектурныхъ формъ памятника (рѣчь была о Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ). По мнѣнію однихъ, лѣтописные рисунки въ данномъ отношеніи не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ рисовальщики не задавались цѣлью воспроизводить дѣйствительныя черты изображаемыхъ предметовъ, а слѣдовали шаблоннымъ пріемамъ. По мнѣнію другихъ, какъ бы ни были несовершенны эти рисунки, они всетаки даютъ нѣкоторое представленіе о предметѣ. Академикъ же Соболевскій высказалъ примиряющій взглядъ, что нужно обращать вниманіе на достоинство лѣтописныхъ памятниковъ и сообразно съ этимъ придавать лѣтописнымъ рисункамъ то или иное значеніе.

3) Рефератъ *А. В. Селиванова: „О древнѣйшемъ населеніи пріокскаго района, предшествовавшемъ славянской колонизаціи“*. Рефератъ этотъ важенъ потому, что касается вопроса, имѣющаго мѣстный интересъ,—о происхожденіи народности, населяющей Владиміро-Суздальскій край. Но вопросъ этотъ пока еще не выходитъ изъ области предположеній и догадокъ и ждетъ дальнѣйшихъ изслѣдователей.

4) Нельзя не упомянуть и о рефератѣ *В. Т. Георгіевскаго: „О Владиміро-Суздальской иконописи“*, который, судя по темѣ, долженъ бы быть отнесенъ къ числу въ высшей степени интересныхъ и цѣнныхъ рефератовъ; но насколько этотъ рефератъ интересенъ былъ по своей темѣ, затрогивающей одинъ изъ важныхъ и существен-

ныхъ вопросовъ мѣстнаго характера, настолько оказался несущественнымъ по своему содержанію, такъ какъ о самой иконописи—то Владиміро-Суздальской референтъ, къ сожалѣнію, почти ничего ни сказалъ, а всё время трактовалъ о методахъ, какими долженъ руководиться изслѣдователь русскаго иконописанія при описаніи памятниковъ иконописи.

Было предложено еще нѣсколько рефератовъ, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ мѣстному краю, какъ это можетъ видѣть читатель изъ вышеприведеннаго перечня, но многіе изъ этихъ рефератовъ касаются вопросовъ очень частныхъ и слишкомъ спеціальныхъ. Вообще же нужно замѣтить, что рефератовъ, посвященныхъ мѣстной старинѣ, было очень не много, большинство же рефератовъ, повторяю, или не имѣютъ почти никакого отношенія къ мѣстному краю и слѣдовательно не проливаютъ никакого свѣта на исторію Владиміро-Суздальскаго края, или же имѣютъ отношеніе отдаленное. Центръ тяжести Владимірскаго Археологическаго Съѣзда не въ рефератахъ. Гораздо болѣе важное значеніе въ исторіи Владимірскаго Съѣзда имѣли археологическія экскурсіи членовъ Съѣзда; на нихъ-то мы главнымъ образомъ и остановимъ свое вниманіе.

Успенскій соборъ въ г. Владимірѣ.

Археологическія экскурсіи членовъ Владимірскаго Съѣзда были направлены почти исключительно на ознакомленіе съ памятниками мѣстной *церковной*, а не гражданской старины. И это никого не должно удивлять и всякому будетъ вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, во 1-хъ, что все искусство въ древней Руси (и архитектура, и живопись, и металлическое производство и эмаль) имѣло религіозную основу, и слѣдовательно памятниковъ древнерусскаго искусства нужно искать прежде всего среди памятниковъ церковной старины; и во 2-хъ, что вся вообще жизнь нашихъ предковъ была жизнью преимущественно религіозною; всѣ наиболѣе важныя явленія и событія

жизни государственной, общественной и частной были освящаемы церковью, къ ея посредству наши предки обращались и въ дни радости и въ годины бѣдствій. И, одушевляемые надеждой на молитвеннос содѣйствіе церкви въ осуществленіи своихъ чаяній, или подавляемые скорбью, или преисполненные благодарности за какое-нибудь Божіе благодѣяніе, предки наши отдавали церкви наиболѣе цѣнное и дорогое для нихъ во многихъ отношеніяхъ, какъ жертву Богу, какъ знакъ своей вѣры и усердія къ храму. Вслѣдствіе этого многія наши церкви и монастыри и являются богатѣйшими хранилищами памятниковъ старины, во многихъ отношеніяхъ дорогихъ для русскаго человѣка. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе и то, что вслѣдствіе религіознаго направленія древне-русской жизни, памятники, именно, церковные составляли важную принадлежность и древне-русскаго быта.—Въ виду всего вышесказаннаго памятники церковной старины должны привлекать къ себѣ особенное вниманіе археологовъ, какъ памятники, весьма важные и для исторіи древне-русскаго искусства и для характеристики древне-русскаго быта.

Въ самомъ Владимірѣ членами Съѣзда осмотрѣны были, во первыхъ, знаменитые соборы—Успенскій и Дмитріевскій. Эти соборы—наиболѣе древніе, наиболѣе сохранившіеся и наиболѣе оригинальные по своей архитектурѣ памятники Владиміро-Суздальскаго церковнаго зодчества XII в.; но, къ сожалѣнію, осмотрѣны были эти памятники членами съѣзда скорѣе частнымъ образомъ, чѣмъ коллективно, между тѣмъ по своей важности они заслуживали гораздо бо́льшаго вниманія со стороны Съѣзда.

Успенскому собору безспорно принадлежитъ первое мѣсто среди церквей Владимірскихъ. Не много на Руси такихъ храмовъ, которые бы отличались такой глубокой древностью и въ тоже время такой отличной сохранностью, которые заключали бы въ себѣ столько дорогихъ для русскаго сердца святынь и связывали бы съ собою столько историческихъ воспоминаній, какъ Успенскій соборъ во Владимірѣ. Это—не мѣстный только, а все-

россійскій историческій памятникъ. Это—усыпальница цѣлыхъ поколѣній князей, княгинь и святителей земли Русской. Въ тѣсномъ рядѣ славныхъ гробницъ этого храма, по выраженію одного мѣстнаго археолога, заключается какъ бы „замогильная лѣтопись древней Руси“. Это—многострадальный старецъ земли Русской, которому ровно чрезъ годъ исполнится 750 лѣтъ [1]). Это—безмолвный свидѣтель и славнаго прошлаго древней Руси и цѣлаго ряда ужаснѣйшихъ бѣдствій, постигавшихъ древнюю великокняжескую столицу. Сколько ужасныхъ невзгодъ испыталъ на себѣ этотъ многовѣковой страдалецъ и въ тяжкую годину ига монгольскаго, когда кровожадные враги русскаго государства безжалостно грабили его драгоцѣнныя сокровища, обагряли его кровью мучениковъ-страдальцевъ за вѣру и жгли его стѣны,—и въ послѣдующія времена, когда не въ мѣру ревностные обновители безъ пощады пробивали его богатырскія стѣны, сбивали его драгоцѣнныя рельефныя украшенія и обезображивали неуклюжими пристройками и массивными кирпичными надстройками, совершенно измѣнявшими его первоначальный видъ и производившими своею тяжестью непосильное давленіе на это престарѣлое многовѣковое зданіе. И изъ всѣхъ своихъ тяжелыхъ испытаній этотъ богатырь земли русской неисповѣдимыми путями Промысла Божія вышелъ побѣдителемъ и теперь блистаетъ своей первоначальной красотой и величіемъ, какъ въ далекія и славныя времена своихъ первыхъ сроителей—перваго Владимірскаго князя Андрея Боголюбскаго и брата его Великаго Всеволода III. И своимъ обновленіемъ это древнее святилище земли русской обязано прежде всего и больше всего просвѣщенному вниманію и неусыпнымъ заботамъ бывшаго Владимірскаго Архипастыря Ѳеогноста (впослѣдствіи Кіевскаго митрополита), имя котораго должно быть записано золо-

---

[1]) Лѣтописецъ такъ говоритъ объ основаніи Успенскаго собора: „Въ лѣто 6666 (1158) Князь Андрей самъ у Володимери заложи церковь камяну Святою Богородица, мѣсяца априлія въ 8 день, на святого апостола Родіона, во вторникъ“. (Собр. рус. лѣтоп. т. II, стр. 81).

тыми буквами въ исторіи Владимірскаго Успенскаго собора. Въ этомъ обновленномъ храмѣ возстановленъ во всемъ своемъ величіи замѣчательнѣйшій памятникъ древнерусскаго зодчества и иконографіи. Поэтому всякому истинно русскому человѣку этотъ памятникъ долженъ быть особенно дорогъ и своей глубокой стариной, и своими богатыми историческими воспоминаніями и особенно заключенными въ немъ святынями. И, дѣйствительно, какой-то необыкновенный благоговѣйный трепетъ охватываетъ все существо, когда вступаешь подъ древніе своды этого великаго святилища земли Русской.

Главную святыню Успенскаго собора составляютъ открыто почивающіе здѣсь мощи—св. благовѣрнаго вел. князя Андрея Боголюбскаго (ум. въ 1174 г.)—создателя Успенскаго собора, открытые при Петрѣ I въ 1702 г. [1]),—св. князя Глѣба, сына Андрея Боголюбскаго (ум. въ 1174 г.), открытые въ томъ же 1702 г., и св. благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича, убитаго татарами на р. Сити въ 1238 г., открытые при патр. Іосифѣ въ 1645 г.

Кромѣ упомянутыхъ князей—Андрея Боголюбскаго, Глѣба Андреевича и Георгія Всеволодовича, мощи которыхъ открыто почиваютъ въ соборѣ, здѣсь же погребены и слѣд. князья: Дѣти Юрія Долгорукаго (кромѣ Андрея Боголюбскаго): Всеволодъ Георгіевичъ (ум. въ 1212 г.), Михаилъ Георгіевичъ (ум. въ 1177 г.), Ярославъ Георгіевичъ (ум. въ 1166 г.) и Ольга Георгіевна [2]) (въ иночествѣ

---

[1]) На одномъ изъ столбовъ при ракѣ Андрея Боголюбскаго между прочимъ вычеканена такая надпись стихами, приписываемыми Импер. Екатеринѣ II:

„Богъ дивный во святыхъ
„Хранитъ вся кости ихъ,
„И ниединая изъ нихъ не сокрушится,
„Да имя Божіе святится.
„Зрѣть тлѣнное нетлѣннымъ существо
„Невѣрію соблазнъ, а вѣрѣ торжество“.

[2]) Ольга Георгіевна—супруга Галичскаго князя Ярослава Владиміровича Осмомысла, чрезъ 20 лѣтъ супружеской жизни оставившая своего супруга.

Евфросинія ум. въ 1183 г.);—дѣти Андрея Боголюбскаго (кромѣ Глѣба): Изяславъ Андреевичъ (ум. въ 1164 г.) и Мстиславъ Андреевичъ (ум. въ 1173 г.);—дѣти Всеволода III (кромѣ Георгія Всеволодовича): Константинъ Всеволодовичъ (ум. въ 1219 г.), Борисъ Всеволодовичъ (ум. въ 1188 г.), Глѣбъ Всеволодовичъ (ум. въ 1189 г.), Ярославъ Всеволодовичъ (ум. въ 1247 г.), Владиміръ Всеволодовичъ (ум. въ 1228 г.), Святославъ Всеволодовичъ (ум. въ 1253 г.) и Іоаннъ Всеволодовичъ;—Борисъ Михайловичъ—сынъ Михаила Георгіевича;—Изяславъ Глѣбовичъ (ум. въ 1183 г.)—сынъ Кіевскаго князя Глѣба Георгіевича, брата Андрея Боголюбскаго;—дѣти Георгія Всеволодовича: Мстиславъ, Всеволодъ и Владиміръ Георгіевичи (умершіе въ 1238 г.), жена его—Агаѳія, дочь—Ѳеодора, снохи—Марія, Христина и Ѳеодора, и внучата, мученически скончавшіеся при взятіи татарами Владиміра въ 1238 г.;—Михаилъ Ярославичъ (ум. въ 1248 г.) и Константинъ Ярославичъ (ум. въ 1255 г.)—сыновья Ярослава Всеволодовича, младшіе братья Александра Невскаго и Борисъ Даниловичъ (ум. въ 1292 г.)—внукъ св. кн. Александра Невскаго.—Итакъ во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ погребены 7 великихъ князей, одинъ за другимъ въ теченіе цѣлаго столѣтія (1157—1248 г.) княжившихъ во Владимірѣ, затѣмъ 13 князей взрослыхъ, одна великая княгиня (Агаѳія), 4 княгини, одна княжна (Ѳеодора), дѣти княжескія, мученически скончавшіяся при взятіи татарами Владиміра, трое еще малолѣтнихъ княжичей (Борисъ Михайловичъ, Борисъ и Глѣбъ Всеволодовичи). Такимъ образомъ кромѣ дѣтей, имена которыхъ не извѣстны, во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ почиваютъ 29 лицъ изъ рода державныхъ князей Россійскихъ, такъ что Владимірскій Успенскій соборъ представляетъ собою, по истинѣ, великокняжескую усыпальницу. Во время послѣдней реставраціи собора 10 великокняжескихъ гробницъ возстановлены въ древнемъ своемъ видѣ; онѣ расположены вдоль сѣверной и южной стѣнъ собора; большинство ихъ находится въ стѣнахъ,—въ особыхъ комарахъ, а нѣкоторыя находятся возлѣ стѣнъ. Всѣ гробницы бѣлокаменныя. Крышки почти всѣхъ ихъ

имѣютъ по 2 весьма отлогихъ ската, на каждомъ изъ которыхъ изображенъ черный осьмиконечный крестъ. Надъ крышками на стѣнѣ сдѣланы надписи, обозначающія, кто погребенъ въ гробницѣ и когда скончался. Многія надписи сохранились здѣсь отъ древности и по возстановленіи гробницъ только поновлены.

Кромѣ великокняжескихъ гробницъ, возстановлены здѣсь въ послѣднее же время и 5 святительскихъ гробницъ: одна епископа Ростовскаго, Суздальскаго и Владимірскаго Луки († 1189 г.), другая—епископа Владимірскаго Симона († 1226 г.), третья гробница—епископа Владимірскаго Митрофана, мученически погибшаго въ нашествіе Батыя въ 1238 г. вмѣстѣ съ великокняжескимъ семействомъ въ Успенскомъ соборѣ на хорахъ отъ зноя и дыма костровъ, разведенныхъ татарами въ самомъ храмѣ, гдѣ осажденные думали укрыться отъ непріятелей. 4-я гробница епископа Владимірскаго Серапіона († 1275 г.) и 5-я гробница митрополита всея Руси Максима грека († 1305 г.). Надъ гробомъ митр. Максима находится чудотворная икона Богоматери, написанная согласно видѣнію этого святителя и по его распоряженію. Явившись Максиму въ сновидѣніи въ 1299 г. тотчасъ по прибытіи его изъ Кіева во Владиміръ, Богоматерь благословила его прибытіе во Владиміръ и вручила ему омофоръ, который и по пробужденіи остался въ рукахъ святителя. Омофоръ этотъ Максимъ потомъ положилъ въ золотой ковчегъ, гдѣ онъ и хранился 112 лѣтъ; но въ 1412 г., во время нашествія Талыча на Владиміръ, скрытъ ключаремъ Патрикіемъ, какъ говоритъ преданіе, въ одномъ изъ соборныхъ столбовъ. Основываясь на этомъ преданіи, нѣкоторые изъ Владимірскихъ епископовъ отыскивали это сокровище, но безуспѣшно.

Нельзя не упомянуть здѣсь еще объ одной замѣчательной святынѣ Успенскаго собора — объ иконѣ Владимірской Божіей Матери, писанной митр. Петромъ. Икона эта одинаковой мѣры и точный снимокъ съ подлинной чудотворной иконы, принесенной во Владиміръ Андреемъ Боголюбскимъ изъ Вышгорода и въ настоящее время находящейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Писана

она митр. Петромъ въ то время, когда онъ былъ настоятелемъ въ Ратскомъ монастырѣ на Волыни, гдѣ научился и иконописи. Св. Петръ поднесъ эту икону Кіевскому митрополиту Максиму при посѣщеніи имъ Ратской обители. Украсивъ ее серебромъ, камнями и жемчугомъ, митрополитъ имѣлъ эту икону постоянно при себѣ до самой своей кончины, послѣдовавшей во Владимірѣ въ 1305 г. Преемникъ митр. Максима по Владимірской каѳедрѣ — митр. Петръ, написавшій эту икону, въ 1325 г. унесъ ее съ собой въ Москву. А въ 1395 г., когда подлинная икона Божіей Матери по случаю нашествія на Россію Тамерлана была перенесена изъ Владиміра въ Москву, взамѣнъ ея, въ утѣшеніе жителей города Владиміра, по распоряженію вел. кн. Василія Дмитріевича, эта икона, писанная митр. Петромъ, опять перенесена была во Владиміръ въ Успенскій соборъ, гдѣ съ тѣхъ поръ и находится въ иконостасѣ по лѣвую сторону царскихъ вратъ, пользуясь особеннымъ почитаніемъ владимірцевъ.—О древнихъ наиболѣе замѣчательныхъ предметахъ, хранящихся въ ризницѣ Успенскаго собора, мы скажемъ ниже, — при обозрѣніи археологической выставки, куда были представлены изъ Успенскаго собора всѣ наиболѣе цѣнные въ археологическомъ отношеніи предметы.

Теперь отмѣтимъ главные моменты въ исторіи Владимірскаго Успенскаго собора—этого великаго святилища земли Русской и замѣчательнѣйшаго памятника древнерусскаго церковнаго зодчества и иконографіи. Успенскій соборъ построенъ первымъ княземъ Владимірскимъ—Андреемъ Боголюбскимъ въ 1158 г. Избравъ Владиміръ своей великокняжеской столицей, куда принесъ съ собой изъ Вышгорода—прежней своей волости—чудотворный образъ Богоматери, писанный, по преданію, св. еванг. Лукой, Андрей Боголюбскій задался цѣлью создать изъ Владиміра по внѣшности второй Кіевъ. Поэтому одновременно съ тѣмъ, какъ заложилъ во Владимірѣ новый городъ (т. е. городскую крѣпость или кремль), подобный Кіевскому Ярославову, Боголюбскій заложилъ въ немъ и церковь Успенскую, которая бы соотвѣтствовала кіевскимъ церк-

вамъ — Десятинной Владиміровой и Софіи Ярославовой. Какъ въ устроеніи города онъ не только не хотѣлъ отстать отъ Ярослава, но и превзойти его, ибо устроилъ городъ не только съ золотыми воротами, но и съ серебряными и мѣдными, такъ и въ устроеніи церкви онъ не только хотѣлъ сравняться съ нимъ, но и затмить и оставить за собой. По идеѣ Боголюбскаго, эта церковь должна была имѣть такое же значеніе для Владиміро-Суздаля, какое имѣла Юстиніанова Софія для Византіи и Ярославова Софія для Кіева; поэтому Андрей Боголюбскій такъ дивно украсилъ ее, что о ней со всею справедливостью вмѣстѣ съ лѣтописцемъ нужно сказать: „яковой же не бысть на Руси и никогда же будетъ“. „Христолюбивый князь Андрей, повѣствуетъ древній лѣтописецъ, уподобися царю Соломону..... и доспѣ въ Володимірѣ церковь каменну соборную Святыя Богородицы, пречудну вельми, и всѣми различными виды украси ю отъ злата и сребра, и пять верховъ ея позолоти, двери же церковные троѣ золотомъ устрои, каменьемъ дорогимъ и жемчугомъ украси ю многоцѣннымъ и всякими узорочьи удиви ю..... и всѣми виды и устроеньемъ подобна бысть удивленію Соломоновѣ святая святыхъ“ (Ипатьев. лѣт.). Такимъ образомъ Успенскій соборъ „церковь пречудная вельми“ горѣлъ и блисталъ золотомъ и многоразличными украшеніями совнѣ и представлялъ по своему великолѣпію поистинѣ поразительное зрѣлище. Соотвѣтственно своему внѣшнему великолѣпію, соборъ, по Ипатьевской лѣтописи, роскошно былъ украшенъ и внутри: всѣ стѣны покрыты были высоко-художественной живописью, пояса и бордюры между отдѣльными священными изображеніями, „измечтанныя всякою хитростью“ относительно формъ и узоровъ, и ихъ поля были покрыты и кованы золотомъ и украшены драгоцѣнными камнями, жемчугомъ и финифтью. Верхъ алтарной стѣны надъ царскими дверями былъ уставленъ рядами драгоцѣнно украшенныхъ иконъ, которыя окованы были золотомъ и блистали крупнѣйшимъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, такъ что эта стѣна представляла одно сплошное блистаніе. Вся церковь была увѣшана множе-

ствомъ золотыхъ и серебряныхъ поликандилъ и, наконецъ, предъ царскими вратами устроенъ былъ „отъ злата и сребра“ драгоцѣнный амвонъ въ видѣ цѣлой бесѣдки или каѳедры. Итакъ Успенскій соборъ внутри представлялъ собою сплошную массу драгоцѣнностей: золото и серебро, драгоцѣнные камни и безцѣнный жемчугъ, финифть и мраморъ.—Таковъ былъ дивный храмъ Боголюбскаго—русскаго Соломона и Юстиніана. Украшая такъ роскошно свой соборъ, Андрей Боголюбскій какъ бы приготовлялъ изъ него драгоцѣнный кивотъ для Чудотворной иконы Богоматери, принесенной имъ изъ Вышгорода, которую онъ и помѣстилъ здѣсь, когда было окончено имъ украшеніе храма. Съ этого времени Владимірскій Успенскій соборъ и сталъ главнымъ храмомъ во всей Русской землѣ. Съ этого времени въ немъ всѣ Великіе Князья до Іоанна III восходили на великокняжескій престолъ.

Но, будучи своего рода чудомъ, этотъ храмъ существовалъ только 10 лѣтъ послѣ мученической кончины своего создателя. Въ 1174 г. скончался Андрей Боголюбскій, вѣроломно убитый въ своемъ любимомъ Боголюбовѣ коварными родственниками Кучковичами, а въ 1185 г. во Владимірѣ случился великій пожаръ, когда погорѣлъ почти весь городъ. Въ числѣ другихъ 32 церквей сдѣлался добычею огня и нашъ златоверхій Успенскій соборъ. Загорѣвшись сверху онъ выгорѣлъ до самаго низа, и всѣ его богатства и великолѣпіе недвижимое и движимое, по сказанію лѣтописца, „взя огнь безъ утеча и безъ остатка“, кромѣ Чудотворной иконы Богоматери, которая была чудесно спасена отъ огня Божіимъ Промысломъ.

Но не долго соборъ Боголюбскаго оставался въ такомъ печальномъ состояніи. Преемникъ Боголюбскаго—братъ его Всеволодъ возобновилъ Успенскій соборъ, значительно при этомъ расширивъ его, а именно: онъ обстроилъ его съ трехъ сторонъ—западной, сѣверной и южной новыми бѣлокаменными стѣнами на разстояніи 2 слишкомъ саженъ отъ прежнихъ стѣнъ, проломавъ большія отверстія въ старыхъ наружныхъ стѣнахъ, которыя послѣ этого превратились во внутренніе столбы; при чемъ пере-

строилъ онъ и алтарныя абсиды, нѣсколько расширивъ ихъ и выдвинувъ къ востоку; при этомъ на углахъ новой расширенной постройки было выведено еще по малой главѣ, и соборъ такимъ образомъ изъ одноглаваго, какимъ онъ былъ при Боголюбскомъ, превратился въ пятиглавый. Воздвигнутыя Всеволодомъ стѣны украшены были по образцу и въ стилѣ украшеній, находившихся на наружности прежняго собора.

Вопросъ о Всеволодовскихъ пристройкахъ, сдѣланныхъ къ собору Андрея Боголюбскаго, считавшійся нѣкоторое время спорнымъ, теперь—на 3-мъ Областномъ Владимірскомъ Археологическомъ Съѣздѣ рѣшенъ окончательно. Несомнѣнныя данныя для такого рѣшенія вопроса мы находимъ на теперешнихъ внутреннихъ стѣнахъ, бывшихъ нѣкогда наружными. А именно:—здѣсь мы видимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вверху и внизу щелеобразныя окна и остатки узорчатаго горизонтальнаго пояса, который обыкновенно опоясываетъ наружныя стѣны Владимірскихъ церквей [1]). Присутствіе оконъ и горизонтальнаго пояса на внутреннихъ стѣнахъ съ несомнѣнностію доказываетъ, что эти стѣны были нѣкогда наружными въ соборѣ Боголюбскаго, и что слѣдовательно теперешнія наружныя стѣны пристроены потомъ, что́, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, и сдѣлано Всеволодомъ III.—Насколько соборъ украшенъ былъ Всеволодомъ внутри? Хотя объ этомъ мы и не находимъ повѣствованій въ лѣтописяхъ,

---

[1]) При осмотрѣ Успенскаго собора мы замѣтили, что въ алтарѣ на внутреннихъ стѣнахъ—и сѣверной и южной есть окна и вверху и внизу и горизонтальный поясъ; въ средней части храма на внутренней сѣверной стѣнѣ ближе къ востоку видны окна и вверху и внизу и горизонтальный поясъ, а на тойже стѣнѣ ближе къ западу сохранилось одно только верхнее окно, и то наполовину заложенное, и горизонтальный поясъ, а внизу продѣлана большая арка; на внутренней западной стѣнѣ на боковыхъ фасахъ и вверху и внизу сохранились окна и горизонтальный поясъ; на южной стѣнѣ сохранилось одно только окно—на средней фасѣ вверху—и остатокъ пояса. На внутреннихъ стѣнахъ сѣверной и южной сохранились окна и на хорахъ, только наполовину заложены.

но надо полагать, что великій князь позаботился и о внутреннемъ благоукрашеніи собора. Возобновленный Всеволодомъ III и ставшій, по словамъ лѣтописи, опять „аки новъ“, но несомнѣнно уже вовсе не тѣмъ, чѣмъ былъ, —Успенскій соборъ чрезъ 50 лѣтъ, въ нашествіе монголовъ въ 1238 г., при взятіи послѣдними Владиміра, снова былъ выжженъ и при томъ разграбленъ. Во время пожара въ этомъ храмѣ на хорахъ погибла и великая княгиня Агаѳія, супруга вел. кн. Георгія, съ дочерью, снохами и внучатами, и многія боярскія жены; общую участь съ ними раздѣлилъ и доблестный святитель Владимірскій Митрофанъ. Въ огнѣ и пламени погибло все внутреннее благолѣпіе храма; остался опять невредимымъ только Чудотворный образъ Богоматери, но и онъ лишенъ былъ всѣхъ своихъ драгоцѣнныхъ украшеній. Еще гробница св. кн. Глѣба, сына Андрея Боголюбскаго, бывшая поверхъ пола, къ удивленію, не сгорѣла; около нея, сказано въ житіи его, былъ какой-то чудный огонь, не допускавшій къ ней прикасаться огню вещественному.

Возобновленный послѣ этого пожара во 2-й разъ вел. кн. Ярославомъ Всеволодовичемъ и, по всей вѣроятности, уже совсѣмъ скромно, Успенскій соборъ былъ нѣкоторое время каѳедральнымъ соборомъ русскихъ митрополитовъ, слѣдовательно въ возможной степени о немъ еще заботились.

Но, съ перенесеніемъ великокняжеской столицы и митрополичьей каѳедры изъ Владиміра въ Москву въ 1328 г., начинается для Успенскаго собора періодъ постепеннаго упадка его прежней славы. Впрочемъ на первыхъ порахъ Московскіе князья еще заботились о благолѣпіи древняго святилища земли Русской. Роковымъ же для него годомъ былъ 1395-й годъ, когда онъ лишился своей величайшей святыни—Чудотворнаго образа Богоматери, который, по случаю нашествія на Россію Тамерлана, по просьбѣ вел. кн. Московскаго Василія Дмитріевича, былъ перенесенъ въ Москву и потомъ навсегда ужъ оставленъ былъ тамъ въ Успенскомъ соборѣ. Съ этого времени соборъ Владимірскій оставлялся какъ бы въ тѣни и заб-

веніи. До нѣкоторой степени скорбь Владимірцевъ по случаю этой тяжелой утраты великій князь Московскій Василій Дмитріевичъ облегчилъ, во 1-хъ, тѣмъ, что распорядился, вмѣсто унесенной въ Москву Чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери, перенести во Владиміръ точную копію ея, написанную митр. Петромъ, а во 2-хъ, повелѣлъ Владимірскій Успенскій соборъ украсить искусной живописью знаменитымъ тогда художникамъ Даніилу Иконникову и Андрею Рублеву, которые, по сказанію лѣтописи, въ 1408 г. по *прежнимъ чертамъ* возстановили и обновили стѣнопись внутри всего собора, какъ въ постройкахъ Андрея Боголюбскаго, такъ и въ пристройкахъ Всеволода III. Но послѣ 1412 г., когда во время нападенія на Владиміръ ордынскаго царевича Талыча Успенскій соборъ снова былъ разграбленъ [1]), онъ уже не могъ возвратить себѣ прежняго благолѣпія и сталъ быстро клониться къ разрушенію. Теперь для него настали времена почти такого же бѣдствія, какъ нѣкогда для Кіевскаго Софійскаго собора, такъ что и ему грозила опасность потерять свои верхи.

Новое возобновленіе его началось съ начала 18 в.

Такъ въ 1708 г. стольникомъ Григоріемъ Андреевичемъ Племянниковымъ на собственныя средства возобновленъ иконостасъ и прежнія иконы, затѣмъ въ главномъ алтарѣ устроены вновь большія нижнія окна, а также расширены нѣкоторыя окна въ самомъ храмѣ и, наконецъ, для поддержанія ветхихъ стѣнъ храма по всѣмъ 4-мъ угламъ храма устроены изъ бѣлаго камня массивные контрфорсы. Чрезъ 16 лѣтъ—въ 1724 г. по опредѣленію Св. Си-

---

[1]) Въ рукописномъ житіи св. князя Глѣба повѣствуется о необыкновенномъ явленіи, бывшемъ въ соборномъ храмѣ во время разграбленія его царевичемъ Талычемъ: „Въ нашествіе безбожнаго царевича Талыча на градъ Владиміръ, сказано тамъ, окаянніи ратники его увидѣша въ соборнѣй церкви гробъ святаго князя Глѣба и помышляя, яко сосуды и имѣніе златое и сребренное ту сохранено, повелѣша доску сверху гроба отъяти, и егда вскрыша, изыде страшный великій пламень изъ гроба, и падоша ратники отъ страха, яко мертвіи".

нода началось капитальное исправленіе собора съ наружной стороны, которое продолжалось до 1734 г. Послѣ этой перестройки соборъ представлялъ совсѣмъ уже другой видъ. Находящіяся поверхъ стѣнъ его полукруглыя закомары, составляющія отличительную особенность Владиміро-Суздальской архитектуры XII в., выровнены были подъ шатровое покрытіе кирпичемъ. Вмѣсто прежняго кружальнаго или посводнаго покрытія, составляющаго тоже особенность Владиміро-Суздальской архитектуры, устроена была надъ всѣмъ соборомъ четырехскатная крыша. Въ алтарныхъ абсидахъ верхнія обветшавшія бѣлокаменныя части надложены были подъ покрытіе кирпичемъ почти на 3 аршина. При покрытіи собора на 4 ската крыша поднята была такъ высоко, что окна въ главномъ трибунѣ закрыты были ею почти на 3 арш., а въ остальныхъ четырехъ трибунахъ закрылись по мѣрѣ наклона крыши. Измѣнены были и самые трибуны. Арочки, которыми оканчивались трибуны, всѣ заложены были кирпичемъ и поверхъ ихъ были надстроены еще кирпичные карнизы высотою до полутора аршинъ. Это измѣненіе трибуновъ повлекло за собою и измѣненіе куполовъ, которые утонули въ надстройкахъ.—Вмѣсто прежнихъ низкихъ полусферическихъ куполовъ, которые относятся также къ числу особенностей Владиміро-Суздальской архитектуры, надъ всѣми 5-ю трибунами устроены были массивныя главы въ видѣ луковицъ. Благодаря всѣмъ этимъ исправленіямъ и перестройкамъ, соборъ былъ гарантированъ отъ дальнѣйшаго разрушенія, но первоначальный видъ его былъ совершенно потерянъ (см. рис. 1).

Въ 1768—1774 г. по указу Импер. Екатерины II, которая проѣздомъ изъ Казани (1767 г.) посѣтила Владимірскій Успенскій соборъ и тронута была его бѣдностью и ветхостью, произведена была капитальная ремонтировка внутри собора, которая какъ бы толстой непроницаемой завѣсой покрыла теперь всю древнюю живопись въ соборѣ—этотъ драгоцѣннѣйшій памятникъ древне-русской иконописи.— Древній иконостасъ былъ замѣненъ новымъ, который существуетъ до сихъ поръ; иконостасъ этотъ отличается мас-

1. Успенскій соборъ во Владимірѣ XII вѣка (до реставраціи).

сивностью и прекрасной архитектурной рѣзьбой. Древнюю же фресковую живопись, возобновленную въ началѣ 15-го в. знаменитыми художниками Иконниковымъ и Андреемъ Рублевымъ, какъ сильно обветшалую и не соотвѣтствующую стилю новаго иконостаснаго письма, рѣшено было закрыть новой живописью въ одинаковомъ стилѣ съ иконами иконостаса. По всему алтарю вновь тогда написаны лицевыя изображенія изъ Евангельской исторіи. А въ самомъ храмѣ расписана была только средняя арка подъ хорами, остальное же мѣсто подъ хорами все было покрыто масляной краской, а все прочее древнее стѣнное письмо въ храмѣ было забѣлено известью. Такимъ образомъ древняя живопись теперь была совершенно похоронена подъ этимъ новымъ благоукрашеніемъ и скрывалась, такъ сказать, подъ спудомъ болѣе ста лѣтъ, пока Промыслъ Божій не привелъ на Владимірскую каѳедру преосв. Ѳеогноста, которому Богъ помогъ очистить это святилище земли Русской отъ всѣхъ позднѣйшихъ пристроекъ, надстроекъ, измѣненій и искаженій, исправить всѣ поврежденія и представить этотъ дивный храмъ Боголюбскаго и Всеволода III въ прежнемъ его величіи и первоначальной красотѣ.

Когда преосв. Ѳеогностъ назначенъ былъ на Владимірскую каѳедру въ 1878 г., какъ внутренность, такъ и внѣшность Владимірскаго Успенскаго собора представляла собою самый печальный видъ. Живопись въ алтарѣ, произведенная въ 1768—74 г., кромѣ того, что не соотвѣтствовала древности собора, пришла уже въ совершенную ветхость; въ самомъ храмѣ, кромѣ нѣсколькихъ трубящихъ ангеловъ на главной аркѣ подъ хорами, да еще открытыхъ въ 1859 г. Академикомъ Солнцевымъ древнихъ лицевыхъ изображеній Авраама, Исаака и Іакова въ райскомъ саду на сводѣ въ юго-западной части храма, всѣ стѣны были покрыты или масляной краской или известью, которая теперь отсырѣла и осыпалась. Съ наружной стороны, не говоря уже объ искаженіяхъ, какія внесены были въ соборъ капитальной ремонтировкой въ 1724—34 г., тоже все пришло въ ветхость: колонны и полуколонны

на стѣнахъ были полуразрушены, рельефныя украшенія или сбиты или замазаны толстыми слоями извести, крыша и купола на трибунахъ проржавѣли и прохудились, кресты едва держались, контрфорсы отъ стѣнъ отстали и проч. Оцѣнивъ по достоинству всю историческую цѣнность этого замѣчательнаго памятника древне-русскаго зодчества и иконографіи, просвѣщенный Архипастырь Владимірскій рѣшилъ привести его въ должное благолѣпіе и возвратить ему его прежній видъ. Снесясь предварительно съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, онъ въ 1880 г. съ Божьей помощью и приступилъ сначала къ реставраціи внутренности собора, которая и была закончена въ 1884 г.; а съ 1887 г. имъ начата была реставрація наружнаго вида и закончена въ 1891 г. Реставрація производилась съ величайшей осторожностью и въ строгой послѣдовательности, подъ ближайшимъ наблюденіемъ Московскаго Археологическаго Общества, которое въ лицѣ своихъ депутатовъ зорко слѣдило за всѣмъ ходомъ этого дѣла: устраивались коммиссіи, обсуждались и рѣшались разные вопросы, изыскивались мѣры и, благодаря этому, реставрація была произведена образцово и въ удивительно короткій срокъ. Сначала исправлена была живопись въ алтарѣ, а затѣмъ было приступлено къ возстановленію древней живописи въ самомъ храмѣ—въ главномъ трибунѣ, на сводахъ, аркахъ и на стѣнахъ. Подъ осторожно снятой масляной краской и известью, а также за иконами на столбахъ и за иконостасомъ во многихъ мѣстахъ обнаружились древнія стѣнописи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно хорошо сохранившіяся, напр. картина страшнаго суда на западной стѣнѣ, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ требовавшія дополненій, а на иныхъ мѣстахъ совсѣмъ не сохранилось живописи. И всѣ эти исправленія, дополненія и новыя стѣнописи исполняемы были съ величайшею осторожностью и осмотрительностію въ стилѣ древней живописи, современной построенію Успенскаго собора. Образцемъ и руководствомъ въ данномъ случаѣ служили фрески Староладожскія Георгіевскія и Спасоперединцкія—12 в. Но при возстановленіи нѣкоторыхъ изображеній, для которыхъ

не находилось образца ни въ упомянутыхъ церквахъ, ни на древнихъ иконахъ, ни въ разныхъ Археологическихъ изданіяхъ, незамѣнимую услугу оказалъ случайно пріобрѣтенный въ Москвѣ фотографическій снимокъ съ чудотворной иконы Владимірской Богоматери, принесенной нѣкогда во Владиміръ вел. кн. Андреемъ Боголюбскимъ. На этомъ снимкѣ на каймѣ вокругъ иконы изображены были всѣ двунадесятые праздники, и изображенія эти оказались совершенно сходными съ изображеніями, открытыми на стѣнахъ Владимірскаго собора. Такимъ образомъ Сама Небесная Покровительница города Владиміра явилась помощницей въ этомъ затруднительномъ дѣлѣ. И теперь, благодаря просвѣщенному содѣйствію Московскаго Археологическаго Общества и неусыпнымъ заботамъ Преосв. Ѳеогноста, таинственная завѣса, скрывавшая семивѣковую живопись, спала, и мы можемъ наслаждаться здѣсь образцемъ древне-русской стѣнописи [1]).

Фрески Владимірскаго Успенскаго собора по полнотѣ иконографическихъ сюжетовъ, по художественности исполненія, не имѣютъ себѣ равныхъ среди памятниковъ древнерусскаго искусства и иконографіи, сохранившихся до сего времени, за исключеніемъ развѣ Кіево-Софійскихъ мозаикъ и фресокъ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода. Особенно замѣчательны фрески, изображающія страшный судъ, сохранившіяся во всей своей первобытной полнотѣ. Отдѣльныя части этой картины, за недостаткомъ мѣста, разбросаны по разнымъ мѣстамъ—по западной стѣнѣ, аркамъ, сводамъ и столбамъ главнаго и праваго нефа. „Развернутая здѣсь картина, по словамъ Н. В. Покровскаго, представляетъ собою такое монументальное явленіе, равнаго которому мы не знаемъ въ стѣнописяхъ до 17 в.“ (Труды VI Археологич. Съѣзда въ Одессѣ т. III. 1887 г. стр. 309). На западной стѣнѣ надъ входной аркой помѣщено „уготованіе престола“: здѣсь изображенъ престолъ, на немъ евангеліе, восьмиконечный крестъ съ

---

[1]) На реставрацію и благоукрашеніе внутренности собора израсходовано болѣе 63 тысячъ рублей.

тростію и копіемъ; у подножія престола—сосудъ, въ которомъ находится, вѣроятно, кровь распятаго Богочеловѣка, омывшая грѣхи человѣческаго рода; къ сосуду прикрѣплены праведные вѣсы; здѣсь же Адамъ и Ева въ колѣнопреклоненномъ положеніи; по сторонамъ престола Богоматерь и Предтеча. Выше престола колесница Іезекіиля, обычно изображаемая у ногъ Господа. По обѣимъ сторонамъ престола возсѣдаютъ апостолы на тронахъ, какъ судіи, съ раскрытыми книгами, на которыхъ написаны буквы, означающія ихъ имена; а за апостолами тьмы ангеловъ съ жезлами въ рукахъ, оканчивающимися монограммами Христа. Центральное положеніе въ этомъ изображеніи занимаетъ Самъ Іисусъ Христосъ, какъ Верховный Судія, представленный на главномъ сводѣ подъ хорами сидящимъ въ кругѣ образованномъ изъ серафимовъ въ рѣшающемъ моментѣ послѣдняго суда: правой рукой Онъ призываетъ праведниковъ къ наслѣдію блаженства, а лѣвой выражаетъ отверженіе грѣшниковъ. Подлѣ Спасителя два ангела свиваютъ небо въ видѣ полотна съ изображенными на немъ солнцемъ, луною и звѣздами. По сосѣдству съ изображеніемъ Спасителя вверху на средней аркѣ представлены въ кругѣ символическія фигуры 4-хъ царствъ: — Македонскаго въ видѣ грифона, Римскаго въ видѣ крылатаго дракона, Вавилонскаго въ видѣ медвѣдя и антихристова въ видѣ рогатаго звѣря. Изобразивъ обстановку суда, художникъ переходитъ затѣмъ къ изображенію самаго процесса суда: на средней аркѣ подъ хорами изображены по сторонамъ трубящіе ангелы, изъ коихъ одинъ трубитъ внизъ, другой—вверхъ, созывая живыхъ и умершихъ на судъ; и по звуку архангельской трубы земля и море отдаютъ мертвецевъ. Земля изображена здѣсь въ видѣ женщины съ жезломъ въ правой рукѣ и гробомъ въ лѣвой; вокругъ нея воскресающіе люди въ бѣлыхъ саванахъ и представители царства звѣрей, птицъ и пресмыкающихся: левъ, слонъ, пеликанъ, змѣй. Рядомъ изображено море въ видѣ женщины съ распущенными волосами,—правой рукою она держитъ оснащенный корабль, возлѣ котораго плаваютъ морскія рыбы. По звуку

тѣхъ же ангельскихъ трубъ возстаютъ лики святыхъ царей, царицъ, мучениковъ, святителей, преподобныхъ. Ангелъ показываетъ пророку Даніилу кончину міра и грядущія событія. Дальше въ правомъ нефѣ подъ хорами изображено шествіе святыхъ въ рай, которыми предводительствуетъ ап. Петръ съ ключемъ въ правой рукѣ, а рядомъ съ нимъ ап. Павелъ со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, на которомъ написано: „придѣте со мною благіихъ“, правой же рукою указываетъ онъ на мѣсто блаженства праведниковъ; за Апостолами слѣдуютъ праотцы и пророки, святители, мученики, преподобные, царицы и другія праведныя жены. Надпись надъ этимъ изображеніемъ: „идутъ святіи въ раі“. Среди райскихъ деревьевъ изображенъ благоразумный разбойникъ, съ восьмиконечнымъ крестомъ въ лѣвой рукѣ, съ надписью: „благоразумный разбойникъ свѣтъ невечерній“. Самое блаженство праведниковъ представлено въ 2-хъ видахъ: въ одномъ мѣстѣ изображена кисть правой руки съ пригнутыми пальцами, въ которой находятся праведныя души, въ видѣ кучки крохотныхъ младенцевъ,—очевидно, буквальное олицетвореніе библейскаго выраженія: „праведныхъ души въ рукѣ Божіи“. Въ другомъ мѣстѣ изображено лоно Авраамово: на широкомъ возвышеніи среди райскихъ деревьевъ сидятъ—Авраамъ въ видѣ старца, Исаакъ—въ зрѣломъ возрастѣ и Іаковъ въ видѣ молодого человѣка. У Авраама въ пазухѣ души праведныхъ въ видѣ маленькихъ человѣчковъ; рядомъ съ нимъ еще нѣсколько дѣтскихъ фигуръ въ нимбахъ и бѣлыхъ сорочкахъ. Это изображеніе (лоно Авраамово) было открыто, какъ мы замѣтили выше, еще въ 1859 г. Академикомъ Солнцевымъ и сохранилось лучше всѣхъ другихъ. Наконецъ, въ раю изображена Богоматерь на тронѣ среди 2-хъ приникающихъ къ Ней ангеловъ (—на стѣнѣ подъ сводомъ юго-западной части храма).

Кромѣ вышеописанной нами картины Страшнаго суда, подъ штукатуркой при реставраціи собора вверху на стѣнахъ открыты изображенія праздниковъ: Преображенія, Сошествія Св. Духа, Крещенія, Введенія Богоматери и Срѣтенія, а также изображенія святыхъ: Авраамія затвор-

ника, Артемія Селевкійскаго, Антонія Великаго, Ѳеодосія Великаго, царя Давида, пророка Исаіи и другихъ.

— Вотъ и все, что сохранилось изъ древней росписи собора, какъ обнаружилось при его реставраціи [1]).

Принимая во вниманіе многочисленные пожары, которымъ подвергался Успенскій соборъ и во время которыхъ едва ли могла уцѣлѣть древняя современная постройкѣ собора живопись, большинство ученыхъ изслѣдователей склоняется къ предположенію, что уцѣлѣвшіе остатки фресковой живописи, открытые подъ штукатуркой во время послѣдней реставраціи (1882—1884 г.), по всей вѣроятности, принадлежатъ кисти Андрея Рублева, который, по сообщенію лѣтописей, расписывалъ Успенскій соборъ въ 1408 г. Это предположеніе, по мнѣнію Н. В. Покровскаго, Кондакова и Толстого, подтверждаетъ и самый стиль живописи. Самый стиль росписи, говорятъ они, высокія и стройныя фигуры изображаемыхъ здѣсь святыхъ, детальное мелкое письмо, тонкія черты лицъ, тщательность и чистота отдѣлки, а также головные уборы царицъ, идущихъ въ рай,—все напоминаетъ лучшую Московскую иконопись XV в. (Покровскій.—Очерки памятн. христ. иконографіи, Стр. 320. Толстой и Кондаковъ.—Русскія древности вып. VI. Стр. 60). Но, съ другой стороны, принимая во вниманіе, во 1-хъ, лѣтописное сказаніе, что Андрей Рублевъ и его товарищи возстановили и обновили стѣнопись *по прежнимъ чертамъ,* и, во 2-хъ, палеографическія данныя нѣкоторыхъ надписей, указывающія на 12—14 вв. (М. и В. И. Успенскіе. Замѣтки о древнерусскомъ иконописаніи. 1901. Стр. 58), можно думать, что между этими фресками сохранилось и древнее письмо м. б. даже Андреевскаго времени или, по крайней мѣрѣ

---

[1]) Рисунки фресокъ см.—Труды Владимірской ученой Архивной Коммиссіи кн. 5. 1903 г. рис. 1—9;—М. и В. И. Успенскіе—„Замѣтки о древне-русскомъ иконописаніи". 1901. рис. 11—19; Покровскій Н. В. „Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства". 1900. рис. 163—169. Толстой и Кондаковъ—„Русскія древности въ памятникахъ искусства" вып. VI. 1899. рис. 97—99; Новицкій—„Исторія русскаго искусства". 1903. т. 1. рис. 191—192.

Всеволодовскаго, каковое мнѣніе было высказано еще покойнымъ Мансветовымъ (Приб. къ Твор. св. Отецъ. 1883. II. Стр. 546).—Въ этомъ, именно, смыслѣ и рѣшенъ на 3-мъ Областномъ Археологическомъ Съѣздѣ вопросъ о фрескахъ Владимірскаго Успенскаго собора, а именно, что открытыя при реставраціи Успенскаго собора фрески относятся по своему происхожденію къ началу 15 в., а нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть отнесены даже къ 12 в.,—ко времени первоначальнаго построенія Успенскаго собора.—Въ этомъ громадное значеніе Владимірскаго Успенскаго собора для исторіи древне-русской иконописи.

Въ 1887—91 гг. произведена была, какъ выше мы упомянули, реставрація наружнаго вида собора. И здѣсь дѣло реставраціи велось съ такой же, если не съ большей, осторожностью и осмотрительностью. Сначала реставрированъ былъ верхъ собора. Для этого предварительно сняты были осторожно кирпичныя надстройки на стѣнахъ собора и возстановлены закомары или кружала, потомъ очищены были своды отъ позднѣйшихъ наслоеній, исправлены въ поврежденныхъ мѣстахъ и гладко зацементованы, послѣ этого ужъ снята была четырехскатная крыша, и соборъ покрытъ былъ желѣзной дуговой или посводной крышей. Затѣмъ приступлено было къ исправленію трибуновъ,—и здѣсь сняты были позднѣйшія кирпичныя надстройки, исправлены были колонки и украшенія, возстановлены прежнія окна, сняты были массивныя обветшалыя луковичныя главы, и всѣ трибуны покрыты были полусферическими куполами, при чемъ главный трибунъ покрытъ дорогой позлащенной красной Аравійской мѣдью [1]), угловые же трибуны покрыты желѣзомъ, а кресты на куполахъ, сооруженные въ одинаковыхъ размѣрахъ и въ одинаковомъ рисункѣ съ прежними, всѣ вызолочены чрезъ огонь. Наконецъ, приступлено было къ исправленію самыхъ стѣнъ: всѣ трещины были пробраны и залицованы новымъ камнемъ, исправлены были колонны и рельефныя

---

[1]) Мѣди употреблено было на покрытіе главы 127 пудовъ, а золота на позлащеніе ея израсходовано $^1/_2$ пуда.

украшенія, заложены были вновь пробитыя окна, возстановлены были въ первоначальномъ видѣ всѣ расширенныя окна и въ заключеніе отняты были неуклюжіе контрфорсы, подъ которыми обнаружились заложенныя окна и двери, которыя были тоже возстановлены [1]).

Этотъ „замѣчательнѣйшій памятникъ древне-русскаго зодчества, по словамъ Забѣлина [2]), бывшаго въ составѣ депутаціи отъ Московскаго Археологическаго Общества при реставраціи Успенскаго собора, былъ обновленъ съ такою осмотрительностію и осторожностію, съ такимъ въ высшей степени точнымъ выполненіемъ всѣхъ археологическихъ требованій, что это обновленіе во всѣхъ отношеніяхъ можетъ служить примѣромъ и образцемъ для будущихъ другихъ случаевъ возстановленія памятниковъ зодчества въ ихъ первоначальномъ видѣ".—Такъ разумно произведенная реставрація возвратила Владимірскому Успенскому собору тотъ первоначальный его видъ, какой онъ имѣлъ въ давнія времена своихъ строителей—Андрея Боголюбскаго и Всеволода III [3]). Теперь мы имѣемъ слѣдовательно въ этомъ памятникѣ драгоцѣнный образецъ Владиміро-Суздальской архитектуры XII в. (См. рис. 2).

Отмѣтимъ теперь отличительныя архитектурныя черты Владимірскаго Успенскаго собора, характеризующія собою Владиміро-Суздальскую архитектуру XII в. Владимірскій Успенскій соборъ, нужно замѣтить, принадлежитъ къ типу расширенныхъ церквей, а потому онъ имѣетъ въ основаніи форму не квадрата, какъ большинство Владиміро-Суз-

---

[1]) Рисунки разныхъ частей храма въ томъ черновомъ видѣ, какой онѣ имѣли по снятіи позднѣйшихъ накладокъ, см. въ очень интересномъ альбомѣ инженера-архитектора Карабутова „Чертежи по реставраціи Успенскаго собора во Владимірѣ въ 1888—1891 г." на 57 большихъ листахъ. См. еще „Древности". Труды Москов. Археол. Общ. т. 16 табл. III—XXIV.

[2]) Древности. Труды Москов. Археолог. Общества. т. 16. 1900. Стр. 40.

[3]) На реставрацію внѣшняго вида собора израсходовано до 90 тысячъ рублей + 63 тысячи на реставрацію внутренности, слѣдовательно вся реставрація стоила болѣе 150 тысячъ рублей.

2. Успенскій соборъ во Владимірѣ XII вѣка
(послѣ реставраціи).

дальскихъ церквей 12 в., построенныхъ по византійскому плану, а форму нѣсколько удлиненнаго четырехугольника, благодаря притвору въ западной части; и внутренность его дѣлится не четырьмя столбами, какъ во многихъ небольшихъ Владиміро-Суздальскихъ церквахъ, благодаря которымъ внутреннее расположеніе получаетъ форму равноконечнаго греческаго креста, а 6-ю столбами на 3 продольныхъ нефа, изъ которыхъ средній шире боковыхъ [1]). На восточной сторонѣ къ основному четырехугольнику примыкаютъ 3 полукруглыхъ выступа или абсиды. На западной сторонѣ вверху надъ притворомъ устроены хоры. Наружныя стѣны Успенскаго собора Всеволодовской постройки—западная, сѣверная и южная по вертикальному направленію дѣлятся полуколоннами на 5 фасъ, оканчивающихся вверху полукруглыми арками или такъ называемыми закомарами. По этимъ закомарамъ и по сводамъ соборъ покрытъ коробовой крышей. На восточной сторонѣ 3 полукруглыя абсиды тоже съ посводнымъ покрытіемъ. На стѣнахъ собора, а также и на абсидахъ, по одному въ каждой фасѣ, устроены высокія и узкія щелеобразныя окна съ широкой стороной откоса кнаружи и внутрь. На 4-хъ углахъ Всеволодовской пристройки и надъ центромъ возвышаются 5 высокихъ трибуновъ или тамбуровъ, изъ коихъ каждый крытъ полусферическимъ куполомъ. Въ трибунахъ устроены такія же высокія щелеобразныя окна, какъ и на стѣнахъ собора.—Но все это—такія черты, которыя встрѣчаются и въ церквахъ византійскихъ и въ нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ русскихъ, напр. Кіевскихъ и Новгородскихъ. Оригинальность Владиміро-Суздальской архитектуры составляютъ другія особенности, которыми Владиміро-Суздальскія церкви отличаются и отъ Кіевскихъ,

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду Андреевскій соборъ безъ Всеволодовскихъ пристроекъ, когда въ наружныхъ Андреевскихъ стѣнахъ пробиты были широкія арки, благодаря которымъ Андреевскія стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получили какъ бы форму столбовъ, вслѣдствіе чего внутри Всеволодовскаго собора получилось ужъ не 3, а 5 продольныхъ нефовъ.

и отъ Новгородскихъ и отъ Московскихъ. Сюда относятся, во первыхъ,—горизонтальный узорчатый поясъ, состоящій изъ ряда арочекъ, поддерживаемыхъ колонками, утвержденными на кронштейнахъ, чаще всего фигурныхъ. Этотъ поясъ раздѣляетъ наружныя стѣны—сѣверную, западную и южную на 2 половины—верхнюю и нижнюю. Вторую особенность составляетъ почти такой же узорчатый карнизъ, который увѣнчиваетъ алтарныя абсиды и верхнюю часть трибуновъ. Третью отличительную особенность составляютъ своеобразной формы двери на западной, сѣверной и южной сторонахъ на подобіе романскихъ порталовъ, съ полукруглымъ верхомъ и съ большими откосами по сторонамъ, уставленными вперемежку столбами и колонками, стянутыми вверху узорчатыми полукруглыми перемычками. Наконецъ, четвертую самую характерную особенность Владиміро-Суздальской архитектуры составляютъ скульптурныя или обронныя украшенія на наружныхъ стѣнахъ, въ видѣ человѣческихъ фигуръ, птицъ, животныхъ и растеній. Но эта послѣдняя особенность въ Успенскомъ соборѣ, какъ одномъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ Владиміро-Суздальской архитектуры, выдѣляется еще довольно слабо. Прежде на его стѣнахъ можетъ быть было и больше такихъ изображеній, но теперь, по крайней мѣрѣ, на немъ такихъ изображеній сохранилось очень не много. Такъ на сѣверной сторонѣ подъ главной аркой вверху мы видимъ скульптурное изображеніе благословляющаго обѣими руками Спасителя и трехъ Вавилонскихъ отроковъ подъ Нимъ. Подъ другими арками на той же стѣнѣ по сторонамъ оконъ сохранились львиныя маски и женскія головы; такія же маски по сторонамъ нѣкоторыхъ оконъ сохранились и на южной стѣнѣ. Наконецъ, скульптурныя изображенія разныхъ фантастическихъ звѣрей, львиныхъ и женскихъ головъ мы видимъ на фризѣ на абсидахъ подъ колонками. Кромѣ того, внутри церкви подъ пятами арокъ вверху пилястръ мы видимъ рѣзныхъ львовъ. Нѣсколько камней съ слѣдами сбитыхъ изображеній мы замѣтили съ наружной стороны на южной стѣнѣ внизу; очевидно, эти камни взяты изъ другихъ мѣстъ

этого же собора и употреблены при одной изъ ремонтировокъ какъ матеріалъ. Отсюда слѣдуетъ съ несомнѣнностью, что прежде на стѣнахъ Успенскаго собора было больше такихъ изображеній. Но гораздо полнѣе и рельефнѣе эта особенность Владиміро-Суздальской архитектуры выражена на другомъ Владимірскомъ соборѣ—Дмитріевскомъ, который въ архитектурномъ отношеніи заслуживаетъ даже бо́льшаго вниманія, чѣмъ Успенскій соборъ.

Дмитріевскій соборъ въ г. Владимірѣ.

Дмитріевскій соборъ, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, построенъ между 1193 и 1197 г.г. великимъ княземъ Владимірскимъ Всеволодомъ III, братомъ Андрея Боголюбскаго. На протяженіи своей многовѣковой исторіи онъ подвергался одинаковой участи съ прочими церквами Владимірскими:—не разъ горѣлъ и былъ разграбляемъ татарами, поляками и литовцами. Въ царствованіе Іоанна Грознаго соборъ былъ обезображенъ пристройками съ сѣверной и южной стороны придѣловъ, а съ западной—высокой паперти и двухъ небольшихъ колоколенъ по угламъ, которыя совершенно измѣняли первоначальный видъ собора и закрывали многія изъ древнѣйшихъ его украшеній. Но въ 1834 г. Императоръ Николай Павловичъ, въ бытность свою во Владимірѣ, приказалъ уничтожить эти позднѣйшія пристройки, на что была и ассигнована потребная для этого сумма; и въ 1847 г. соборъ Дмитріевскій предсталъ въ своей первоначальной красотѣ, въ каковомъ видѣ и существуетъ до сихъ поръ, невольно приковывая къ себѣ вниманіе всѣхъ—и археологовъ, и историковъ, и художниковъ и вообще всякаго любознательнаго человѣка.

По богатству, разнообразію и оригинальности своихъ наружныхъ украшеній Дмитріевскій соборъ является, можно сказать, единственнымъ памятникомъ въ мірѣ; не даромъ онъ всегда служилъ и до сихъ поръ служитъ предметомъ удивленія для всѣхъ, интересующихся археоло-

гіей русскаго искусства. Это—наиболѣе уцѣлѣвшій и самый изящный изъ всѣхъ Владиміро-Суздальскихъ храмовъ дотатарской эпохи, сохранившихся до нашихъ временъ. Храмъ этотъ во всѣхъ его частяхъ, до мелчайшихъ подробностей въ украшеніяхъ, является въ такой законченной формѣ, что въ сравненіи съ другими современными ему зданіями можетъ, по всей справедливости, считаться образцемъ архитектуры, достигшей уже полнаго своего развитія. Дѣйствительно, Дмитріевскій соборъ служитъ прекраснымъ образцемъ Владиміро-Суздальскаго стиля, такъ какъ на этомъ храмѣ самымъ рельефнымъ образомъ отразились всѣ характерныя особенности Владиміро-Суздальской архитектуры. Поэтому архитектура Дмитріевскаго собора заслуживаетъ особеннаго вниманія; по ней можно составить полное представленіе объ архитектурѣ Владиміро-Суздальскаго стиля. Вопросъ о происхожденіи архитектурныхъ особенностей Дмитріевскаго собора есть слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о происхожденіи вообще Владиміро-Суздальскаго храмового стиля, самаго, можно сказать, оригинальнаго изъ русскихъ храмовыхъ стилей.—Это даетъ намъ основаніе поподробнѣе остановиться на архитектурномъ устройствѣ Дмитріевскаго собора и выяснить, по мѣрѣ возможности, вопросъ о происхожденіи этого оригинальнаго архитектурнаго типа.

Дмитріевскій соборъ построенъ, какъ и Успенскій соборъ и другія древнія церкви Владимірскія, (за исключеніемъ Княгининскаго женскаго монастыря), изъ бѣлаго известковаго камня, привозимаго изъ Волжской Болгаріи. Построенъ соборъ по плану Византійскихъ церквей—въ формѣ почти правильнаго квадрата съ 3-мя полукруглыми выступами на восточной сторонѣ. Четыре большихъ столба, поставленные въ центрѣ, придаютъ внутренности форму равноконечнаго греческаго креста. Эти столбы поддерживаютъ большой круглый трибунъ, крытый полусферическимъ куполомъ. Вверху эти столбы соединяются арками и между собою и съ пилястрами, приставленными къ стѣнамъ. Четыре оконечности креста покрыты коробовыми полуциркульными сводами, опирающимися на арки, пере-

3. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ XII вѣка.

кинутыя со столбовъ на пилястры стѣнъ. Угловыя части церкви между концами креста покрыты тоже коробовыми сводами. На западной сторонѣ внутри устроены хоры. Съ наружной стороны стѣны западная, сѣверная и южная посредствомъ колонокъ, идущихъ отъ земли до кровли, дѣлятся по вертикальному направленію каждая на 3 фасы, заканчивающіяся вверху полукруглыми арками или закомарами, на которыхъ обнаруживается конструкція внутреннихъ сводовъ. По этимъ закомарамъ и по сводамъ соборъ крытъ коробовой крышей, а трибунъ, какъ мы замѣтили выше, крытъ полусферическимъ куполомъ. На стѣнахъ вверху въ каждой фасѣ по одному окну, внизу окна устроены только въ боковыхъ фасахъ на западной стѣнѣ. Изъ алтарныхъ выступовъ въ среднемъ большомъ 3 окна, а въ боковыхъ по одному окну; въ барабанѣ—8 оконъ,—и всѣ окна длинныя и щелеобразныя съ широкими наружными и внутренними откосами [1]).—Все это такія черты, которыя встрѣчаются и въ византійскихъ и во многихъ древнихъ русскихъ церквахъ—Кіевскихъ и Новгородскихъ. Оригинальность архитектуры Дмитріевскаго собора и вообще архитектуры Владиміро-Суздальской составляютъ, какъ мы замѣтили выше, другія особенности, какихъ мы не встрѣчаемъ ни въ византійской архитектурѣ, ни въ русской, кромѣ церквей Владиміро-Суздальскихъ, а именно: горизонтальный узорчатый поясъ, которымъ наружныя стѣны—западная, сѣверная и южная дѣлятся на двѣ равныя половины—верхнюю и нижнюю, почти такой же узорчатый карнизъ, которымъ увѣнчиваются алтарные выступы и трибуны, порталы на 3-хъ сторонахъ—западной, сѣверной и южной и, наконецъ, обиліе наружныхъ скульптурныхъ или такъ называемыхъ обронныхъ украшеній. (См. рис. 3).

Первыя три особенности—горизонтальный узорчатый поясъ, узорчатый карнизъ и своеобразнаго устройства входныя двери или такъ называемые порталы, по обще-

---

[1]) На главѣ мѣдный крестъ съ красивою въ срединѣ рѣшеткою; въ основаніи креста полумѣсяцъ, а на верху креста голубь.

принятому уже почти теперь мнѣнію ученыхъ, имѣютъ, несомнѣнно, западное романское происхожденіе. Вопросъ же о наружныхъ скульптурныхъ украшеніяхъ, составляющихъ самую характерную особенность Владиміро-Суздальской архитектуры, до сихъ поръ, можно сказать, остается открытымъ. Это—самый важный и самый интересный и въ то же время, нужно замѣтить, самый трудный для изслѣдованія вопросъ. До сихъ поръ рѣшеніе этого вопроса не выходитъ изъ области лишь вѣроятныхъ предположеній. Какъ относительно смысла настѣнныхъ скульптурныхъ украшеній высказывается много самыхъ разнообразныхъ гипотезъ, изъ коихъ ни одна не можетъ считаться общепринятой, такъ и относительно происхожденія этихъ украшеній разными учеными высказываются разныя мнѣнія, такъ что вопросъ этотъ, за недостаткомъ точныхъ лѣтописныхъ указаній на этотъ счетъ и вслѣдствіе разрушенія многихъ средневѣковыхъ памятниковъ, до сихъ поръ остается спорнымъ. Не рѣшенъ этотъ вопросъ и на 3-мъ Областномъ Археологическомъ Съѣздѣ. Дмитріевскій соборъ главнымъ образомъ и замѣчателенъ своими настѣнными украшеніями. Эти украшенія, повторяю, составляютъ самую важную, самую характерную особенность Владиміро-Суздальской архитектуры, такъ что съ вопросомъ о происхожденіи этихъ скульптурныхъ украшеній на стѣнахъ Владимірскихъ церквей тѣсно связывается вопросъ о происхожденіи Владиміро-Суздальской архитектуры вообще; поэтому нельзя не остановиться поподробнѣе на этихъ украшеніяхъ.

Скульптурныя украшенія на стѣнахъ Дмитріевскаго собора представляютъ собою высѣченныя на бѣломъ камнѣ рельефныя изображенія святыхъ, звѣрей, разныхъ фантастическихъ животныхъ, птицъ, деревьевъ, цвѣтовъ и т. под. При чемъ каждая фигура, звѣрь, растеніе, эмблема, каждая сцена составляетъ отдѣльную плиту, на поверхности раздѣланную плоскимъ барельефомъ, во всѣхъ частяхъ равнымъ, какъ будто срѣзаннымъ. И такими плитами выложены съ наружной стороны всѣ стѣны собора. Здѣсь постоянно чередуются между собою разнообразныя

сцены и фигуры изъ животнаго и растительнаго царства: львы, грифы—съ головою орла, его крыльями и тѣломъ льва, пардусы—съ львинымъ тѣломъ, пышнымъ хвостомъ и головою волка съ высунутымъ языкомъ, иногда съ бородкой, василискъ въ видѣ женской крылатой фигуры съ драконьимъ завивающимся хвостомъ; изъ птицъ—орлы, голуби; изъ растеній—виноградная лоза, лилія, смоковница, фантастическія изображенія двухъ или даже трехъ львовъ съ одной головой,—двухъ птицъ, переплетающихся шеями или хвостами; разныя сцены борьбы людей и животныхъ между собою, напр. грифъ держитъ подъ собой растерзанное животное, василискъ бьется съ рысью, человѣкъ убиваетъ льва или съ палицею идетъ на большую птицу или охотникъ съ лукомъ изъ за дерева стрѣляетъ птицу и т. под.—И такими изображеніями сплошь покрыты стѣны—западная, сѣверная и южная отъ кровли и до горизонтальнаго пояса и даже ниже пояса въ арочкахъ между колонками и на консоляхъ или выпускныхъ камняхъ. Такія же изображенія мы видимъ и между колонками узорчатаго карниза на алтарныхъ абсидахъ и на простѣнкахъ трибуна. Наконецъ, порталы, колонки, арочки надъ колонками, капители колоннокъ, пояса, карнизъ трибуна—покрыты мелкой рѣзьбой чисто декоративнаго характера [1]).

Религіозныя композиціи на Дмитріевскомъ соборѣ очень немногочисленны; онѣ расположены на каждой стѣнѣ и при томъ во всѣхъ 3-хъ аркадахъ вверху. Главной центральной фигурой является изображеніе святого, который представленъ здѣсь въ молодомъ возрастѣ, безъ бороды, съ длинными волосами, сидящимъ на богато убран-

---

[1]) Рисунки Дмитріевскаго собора съ разныхъ сторонъ и въ отдѣльныхъ его частяхъ см. Труды Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи, кн. 5. 1903 г.; Памятники древняго русскаго зодчества.—Изд. Рихтера 1851 г. черт. 4—6; Кондаковъ и Толстой—Русскія древности въ памятн. искусства, вып. 6. 1899 г. рис. 44—66, 68—75; Прохоровъ.—Христ. древности. 1875 г.; Альбомъ къ Трудамъ I Археолог. Съѣзда въ Москвѣ, карта IX, рис. 10, XV, рис. 46—47; Новицкій—Исторія русскаго искусства, т. I. 1903 г. рис. 107. 112 и 118.

номъ престолѣ, съ короной на головѣ и сіяніемъ вокругъ нея, съ благословляющей правой рукой и съ длиннымъ развернутымъ свиткомъ въ лѣвой рукѣ. Судя по надписи, сдѣланной надъ точно такимъ же изображеніемъ на стѣнахъ церкви Покрова на Нерли, которая считается прототипомъ Дмитріевскаго собора, здѣсь изображенъ царь Давидъ (См. рис. 4). Это изображеніе находится на всѣхъ трехъ стѣнахъ Дмитріевскаго собора, какъ и на Покровской церкви, подъ средней главной аркой вверху надъ окномъ. На западной стѣнѣ собора по обѣимъ сторонамъ сидящаго на престолѣ Давида изображены — и въ главной аркадѣ и въ боковыхъ — преклоняющіеся ангелы и пророки, а сверху между двухъ птицъ, похожихъ на голубей, изображенъ парящій ангелъ. Кромѣ того, на западной же стѣнѣ въ правой аркадѣ надъ окномъ изображены трое святыхъ въ трехъ круглыхъ медальонахъ и съ одной стороны неизвѣстнаго имени пророкъ, сидящій на креслѣ со свиткомъ въ рукахъ, а съ другой стороны, по видимому, св. Никита, наказывающій дьявола, изображеннаго здѣсь въ видѣ маленькаго человѣчка, котораго Никита держитъ лѣвой рукой за волосы, а правой замахнулся какъ бы для удара. Все остальное поле 3-хъ аркадъ на западной стѣнѣ занято въ 12 рядовъ или поясовъ одиночными изображеніями звѣрей, фантастическихъ животныхъ, растеній и эмблемъ, среди которыхъ особо выдѣляются въ 5-мъ ряду снизу всадники въ нимбахъ, ѣдущіе на какихъ-то эмблематическихъ звѣряхъ, — 4 всадника въ средней аркадѣ, по 2 съ каждой стороны окна, и 2 всадника въ правой аркадѣ по сторонамъ окна, а въ лѣвой аркадѣ въ томъ же ряду изображены двое святыхъ въ круглыхъ медальонахъ. На сѣверной стѣнѣ въ главной аркадѣ вверху представлено то же изображеніе Давида, въ лѣвой боковой аркадѣ вверху— Богоматерь съ Младенцемъ среди четырехъ преклоняющихся пастырей, а въ правой аркадѣ—Богородица, сидящая въ молитвенной позѣ на престолѣ, по сторонамъ Ея двое святителей, а сверху—птицы, между прочимъ, по видимому, голубь. Ниже представлены, какъ и на западной

4. **Царь Давидъ.**

Рельефное изображеніе на западной, сѣверной и южной стѣнахъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ XII вѣка.

стѣнѣ, тѣ же изображенія фантастическихъ животныхъ, птицъ и растеній; только въ 5 ряду снизу, гдѣ на западной стѣнѣ изображены всадники, здѣсь—въ главной аркадѣ и въ правой боковой—изображены 6 святыхъ въ медальонахъ. На южной стѣнѣ въ главной аркадѣ вверху опять то же изображеніе Давида, а надъ нимъ изображеніе 2-хъ сидящихъ пророковъ со свитками въ рукахъ, посреди которыхъ „престолъ уготованный“ или такъ называемый по гречески „Гетимасія“ и Св. Духъ, спускающійся отъ престола на Давида. Въ боковыхъ аркадахъ вверху изображено—въ лѣвой—Крещеніе Господне съ 2-мя преклоняющимися ангелами и Св. Духомъ, нисходящимъ отъ десницы, а въ правой аркадѣ—Восхожденіе на небо Александра Македонскаго. Ниже—тѣ же изображенія фантастическихъ животныхъ, птицъ и деревьевъ, а въ 5-мъ ряду снизу опять, какъ и на западной стѣнѣ, въ главной аркадѣ и въ правой изображены 6 всадниковъ, а въ лѣвой аркадѣ въ томъ же ряду двое святыхъ въ медальонахъ. Между колонками горизонтальнаго узорчатаго пояса на всѣхъ 3-хъ стѣнахъ размѣщены фигуры святыхъ въ святительскихъ, царскихъ, иноческихъ и воинскихъ одѣяніяхъ и между ними выдѣляется фигура архидіакона Стефана съ кадильницею въ рукахъ и ораремъ на плечѣ. На западной стѣнѣ всѣ святые (числомъ 23) изображены сидящими на престолахъ, а на южной и сѣвѣрной стѣнахъ (по 24 на каждой) изображены въ стоячемъ положеніи съ крестами, или свитками въ рукахъ или съ молитвенно воздѣтыми руками. Фантастическіе звѣри, птицы, цвѣты и деревья и здѣсь окружаютъ святыхъ, но въ меньшемъ количествѣ. Тѣ же изображенія фантастическихъ звѣрей и птицъ мы видимъ и между колонками узорчатаго карниза на абсидахъ. На барабанѣ въ простѣнкахъ между окнами фигуры святыхъ помѣщены въ круглыхъ медальонахъ и чередуются опять съ изображеніями звѣрей, птицъ и растительнымъ орнаментомъ.— Вотъ общая картина расположенія скульптурныхъ украшеній на Дмитріевскомъ соборѣ.

Изъ всѣхъ вышеописанныхъ нами изображеній, кромѣ центральной фигуры царя Давида, заслуживаетъ вниманія между прочимъ изображеніе св. Никиты, казнящаго бѣса, помѣщенное, какъ выше мы замѣтили, на западной стѣнѣ въ боковой аркадѣ надъ правымъ окномъ. Это изображеніе вездѣ было распространено у насъ и между прочимъ на небольшихъ мѣднолитныхъ образахъ и крестахъ.

Но безспорно, самое любопытное здѣсь изображеніе, это—Восхожденіе Александра Македонскаго на небеса, помѣщенное на южной стѣнѣ Дмитріевскаго собора въ правой боковой аркадѣ надъ окномъ. (См. рис. 5).—Здѣсь представленъ мужчина съ длинными волосами въ четырехугольной шапкѣ и въ кафтанѣ съ оплечьемъ. Онъ сидитъ по поясъ въ корзинѣ, къ которой привиты хвосты 2-хъ грифовъ. Въ рукахъ онъ держитъ высоко надъ головой двухъ животныхъ, въ родѣ ягнятъ, какъ бы показывая ихъ грифамъ, запряженнымъ въ корзину. Значеніе этого барельефа легко выясняется изъ сравненія его съ подобнымъ же барельефомъ на сѣверной стѣнѣ собора св. Марка въ Венеціи, гдѣ изображено то же самое событіе съ маленькимъ измѣненіемъ въ деталяхъ [1]). Подвиги Александра Великаго, воспѣтые сначала на Востокѣ со всего пылкостью восточной фантазіи, послужили темой для украшеній восточныхъ тканей; затѣмъ, перешедши на западъ, они сдѣлались однимъ изъ любимыхъ мотивовъ

---

[1]) Первоначальный разсказъ объ этомъ событіи заимствованъ изъ греческаго источника и принадлежитъ Псевдо-Калисѳену. Западными писателями въ этотъ разсказъ внесены нѣкоторыя измѣненія, напр. упоминаемые Псевдо-Калисѳеномъ куски говядины, которые Александръ держалъ на двухъ копьяхъ надъ головами этихъ чудовищныхъ птицъ, заставляя ихъ, стремясь за добычей, поднимать его къ небу, почти вездѣ замѣняются двумя четвероногими животными, какъ мы видимъ это и на Дмитріевскомъ соборѣ; на венеціанскомъ же барельефѣ самыя копья въ рукахъ Александра заканчиваются въ видѣ зайцевъ. На Фрейбургскомъ соборѣ Александръ показываетъ грифамъ маленькое животное, тоже похожее на зайца. — Такое же изображеніе мы видимъ въ Зарайскомъ соборѣ на каменной рѣзной панагіи (14 в.), и здѣсь Александръ держитъ въ рукахъ двухъ животныхъ, тоже похожихъ на зайцевъ.

5. Восхожденіе Александра Македонскаго на небеса.

X. Рельефное изображеніе на южной стѣнѣ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ XII вѣка.

для романскихъ стихотворцевъ XII в., а отсюда перешли и въ романское искусство. Но между всѣми похожденіями Александра Великаго первое мѣсто занимало восхожденіе его на небеса; по простотѣ сцены и по удобству исполненія ее часто исполняли на изваяніяхъ и особенно на капителяхъ романскихъ зданій; и памятники съ подобнымъ изображеніемъ, нужно замѣтить, преимущественно сохранились на западѣ, именно, въ романскомъ искусствѣ, что̀ до нѣкоторой степени проливаетъ свѣтъ на вопросъ о происхожденіи Владиміро-Суздальской архитектуры.

Послѣ описанія всѣхъ этихъ украшеній, которыми испещрены наружныя стѣны Дмитріевскаго собора, невольно является вопросъ, какой же смыслъ соединяется съ этими оригинальными изображеніями, что́ они символизируютъ и какое отношеніе имѣютъ къ церкви? Много существуетъ на этотъ счетъ объясненій, но ни одно не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ. Одинъ изъ первыхъ мѣстныхъ археологовъ—Доброхотовъ видитъ въ этихъ украшеніяхъ иллюстрацію словъ псалма Давидова: „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“, въ частности — въ центральной фигурѣ святого, сидящаго на престолѣ, видитъ Господа Вседержителя [1]). Такое же объясненіе обороннымъ украшеніямъ Дмитріевскаго собора въ послѣднее время даютъ и Толстой и Кондаковъ. „Внутренній смыслъ, говорятъ они, раскрывается всѣмъ ансамблемъ изображеній: религіозныхъ сценъ и фигуръ по отношенію къ звѣриному царству“. Такъ какъ религіозныя композиціи расположены въ отдѣльности — вверху надъ каждой изъ 3-хъ сторонъ храма и при томъ въ каждой изъ 3-хъ аркадъ, на которыя декоративно дѣлится стѣна, стало быть, говорятъ они, „смыслъ всѣхъ скульптуръ сосредоточивается, именно, въ этихъ религіозныхъ сценахъ“, онѣ, именно, и служатъ дѣлу внутренней связи всѣхъ разсыпанныхъ по стѣнамъ и ничѣмъ по внѣшности не связанныхъ между собою скульптуръ. Здѣсь, говорятъ они, представлено „славословіе Творцу отъ всея твари“.

---

[1]) См. Памятники древности во Владимірѣ. 1849. Стр. 140—141.

Связующая мысль всѣхъ этихъ скульптуръ—„слава великаго, непостижимаго въ своихъ дивахъ, непонятнаго въ своихъ тайнахъ Божьяго міра“ [1]). Главнымъ образомъ представленный здѣсь міръ, говорятъ они, не простой, реальный, всѣмъ извѣстный міръ, но міръ Премудрости Божіей, открывающійся Божескимъ просвѣщеніемъ, книжнымъ, мудрымъ наученіемъ, которое говоритъ намъ о всемъ явномъ и о всемъ сокровенномъ, реальномъ и чудесномъ, простомъ и волшебномъ, какъ оно открывается священнымъ писаніемъ“ [2]). Сообразно съ этимъ и въ центральной фигурѣ юнаго пророка они видятъ ветхозавѣтный прообразъ Новозавѣтнаго учителя—„царя Соломона, своимъ присутствіемъ посреди всего этого животнаго и растительнаго царства какъ бы связующаго міръ въ одно цѣлое своимъ мудрымъ пониманіемъ этого міра“, такъ какъ о писаніяхъ Соломона апокрифы говорятъ: „Изглагола (Соломонъ) три тысуща притча и бяху пѣсни его пять тысущь; и глагола о древесехъ, отъ кедра сущаго на Ливанѣ даже и до исопа, исходяща изъ стѣны; и глагола и о скотѣхъ и о гадѣхъ и о птицахъ и о рыбахъ“ [3])... Такимъ образомъ они видятъ здѣсь, во всѣхъ этихъ украшеніяхъ, „образъ Софіи—Премудрости, выраженной по раннему средневѣковому пониманію, въ лицѣ ветхаго мудреца царя Соломона“ [4]). Для уясненія такого, именно, значенія всѣхъ этихъ скульптуръ, Толстой и Кондаковъ проводитъ параллель между представленными здѣсь фигурами и сказаніями „Голубиной Книги“ [5]).—Изложенное нами объяс-

---

[1]) Толстой и Кондаковъ. Русскія древности; вып. VI. 1899 г. Стр. 27.

[2]) Тамъ же. Стр. 29—30.

[3]) Тамъ же. Стр. 31.

[4]) Тамъ же. Стр. 31.

[5]) „Голубиная Книга“ представляетъ собою типъ переложенія сказаній миѳологическаго и естественнаго содержанія въ форму катихизиса христіанской натуралистической и моральной философіи. Такого рода катихизисъ имѣетъ задачею охватить всѣ царства природы, библейскую исторію въ главныхъ чертахъ и въ параллели съ Новымъ Завѣтомъ преподать христіанскія моральныя понятія.

неніе, какое даютъ рельефнымъ изображеніямъ Дмитріевскаго собора Доброхотовъ, Толстой и Кондаковъ, будто здѣсь выражено прославленіе Творца всей тварью, едва ли можетъ быть принято. Во первыхъ, въ фигурѣ юнаго царственнаго пророка нѣтъ основанія видѣть, какъ хочетъ Доброхотовъ, Господа Вседержителя или, какъ хотятъ Толстой и Кондаковъ, царя Соломона, олицетворяющаго здѣсь будто бы собой Софію—Премудрость Божію, которая выражена здѣсь въ массѣ настѣнныхъ изображеній изъ животнаго и растительнаго царства, такъ какъ надъ точно такимъ же изображеніемъ на стѣнахъ церкви Покрова на Нерли, которая представляетъ собою въ миніатюрѣ Дмитріевскій соборъ, есть ясная надпись, указывающая на Давида, что даетъ намъ право видѣть, именно, Давида въ подобной же фигурѣ и на стѣнахъ Дмитріевскаго собора [1]). А во вторыхъ, здѣсь много есть такихъ изображеній, гдѣ, напримѣръ, одно животное растерзываетъ другое или человѣкъ закалываетъ какого-нибудь фантастическаго звѣря, каковыя изображенія никакъ не гармонируютъ съ идеей прославленія Бога. Другой изслѣдователь Владимірскихъ достопамятностей — іеромонахъ Іоасафъ—настѣнныя украшенія Дмитріевскаго собора сближаетъ съ слѣдующими словами Апокалипсиса: „И всяко созданіе, еже есть на небеси, и на земли, и подъ землею и на мори яже суть, и сущая въ нихъ, вся слышахъ глаголющыя; сѣдящему на престолѣ и агнцу благословеніе и честь и слава и держава во вѣки вѣковъ„ (Гл. V, ст. 13). „Дѣйствительно, говоритъ Іоасафъ, Спаситель изображенъ сидящимъ на престолѣ поверхъ этихъ небес-

---

[1]) Въ первый разъ это изображеніе ошибочно названо Спасителемъ въ изданіи графа Строганова (Дмитріевскій соборъ. 1849 г.); эту ошибку повторили затѣмъ Доброхотовъ, іеромонахъ Іоасафъ и, наконецъ, графъ Уваровъ на I Археологическомъ Съѣздѣ. Владимірскій же архитекторъ Артлебенъ, спеціально занимавшійся по порученію Съѣзда изслѣдованіемъ этой фигуры на Дмитріевскомъ соборѣ и Покровской церкви, первый исправилъ эту ошибку, прочитавъ на Покровской церкви надъ головой этой фигуры надпись, указывающую на царя Давида.

ныхъ и земныхъ существъ“ [1]). Віолле-ле-Дюкъ—французскій ученый архитекторъ, которому принадлежитъ очень солидное изслѣдованіе о русскомъ искусствѣ (L'art russe, ses origines, ses éléments, constitutifs, son opogée, son avenir“. 1877), говоритъ, что здѣсь изображено твореніе міра.— Объясненія іером. Іоасафа и франц. ученаго Віолле-ле-Дюка настолько, по нашему мнѣнію, произвольны, что мы не считаемъ нужнымъ и опровергать ихъ.—Существуютъ и другія объясненія, по которымъ рельефныя изображенія на стѣнахъ Дмитріевскаго собора имѣютъ отношеніе къ событіямъ изъ жизни св. Димитрія Солунскаго, въ честь котораго построенъ Дмитріевскій соборъ:—одно объясненіе принадлежитъ графу Строганову, другое—Чаеву. По мнѣнію Строганова, высказанному въ его монографіи „Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ“ (1849 г.), эти изображенія представляютъ собою воспроизведеніе гербовъ Македонскихъ городовъ, такъ какъ Димитрій Солунскій былъ проконсуломъ Македоніи. Что же касается изображеній, намекающихъ на ристалища амфитеатра, то они, по мнѣнію Строганова, могли явиться здѣсь потому, что Димитрій Солунскій, какъ видно изъ его житія, оказалъ покровительство Нестору, изъявившему свое согласіе вступить въ борьбу съ любимымъ царскимъ гладіаторомъ Ліемъ, чѣмъ и навлекъ на себя гнѣвъ императора; слѣдовательно и эти изображенія, говоритъ Строгановъ, имѣютъ отношеніе къ жизни св. Димитрія („Дмитр. соборъ“ стр. 8—9).— Это же объясненіе повторено было Рихтеромъ въ „Памятникахъ древняго рус. зодчества“. Но съ такимъ объясненіемъ графа Строганова тоже нельзя согласиться, такъ какъ сходство между рельефными изображеніями Дмитріевскаго собора и Македонскими гербами на самомъ дѣлѣ довольно слабое, это—во первыхъ, а во вторыхъ, здѣсь есть много такихъ изображеній, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ Македонскимъ гербамъ и, слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія остаются необъяснимыми.

---

[1]) „Церковно-историческое описаніе Владимірскихъ достопамятностей“. 1857 г. Стр. 100.

Наконецъ, чѣмъ объяснить въ такомъ случаѣ присутствіе подобныхъ же изображеній на стѣнахъ другихъ Владимірскихъ церквей, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ Димитрію Солунскому, напримѣръ на церкви Покрова на Нерли или на Юрьевскомъ соборѣ. — Объясненіе же Чаева основано на житіи св. Димитрія, гдѣ разсказывается такое чудо, какъ однажды варвары напали на Солунь и увели между прочимъ въ плѣнъ двухъ дѣвицъ, умѣющихъ вышивать „всякіе виды цвѣтовъ и древесъ и птицъ и звѣрей и лицъ человѣческихъ", какъ языческій князь заставилъ ихъ вышивать образъ св. Димитрія Солунскаго, какъ онѣ, по окончаніи этой работы, сидя у пялецъ, плакали и просили прощенія у св. Димитрія и такъ, рыдая надъ образомъ, уснули и во снѣ почью вмѣстѣ съ образомъ чудесно были перенесены святымъ Димитріемъ въ Солунь къ его гробу. „Возрадовашася Солуняне о такомъ преславномъ чудеси, прибавляетъ жизнеописатель, и праздноваша радостно день св. Димитрія; образъ же его швейный надъ алтаремъ поставиша и многая отъ него чудеса бываху" [1]). Этотъ разсказъ о чудѣ, по мнѣнію Чаева, и подалъ зодчему мысль покрыть соборъ пеленой съ вышитыми на ней звѣрями, птицами и образомъ св. Димитрія, ѣдущаго на конѣ. Это объясненіе, по нашему мнѣнію, еще менѣе основательно, чѣмъ объясненіе графа Строганова, такъ какъ на самомъ образѣ св. Димитрія, которымъ Чаевъ старается объяснить происхожденіе рельефныхъ изображеній на Дмитріевскомъ соборѣ, не были вышиты эти изображенія. А затѣмъ это объясненіе Чаева вызываетъ противъ себя опять то же возраженіе, что и объясненіе графа Строганова, а именно: если, по мнѣнію Чаева, эти рельефы на Дмитріевскомъ соборѣ имѣютъ отношеніе къ жизни св. Димитрія, то въ такомъ случаѣ необъяснимыми остаются такія же изображенія на стѣнахъ церквей, построенныхъ не въ честь св. Димитрія,—на Покровской церкви близъ Боголюбова и на Георгіевскомъ

---

[1]) Чаевъ. „О русскомъ старинномъ церковномъ зодчествѣ" — Древняя и Новая Россія. 1875 г. № 6. Стр. 150.

соборѣ въ Юрьевѣ Польскомъ. Очевидно, эти изображенія не имѣютъ никакого отношенія къ жизни св. Димитрія.

Какъ же въ такомъ случаѣ объяснить эти загадочные рельефы? На дѣло нужно смотрѣть проще. Всѣ эти рельефныя украшенія, по всей вѣроятности, представляютъ собою простую, чисто механическую комбинацію, безъ всякаго внутренняго единства. Это—декоративная игра или произвольный хаотическій наборъ всякихъ символическихъ и эмблематическихъ изображеній. Разные мастера, высѣкая на камняхъ разные попавшіеся имъ подъ руки узоры для украшенія стѣнъ Дмитріевскаго собора, по всей вѣроятности, вовсе не думали о томъ символическомъ значеніи въ размѣщеніи ихъ на стѣнахъ, какъ находятъ нѣкоторые, а вырѣзали изображеніе по шаблонамъ, какіе у нихъ были подъ руками. Дѣйствительно, кромѣ немногочисленныхъ религіозныхъ композицій, которыя всѣ размѣщены вверху стѣнъ, гдѣ имъ и подобаетъ быть по ихъ сравнительно большему значенію для храма, всѣ прочія изображенія изъ животнаго и растительнаго царства размѣщены, по видимому, безъ всякаго отношенія одного къ другому, нѣкоторыя изъ нихъ по нѣсколько разъ повторяются на одной и той же стѣнѣ, и, кажется, только для того, чтобы замѣнить какимъ-нибудь узоромъ пустое мѣсто; иныя вдѣланы даже бокомъ, а другія и внизъ головой, потому что такъ пришлось лучше и удобнѣе на стѣнѣ. Изображенія растеній, звѣрей, птицъ и разныхъ фантастическихъ животныхъ—все перемѣшано между собою какъ пришлось, безъ всякаго порядка и значенія. Такое объясненіе Дмитріевскихъ скульптуръ въ первый разъ высказано было Прохоровымъ въ его „Христіанскихъ древностяхъ“ (1875 г. стр. 43—44); такое же объясненіе дается и Н. В. Покровскимъ (Памятники христ. архитектуры. 1901 г. Стр. 60) и въ послѣднее время повторено изслѣдователемъ Владимірскихъ храмовъ—Д. Бережковымъ. (Труды Влад. Ученой Архивной Коммиссіи. кн. 5. 1903 г. стр. 83). Это объясненіе раздѣляемъ и мы и склонны думать, что всѣ эти наружныя рельефныя изображенія на стѣнахъ Дмитріевскаго

собора служатъ просто для украшенія и оживленія бо́льшихъ плоскихъ поверхностей стѣнъ собора, такъ какъ вкусъ къ подобнымъ украшеніямъ тогда у насъ былъ очень развитъ и, по видимому, этотъ вкусъ у насъ постепенно развивался, такъ какъ количество этихъ украшеній со временемъ возрастаетъ. Такъ впервые мы встрѣчаемъ эти украшенія въ маломъ количествѣ на Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, построенномъ въ 1158 г., затѣмъ въ маломъ же, но сравнительно уже бо́льшемъ количествѣ, встрѣчаемъ ихъ на церкви Покрова на Нерли, построенной въ 1165 году, гдѣ такія украшенія покрываютъ верхнюю часть полукружія. Еще позднѣе—на Дмитріевскомъ соборѣ (построенномъ между 1193 и 1197 г.) украшенія эти покрываетъ уже барабанъ и верхнюю половину стѣнъ до пояса и даже ниже пояса между колонками, оставляя однако всю нижнюю половину гладкою, а 40 лѣтъ спустя—въ Георгіевскомъ соборѣ въ Юрьевѣ Польскомъ, построенномъ Святославомъ Всеволодовичемъ въ 1234 г., украшенія образуютъ уже сплошную массу узоровъ, фигуръ и арабесокъ отъ основанія и до самой кровли.—Высказанному нами мнѣнію о механическомъ расположеніи скульптурныхъ украшеній на стѣнахъ Дмитріевскаго собора безъ всякаго внутренняго смысла и связующаго единства мы не приписываемъ полной достовѣрности, не выдаемъ его за окончательное единственно вѣрное рѣшеніе вопроса, а выставляемъ его, какъ болѣе вѣроятную, по нашему мнѣнію, гипотезу въ рѣшеніи этого вопроса. Если же склоняться къ признанію какого нибудь внутренняго смысла въ этихъ украшеніяхъ, то изъ всѣхъ объясненій этого рода мы признаемъ наиболѣе вѣроятнымъ и сравнительно болѣе основательнымъ объясненіе Кондакова, по мнѣнію котораго здѣсь выражено славословіе Творцу отъ всей твари.

Въ интересахъ болѣе полнаго представленія объ оригинальной Владиміро-Суздальской архитектурѣ, мы считаемъ нужнымъ и вполнѣ умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ и о знаменитомъ Юрьевскомъ соборѣ

или соборѣ Георгіевскомъ въ Юрьевѣ Польскомъ, уѣздномъ городѣ Владим. губ., хотя члены Съѣзда, благодаря неудобству сообщенія и дальности разстоянія, и лишены были удовольствія осмотрѣть его на мѣстѣ; всетаки, повторяемъ, мы считаемъ нужнымъ кстати и на него обратить здѣсь вниманіе читателей, такъ какъ наружныя скульптурныя украшенія, какъ извѣстно, составляютъ самую характерную особенность Владиміро-Суздальской архитектуры, а этотъ соборъ среди церквей Владиміро-Суздальскихъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто по оригинальности своихъ скульптуръ, покрывающихъ сплошь его наружныя стѣны сверху до низу, за исключеніемъ алтарныхъ абсидъ и самой верхней части стѣнъ, которая представляетъ позднѣйшую накладку на стѣнахъ [1]). Нельзя говорить о Владимірской архитектурѣ и не упомянуть о Юревскомъ соборѣ. Эта „удивительная“, церковь св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ, по словамъ Н. П. Кондакова, „заслуживала бы стоять подъ стекляннымъ колпакомъ“ [2]).

Нынѣшній Юрьевскій соборъ, построенный изъ бѣлаго камня по типу прочихъ Владиміро-Суздальскихъ церквей въ 1234 г. вел. княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ на мѣстѣ разобранной церкви, построенной первоначально Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 г., возбуждаетъ особенный интересъ главнымъ образомъ своими рельефно изсѣченными изъ камня изображеніями человѣческихъ фигуръ, миѳическихъ животныхъ и растительнаго орнамента.—Здѣсь какъ порталы, такъ и стѣны декорированы сплошной орнаментаціей. Широкіе разводы изъ плетеній, образующихъ круги, а внутри ихъ пышныя лиліи, или пальметки, или крины или же птицы на вѣточкахъ представляютъ прекрасный рисунокъ, точь въ точь, по словамъ Кондакова, какъ на серебряныхъ чеканныхъ

---

[1]) Рисунки Юрьевскаго собора см. Толстой и Кондаковъ—„Русскія древности въ памятникахъ искусства“; вып. 6. 1899. рис. 76—85, 88. 90—95;—Памятники древне-русск. зодчества. Изд. Рихтера. 1851 г. черт. 1—3; Новицкій.—Исторія рус. искусства. т. I. 1903 г. рис. 105 и 115.

[2]) „Русскія древности“; вып. 6. 1899 г. стр. 57.

окладахъ Грузіи 12 в.,—орнаментъ играетъ здѣсь роль какъ бы оклада, а бѣлый камень замѣняетъ какъ бы серебро. По верхъ орнаментальнаго поля по всѣмъ 3-мъ сторонамъ собора идутъ въ видѣ карниза аркады, увѣнчанныя декоративными мавританскими арочками съ низенькими полуколонками и содержащія въ себѣ каждая стоящую фигуру Святого. Всѣ фигуры, говоритъ Кондаковъ, какъ будто вылѣплены съ одного шаблона византійскаго рисунка (рѣзко отличающагося отъ прилѣповъ Дмитріевскаго собора и въ композиціи и въ исполненіи). Угловыя колонки украшены капителями изъ 3-хъ женскихъ личинъ или масокъ; ниже находится выпуклый поясокъ изъ женскихъ головокъ, напоминающихъ готическія гротески. По угловымъ пилястрамъ южнаго портала высѣчены разводы съ птицами, львами и кентаврами въ кругахъ. У самой пяты арки вставлена плита съ любопытной прекрасной фигурой волка, бѣгущаго какъ бы среди растеній и глотающаго вѣтку, съ хвостомъ, распущеннымъ на концѣ перистымъ акантомъ и заброшеннымъ, какъ у льва. Фигура звѣря передана мастерски со всѣми деталями. Натурализмъ и правдивость изображенія указываютъ на близость къ восточному оригиналу. Это изображеніе Кондаковъ сближаетъ съ превосходнымъ изображеніемъ волка на Сассанидскомъ блюдѣ, принадлежащемъ Кабинету древностей въ Парижской національной библіотекѣ.—Особенно любопытны прилѣпы на южной стѣнѣ по сторонамъ портала, хотя здѣсь нѣтъ никакого декоративнаго порядка, и плиты, видимо, вставлялись одна за другою изъ разобраннаго ранѣе матеріала. Здѣсь въ разбивку размѣщены и звѣри, и фигуры святыхъ, и личины, и всякіе орнаменты, и всѣ эти отрывки, видимо, лучшей работы и болѣе древніе, какъ увидимъ ниже, чѣмъ въ Дмитріевскомъ соборѣ. Фигуры всѣ сдѣланы здѣсь горельефомъ, тогда какъ всѣ разводы выполнены легкимъ низкимъ рельефомъ, какъ принято въ чеканныхъ и басменныхъ работахъ.—Столь же богато украшена и сѣверная стѣна храма. И здѣсь, какъ и на южной стѣнѣ, на верху, гдѣ стѣна была переложена, разныя изображенія размѣщены

безпорядочно, тогда какъ низъ, гдѣ стѣна, по всей вѣроятности, сохранилось безъ передѣлки, представляетъ правильный рисунокъ разводовъ. Весь этотъ разнообразный матеріалъ происходитъ, по мнѣнію Кондакова, очевидно, изъ какого-то другого разобраннаго памятника и послужилъ для украшенія Юрьевскаго собора, по всей вѣроятности, при ремонтировкѣ его послѣ какого-нибудь пожара. Вся масса скульптуръ здѣсь носитъ, явно, двойной характеръ: это частью куски разрушенной стѣны этой самой церкви, частью плиты и куски другого лучшаго и при томъ древнѣйшаго зданія. Въ этомъ-то вотъ обстоятельствѣ и скрывается разгадка вопроса, многихъ занимавшаго, о древности рельефовъ Юрьевскаго собора, бросающейся въ глаза сравнительно съ прилѣпами Дмитріевскаго собора.—Итакъ скульптурный орнаментъ на стѣнахъ Юрьевскаго собора образуетъ сплошную сѣть, какъ въ чеканныхъ окладахъ на иконахъ. По мѣстамъ встрѣчаются здѣсь изображенія святыхъ, фантастическихъ животныхъ, львовъ, грифовъ, кентавровъ, птицъ и разныхъ растеній, но всѣ эти изображенія разбросаны по стѣнамъ въ такомъ хаотическомъ безпорядкѣ, что о какомъ-нибудь внутреннемъ смыслѣ ихъ не можетъ быть и рѣчи, почему вопросъ этотъ ни разу и не выдвигался въ археологической литературѣ подобно вопросу о внутреннемъ смыслѣ скульптурныхъ украшеній на стѣнахъ Дмитріевскаго собора.—Посильное рѣшеніе послѣдняго вопроса мы представили выше.

Теперь выступаетъ на сцену другой болѣе важный и болѣе трудный вопросъ—о происхожденіи скульптурныхъ украшеній на стѣнахъ Дмитріевскаго собора и вообще о происхожденіи Владиміро-Суздальской архитектуры. Вопросъ этотъ, какъ мы замѣтили выше, остается до сихъ поръ спорнымъ, въ виду отсутствія лѣтописныхъ указаній, изъ какихъ „многихъ земель приведе ему (Андрею) Богъ мастеры“ и вслѣдстіе разрушенія раннихъ средневѣковыхъ памятниковъ. Академикъ Н. П. Кондаковъ—глубокій знатокъ памятниковъ искусства, не только западно-европейскаго, но и восточнаго и византійскаго, не говоря уже,

конечно, о русскомъ, говоритъ, что онъ пересмотрѣлъ по разнымъ изданіямъ всю массу церквей съ скульптурными украшеніями на пространствѣ отъ Галиціи по Дунаю и чрезъ Венгрію до Тироля и Верхней Италіи, а также чрезъ Швейцарію до Южной Франціи включительно, какъ отъ восточной Помераніи до береговъ Рейна, за періодъ IX—XII вв., и сознается, что нигдѣ не нашелъ ни одной церкви, собора, дворца или зданія, которое могло бы быть принято за образецъ двухъ Владимірскихъ церквей—Дмитріевскаго собора и Юрьевскаго. Можно найти, говоритъ онъ, по частямъ фигуры святыхъ, животныхъ, фантастическихъ звѣрей и орнаменты, можно встрѣтить тотъ же порядокъ украшеній, можно, наконецъ, найти много лучшихъ скульптуръ, болѣе затѣйливыхъ и характерныхъ, но нельзя встрѣтить ничего тождественнаго, такъ что наши два собора являются въ своемъ родѣ единственными памятниками, особенно Дмитріевскій соборъ, по небывалому богатству скульптуръ, разсыпанному на южной, западной и сѣверной сторонахъ храма [1]). Вслѣдствіе, повторяю, разрушенія раннихъ средневѣковыхъ памятниковъ и невозможности такимъ образомъ указать гдѣ-нибудь образецъ для нашихъ соборовъ, вопросъ о происхожденіи ихъ скульптурныхъ украшеній до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ, хотя и существуетъ масса по этому вопросу гипотезъ въ русской археологической литературѣ. Даже спеціалисты при рѣшеніи этого вопроса расходятся діаметрально. Большинство изслѣдователей сходятся въ той мысли, что признаютъ здѣсь разнообразныя *чужеземныя* вліянія; разногласіе же между ними заключается лишь во взглядѣ на то, чьё преимущественно вліяніе отразилось на скульптурахъ Владиміро-Суздальскихъ, какія народности дали этой орнаментикѣ бо́льшее количество элементовъ. Такъ — французскій архитекторъ Віолле-ле-Дюкъ („Русское искусство". 1877) больше всего признаетъ здѣсь вліяніе *восточное* или азіатское, въ частности персидское и индійское, а затѣмъ и вліяніе искусства *византійскаго*

---

[1]) Русскія древности. Вып. VI 1899 г. стр. 8—9.

въ той его части, гдѣ оно сближается съ восточнымъ. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, орнаментація Владиміро-Суздальскихъ храмовъ произошла изъ смѣси византійскаго искусства съ азіатскимъ.—Стасовъ [1]) приписываетъ рельефамъ Владиміро-Суздальскихъ храмовъ чисто *византійское* происхожденіе. Даль [2]) находитъ источникъ Владиміро-Суздальскихъ рельефовъ *на сѣверѣ*—въ Нормандіи. Гр. Уваровъ [3]) признаетъ здѣсь *романское* вліяніе. Мансветовъ [4]) признаетъ *романское* вліяніе и *византійское*. Буслаевъ [5]) признаетъ вліяніе *романскаго* искуства, которое переработано здѣсь сообразно съ мѣстными потребностями и вкусами. Новицкій [6]) признаетъ здѣсь главнымъ образомъ *романское* вліяніе, но при этомъ до нѣкоторой степени допускаетъ и *восточное* вліяніе. Покровскій [7]) склоненъ видѣть здѣсь разныя иноземныя вліянія—и *восточное* и *византійское* и *романское*. Кондаковъ и Толстой, хотя, въ виду отсутствія гдѣ бы то ни было образца для нашихъ соборовъ, считаютъ пока ихъ памятниками русскаго искусства, впредь до раскрытія самыхъ памятниковъ и до точной постановки ихъ исторіи, но въ то же время не отказываются признать здѣсь чужеземное, именно, западное вліяніе, точнѣе *романское*, которое, по ихъ мнѣнію, шло къ намъ, по всей вѣроятности, изъ родственнаго намъ Галича, откуда мастера, приходя къ намъ на Русь, приносили съ собой греческій планъ церкви, греческую роспись, и только въ скульптурной орнаментаціи подчинялись развитію этого мастерства въ XI—XII вв. на Западѣ: въ Галичѣ, Польшѣ, Венгріи и Германіи [8]). Въ

---

[1]) См. Извѣстія Импер. Моск. Археол. Общ. т. VI.

[2]) См. Зодчій. 1875 г. № 11: „Историч. изслѣдованіе памятниковъ русскаго зодчества“ и 1876 г. № 7: „Обзоръ русскаго орнамента“.

[3]) См. Труды I Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. 1869. т. 1.

[4]) См. тамъ же.

[5]) См. Критическое Обозрѣніе 1879 г. №№ 2 и 5: „Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго“.

[6]) См. Исторію русск. искусства. 1903 г. т. I, стр. 175—177.

[7]) См. Памятники христ. архитектуры. 1901 г. Стр. 63.

[8]) См. Русскія древности. Вып. VI. 1899 г. стр. 37—38.

частности относительно скульптурныхъ украшеній Юрьевскаго собора, которыя въ художественномъ отношеніи Кондаковъ ставитъ выше скульптуръ Дмитріевскихъ, онъ склоняется къ мысли о ихъ восточно-византійскомъ происхожденіи. Въ Юрьевскихъ прилѣпахъ, говоритъ Кондаковъ [1]), видны восточные типы, рисунки и формы, наблюдаемыя нами въ Сиріи и отчасти на Кавказѣ. И это—восточно-византійское вліяніе, говоритъ онъ, могло идти къ намъ изъ Великой Болгаріи и Южнаго Поволжья, откуда могли приходить къ намъ вмѣстѣ съ каменотесами и рѣщики [2]). Прохоровъ [3]) признаетъ во Владимірскихъ рельефахъ *русское* мастерство, но подъ руками у мастеровъ, говоритъ онъ, были шаблоны и русскіе, и греческіе, и восточные и западные. Сусловъ, говоря о Юрьевскихъ рельефахъ, видитъ здѣсь *русское* вліяніе [4]), а Артлебенъ [5]) прямо признаетъ ихъ за работу *русскихъ* мастеровъ.

Итакъ въ рельефныхъ украшеніяхъ Владиміро-Суздальскихъ церквей различные ученые видятъ разное вліяніе: одни—восточное, другіе—византійское, третьи—западное—романское, четвертые—сѣверное—Нормандское, пятые—русское. Попытаемся по мѣрѣ силъ разобраться въ этомъ, такъ сказать, лабиринтѣ гипотезъ. Прежде всего допустить здѣсь самостоятельное чисто Суздальское искусство безъ всякаго чужеземнаго вліянія, по нашему мнѣнію, нельзя, во первыхъ, потому, что въ этомъ случаѣ по закону историческаго хода развитія искусства необходимо допустить подготовительный періодъ для выработки этого искусства, каковаго мы не видимъ здѣсь. Первыя каменныя церкви во Владиміро-Суздальской области появились, какъ извѣстно, въ 1152 г., слѣдовательно къ этому времени и нужно относить начало каменодѣла-

---

[1]) См. тамъ же. Стр. 39.

[2]) См. тамъ же. Стр. 55.

[3]) См. Христіан. древности. 1875.

[4]) См. „Очерки по исторіи древне-русск. зодчества".

[5]) См. Ежегодникъ Владим. губ. статистич. Комитета,—вып. III.

нія въ этомъ краѣ. А чрезъ 40 лѣтъ, почти, можно сказать, безъ всякаго прецедента[1]), появляется Дмитріевскій соборъ—такой замѣчательный по своей архитектурѣ памятникъ, что предъ нимъ съ восхищеніемъ останавливаются всѣ любители искусства. Въ такой сравнительно короткій срокъ рѣшительно не возможно воспитать такую высокую школу мастеровъ, какая сказалась въ постройкѣ Дмитріевскаго собора.—Во вторыхъ, мысли о самостоятельности чисто суздальскаго искусства противорѣчатъ лѣтописныя сообщенія объ иноземныхъ мастерахъ, строившихъ Владимірскія церкви. „Приведе ему (Андрею) Богъ мастеры изъ многихъ земель"—читаемъ мы въ Ипатьевской лѣтописи (6669 г.) о построеніи Успенскаго собора во Владимірѣ. Это лѣтописное сообщеніе подтверждается до нѣкоторой степени и свидѣтельствомъ Итальянскаго архитектора Аристотеля Фіоравенти, который, осмотрѣвъ по порученію Ивана III Владимірскій Успенскій соб., по образцу котораго онъ долженъ былъ построить Московскій Успенскій соборъ, призналъ его за произведеніе своихъ соотечественниковъ, замѣтивъ, что этотъ соборъ—„нѣкіихъ нашихъ мастеровъ дѣло". Въ Лаврентьевской же лѣтописи подъ 6702 г. (1194 г.) отмѣчается, какъ „чуду подобное явленіе", что при поновленіи Суздальскаго собора нашлись свои мастера „иныхъ олово льяти, иныхъ крыти, иныхъ извистью бѣлити", при чемъ, нужно замѣтить, все искусство ихъ, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, ограничивалось только самой простой побѣлкой церкви и покрытіемъ ея листами олова, о рѣзьбѣ же по камню никакого и помину здѣсь нѣтъ; а вѣдь Дмитріевскій соборъ былъ построенъ какъ разъ въ это время. Въ третьихъ, и самый характеръ рельефовъ указываетъ на чужеземное

---

[1]) Время построенія Покровской церкви, относимое на основаніи рукописнаго житія Андрея Боголюбскаго къ 1165 г., еще не достаточно установлено; нѣкоторые относятъ ее къ позднѣйшему времени, это—во 1-хъ, а во 2-хъ, Покровская церковь по богатству своихъ украшеній никакъ не можетъ сравняться съ Дмитріевскимъ соборомъ.

вліяніе. Слѣдовательно для постройки Владимірскихъ церквей, надо допустить, были вызываемы откуда то чужіе мастера, уже опытные и въ архитектурѣ и въ искусствѣ рѣзьбы по камню; мысль же о самостоятельномъ чисто суздальскомъ искусствѣ должна быть оставлена.

Что касается теперь чужеземныхъ вліяній, то большинство изслѣдователей, какъ мы видѣли, и притомъ корифеи въ археологіи русскаго искуства (напр. графъ Уваровъ, Буслаевъ, Кондаковъ), признаютъ здѣсь романское вліяніе; нѣкоторые же при этомъ допускаютъ и вліяніе восточно-византійское (напр. Покровскій, Новицкій, Мансветовъ). И эти вліянія, нужно замѣтить, нисколько не исключаютъ одно другого; совмѣстное ихъ дѣйствіе вполнѣ естественно, потому что романское-то искуство, какъ извѣстно, и образовалось изъ смѣси римскаго искуства съ элементами византійскими и восточными. „Романское искуство, по словамъ Кондакова и Толстого, по существу, составляетъ западную вѣтвь греко-римскаго искуства, на Востокѣ съ VI в. называющагося византійскимъ, а на Западѣ сложившагося только къ IX в. Эта вѣтвь античнаго искуства, дѣйствительно, имѣетъ болѣе римскихъ элементовъ, чѣмъ греческихъ, но связь романскаго искусства съ византійскимъ и восточнымъ питала эту западную обособившуюся и часто засыхавшую вѣтвь новыми силами“ [1]). Такимъ образомъ, допуская мысль о романскомъ вліяніи на орнаментацію Владиміро-Суздальскихъ церквей, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны допустить мысль отчасти и о восточномъ вліяніи, которое могло быть занесено къ намъ или вмѣстѣ съ романскимъ вліяніемъ, несомнѣнно, какъ мы уже замѣтили выше, отразившимся на архитектурномъ устройствѣ Владимірскихъ церквей, или же другимъ путемъ—путемъ непосредственныхъ сношеній Владиміро-Суздальской области съ Камской Болгаріей и съ Кавказомъ. Болгарія была отъ насъ недалеко; отсюда привозился и камень для постройки Суздальскихъ храмовъ; здѣсь на Волгѣ находился и городъ

[1]) Русскія древности; вып. VI, 1899 г. стр. 37.

Булгаръ, куда, какъ въ богатый торговый пунктъ, являлось много всякаго восточнаго люда, и общеніе Болгаріи съ Русью существовало издавна. Съ Кавказомъ предки наши тоже очень хорошо были знакомы. Сынъ Андрея Боголюбскаго—Георгій былъ женатъ на Грузинской царицѣ Тамарѣ, а Волынскій князь Изяславъ Мстиславичъ—на абхазской княжнѣ. Кромѣ того, Генуэзцы, съ давнихъ поръ занимавшіеся торговлей съ Арменіей, завели ее и съ нами. Вслѣдствіе этого отголоски сирійскаго и армянскаго искусства и даже искусства болѣе далекаго Востока легко могли отразиться въ Суздальскихъ памятникахъ, и не только въ орнаментикѣ, но и въ нѣкоторыхъ чертахъ самой конструкціи зданій [1]). Но, допуская мысль о непосредственномъ вліяніи Востока на орнаментику нашихъ церквей, при несомнѣнномъ, какъ намъ кажется, вліяніи въ то же время со стороны искусства романскаго, мы должны будемъ признать здѣсь свою особую школу мастеровъ, которые бы переработывали эти разныя вліянія и выработывали своеобразный Суздальскій стиль. Однако допустить-то этого и не можемъ мы, какъ уже замѣтили выше. Поэтому сходство нашихъ украшеній съ восточными, пожалуй, вѣрнѣе будетъ объяснять вліяніемъ романскаго искусства, въ которое, какъ извѣстно, входило не мало и восточныхъ элементовъ.

За большую вѣроятность, а пожалуй, даже достовѣрность вліянія романскаго искусства на орнаментацію нашихъ Владиміро-Суздальскихъ церквей говоритъ между прочимъ то, что другіе-то признаки, характеризующіе Владиміро-Суздальскую архитектуру: своеобразной формы входныя двери, горизонтальный узорчатый поясъ и узорчатый карнизъ, по общепринятому почти мнѣнію ученыхъ, имѣютъ романское происхожденіе. Естественно послѣ этого и орнаментацію Владимірскихъ церквей объяснять вліяніемъ романскаго же искусства, особенно если примемъ во вниманіе, что какъ разъ въ это время романское искусство достигло на Западѣ высшаго своего развитія и

[1]) Новицкій. Исторія русск. искусства. Т. I, стр. 176—177.

широко распространяло свое вліяніе на другія страны, не исключая даже Византіи; въ частности и господство орнаментальныхъ сюжетовъ звѣринаго стиля и преимущественно фантастическихъ приходится на западѣ тоже какъ разъ на это время,—на 12 столѣтіе, къ которому относится построеніе лучшихъ Владимірскихъ церквей. Въ украшеніяхъ Владиміро-Суздальскихъ церквей изъ животнаго царства, надо полагать, отразился общій въ это время всему западу обычай украшать церкви разными животными подъ вліяніемъ сказаній „бестіаріевъ" о различныхъ присущихъ имъ свойствахъ, часто толкуемыхъ въ примѣненіи даже къ лицамъ Божественнымъ. Итакъ романское вліяніе на орнаментацію Владиміро-Суздальскихъ церквей можно признать почти несомнѣннымъ.

Теперь вопросъ въ томъ, откуда шло къ намъ это вліяніе;—вѣдь оно было распространено и въ Италіи, и въ Германіи, и во Франціи и въ земляхъ южно-славянскихъ.—Для рѣшенія этого вопроса нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что основной планъ, внутреннее расположеніе, раздѣлка стѣнъ, покрытіе въ церквахъ Владиміро-Суздальскихъ имѣютъ, несомнѣнно, византійское происхожденіе, порталы же, горизонтальные узорчатые пояса, узорчатые карнизы и скульптурная орнаментація—романскаго происхожденія. Принимая во вниманіе такое совмѣщеніе во Владиміро-Суздальской архитектурѣ признаковъ византійскихъ и романскихъ, мы или опять должны допустить у насъ свою школу мастеровъ, которые съумѣли бы соединить эти признаки и выработать своеобразный Владиміро-Суздальскій стиль, или же должны поискать, не были-ль гдѣ-нибудь въ другихъ странахъ раньше соединены эти признаки, и къ намъ перенесенъ былъ уже готовый типъ. Перваго, по вышеуказаннымъ соображеніямъ, мы допустить не можемъ, поэтому должны остановить свое вниманіе на послѣднемъ, т. е. поискать, не были ль ужъ раньше въ какой-нибудь архитектурѣ соединены эти византійскія и романскія черты. Трудно допустить, чтобы пришлые зодчіе безъ предшествующей подготовки и безъ опытныхъ руководителей, какихъ въ

то время на Руси не было, сразу съумѣли создать такія изящныя, во всѣхъ своихъ частяхъ законченныя зданія, какъ наши церкви, и чтобы зданія эти представляли первый опытъ соединенія указанныхъ стилей въ одно столь гармоническое цѣлое. Гораздо естественнѣе предположить, что соединеніе этихъ стилей началось ранѣе, и происходило постепенно, такъ что выработка и примѣненіе къ орнаментикѣ зданія той или другой детали прошли въ своемъ развитіи извѣстную стадію. Подобная постепенность и приспособленіе одного стиля къ другому могли имѣть мѣсто лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ стили эти соприкасались другъ съ другомъ, т. е. въ странахъ, лежавшихъ на границахъ того и другого вліянія. Такими странами, ближайшими къ Россіи, были славянскія земли—Сербія, Болгарія, Чехія, Моравія, а равно и юго-западныя окраины древней Руси, въ частности княжество Галицкое. Изъ послѣдняго-то вотъ именно, изъ княжества Галицкаго, по всей вѣроятности, и приходили къ намъ зодчіе для постройки Владиміро-Суздальскихъ церквей. На Галичъ, какъ мѣсто, откуда могли быть вызываемы къ намъ зодчіе, въ первый разъ, довольно впрочемъ глухо, указали Кондаковъ и Толстой. „Весьма возможно, говорятъ они, что прототипы Суздальскихъ церквей принадлежали странамъ, искони православнымъ: Галичу, мѣстностямъ прикарпатскимъ и придунайскимъ.... и что мастера, выполнявшіе рѣзьбу ихъ, пришли къ намъ изъ Галича или придунайскихъ мѣстностей“ [1]); затѣмъ эта мысль—о приходѣ къ намъ мастеровъ изъ Галича—болѣе подробно развита и до нѣкоторой степени обоснована послѣднимъ изслѣдователемъ Владиміро-Суздальскихъ храмовъ Д. Бережковымъ въ Трудахъ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи (кн. 5. 1903 г. стр. 124—137).

Что для постройки Владиміро-Суздальскихъ церквей были вызываемы зодчіе изъ Галича, за это говорятъ данныя и археологіи и исторіи. Галичъ какъ разъ въ XII в. находился въ близкихъ сношеніяхъ съ западными государ-

---

[1]) Русскія древности; вып. VI, 1899 г. стр. 37—38.

ствами, гдѣ въ то время процвѣтало романское искусство. И такія близкія отношенія къ западнымъ государствамъ не могли не отразиться и на архитектурѣ Галичскихъ церквей. И, дѣйствительно, произведенныя здѣсь въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія раскопки показываютъ, что Галичскія церкви 12 в. представляютъ собою типъ греческихъ романизованныхъ церквей, а именно—соединеніе византійскаго плана съ романскими украшеніями и, что особенно для насъ важно, въ формахъ, весьма близкихъ съ Суздальскими. Къ сожалѣнію, отъ Галичскихъ церквей того времени сохранились до насъ только развалины или фундаменты и отдѣльныя детали украшеній, открытыя при раскопкахъ. Но и то, что сохранилось, показываетъ, что планъ и внутреннее устройство Галичскихъ церквей совершенно сходны съ нашими. Даже по своимъ размѣрамъ вновь открытыя Галичскія церкви почти одинаковы съ нашими первыми Суздальскими церквами. И по своимъ украшеніямъ, судя по сообщеніямъ производившихъ раскопки, Галичскія церкви походили на наши. Принимая во вниманіе византійскій планъ и византійское покрытіе Владиміро-Суздальскихъ церквей, съ одной стороны, съ другой стороны, нѣкоторыя только черты, заимствованныя изъ романской архитектуры, а именно—порталы, узорчатые пояса и карнизы и скульптурныя украшенія, и при этомъ отсутствіе остальныхъ особенностей, характеризующихъ романскую архитектуру, напримѣръ коническихъ покрытій, башенъ, ажурныхъ аркадъ и проч., Кондаковъ и Толстой замѣчаютъ, что мастерство намѣренно остановилось здѣсь на первой ступени развитія романскаго зодчества не потому, чтобы оно довольствовалось, какъ въ Галиціи, простѣйшимъ типомъ,—а потому, что оно слишкомъ связано съ византійскимъ основнымъ типомъ, слишкомъ дорожитъ его требованіями, чтобы затѣвать переносъ всего, хотя бы и лучшаго, что выработано на Западѣ [1]). Итакъ нужно признать, что въ Галичѣ, какъ и въ области Владиміро-Суздальской, церкви были выстроены по визан-

[1]) Русскія древности; вып. VI, 1899 г. стр. 56—57.

тійскому плану, въ украшеніяхъ же ихъ сказалось вліяніе романское. Предполагать самостоятельность въ выработкѣ этихъ храмовыхъ типовъ въ двухъ удаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ древней Руси—Галичѣ и Суздалѣ—довольно трудно, тѣмъ болѣе, что Суздальскіе мастера въ то время, какъ мы замѣтили выше, едва ли и способны были къ какой-либо самостоятельности при постройкѣ большихъ зданій. Галичъ же былъ болѣе близокъ къ культурѣ запада и потому скорѣе и легче могъ пріобщиться къ этой культурѣ. И лѣтописныя извѣстія говорятъ, что въ XII—XIII вв. вкусъ къ рѣзнымъ украшеніямъ церквей въ Галичѣ былъ развитъ въ высшей степени. Такъ Галицкій князь Даніилъ въ 1259 г., по Ипатьевской лѣтописи, „созда церковь Св. Ивана красну и лѣпу; зданье же ея сице бысть; комары четыре, съ каждаго угла переводъ и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человѣческихъ, изваяно отъ нѣкоего хитреца“. Владиміръ Галицкій „списа всѣ три алтарныя шія“ въ созданной имъ церкви. Поэтому вѣрнѣе предполагать, что наши церкви были построены мастерами Галичскими, а не наоборотъ. Этому предположенію не противорѣчатъ и историческія данныя. Юрій Долгорукій, домогавшійся Кіевскаго великокняжескаго престола, все время поддерживалъ дружескія отношенія съ Галичскимъ княземъ, который съ удовольствіемъ помогалъ Юрію въ его борьбѣ съ Кіевскимъ княземъ, видя въ послѣднемъ своего опаснаго врага, который могъ лишить его политической самостоятельности. Эти политическія отношенія были затѣмъ закрѣплены и родственными узами. Тогда какъ съ другими западно-европейскими государствами Юрій, какъ извѣстно, въ это время въ сношеніи не былъ. Такимъ образомъ, повторяемъ, данныя и археологіи и исторіи дѣлаютъ вполнѣ вѣроятнымъ предположеніе, что мастера для постройки Владиміро-Суздальскихъ церквей были вызываемы изъ Галича. А если Лаврентьевская лѣтопись (6702 г.) говоритъ о мастерахъ Суздальскихъ церквей, какъ о „нѣмцахъ“, то это можетъ быть только указываетъ на то, что и въ Галичѣ главные-то мастера были съ запада; ихъ-то, какъ болѣе опытныхъ и

искусныхъ, а не учениковъ ихъ, мѣстныхъ мастеровъ, по всей вѣроятности, и вызывали къ себѣ Владимірскіе князья, не жалѣвшіе никакихъ средствъ для постройки церквей.

Итакъ, принимая во вниманіе всѣ вышеотмѣченныя нами черты, характеризующія Владиміро-Суздальскую архитектуру, и ихъ происхожденіе, мы должны сказать, что мѣсто Владиміро-Суздальской архитектуры съ ея общими романскими строительными и декоративными принципами и ея своеобразными орнаментальными деталями находится между собственно романской архитектурой и греко-восточной;—въ этомъ сліяніи, точнѣе, совмѣщеніи западнаго и восточнаго образцевъ и заключается своеобразность начинающаго или зарождающагося русскаго искусства.

Покончивъ рѣчь съ вопросомъ объ архитектурѣ Владиміро-Суздальскихъ церквей вообще и въ частности собора Дмитріевскаго, скажемъ теперь нѣсколько словъ о его внутреннемъ убранствѣ, которое, какъ увидимъ ниже, имѣетъ весьма важное значеніе для исторіи византійско-русской иконописи.

Внутри Дмитріевскаго собора на западной стѣнѣ подъ хорами сохранились фрески, открытыя подъ штукатуркой во время реставраціи Дмитріевскаго собора въ 1837—44 гг. Фрески эти составляютъ часть изображенія страшнаго суда, который обыкновенно писали на западной стѣнѣ. У западной стѣны по обѣимъ сторонамъ средней большой арки надъ входомъ изображены 12 Апостоловъ, сидящихъ съ открытыми книгами въ рукахъ, а за ними въ нѣсколько рядовъ дориносящіе ангелы. На юго-западной аркѣ подъ хорами находится изображеніе Рая: Богоматерь, сидящая на великолѣпномъ тронѣ съ воздѣтыми благоговѣйно руками, и возлѣ Нея ангелъ съ жезломъ (другой ангелъ по другую сторону Богоматери приписанъ); по сосѣдству изображены Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, возсѣдающіе на престолахъ, между которыми тѣснятся густыя толпы праведныхъ душъ въ видѣ нѣжно обнимающихся дѣтей; въ нѣдрахъ Авраама—праведная душа въ видѣ маленькаго человѣчка въ нимбѣ и въ бѣлой сорочкѣ; съ боку видна фигура благоразумнаго разбойника съ вы-

сокимъ восьмиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ.—Всѣ эти изображенія помѣщены въ двухъ вертоградахъ съ роскошными деревьями, плодами, цвѣтами и птицами. По другую сторону той же арки помѣщается детальное изображеніе шествія праведныхъ въ рай: представлены двѣ горы,—отъ первой горы идутъ спѣшно толпою св. жены, предводимыя ап. Петромъ, имѣющимъ въ рукахъ посохъ съ крестомъ; между женами видна царица въ діадимѣ; надъ группой славянская надпись: „Агіос Петръ ведет вся святыя в раі". Тутъ же рядомъ два ангела трубятъ, призывая людей на судъ,—одинъ вверхъ—„ангелъ трубитъ в море", другой—внизъ—„ангелъ трубитъ в землю", какъ гласятъ надписи [1]). Греческій характеръ этихъ фресокъ и ихъ происхожденіе, современное постройкѣ собора, на 3-мъ Областномъ Археологическомъ Съѣздѣ окончательно установлены. Стиль и иконографія этой росписи, дѣйствительно, имѣютъ характеръ вполнѣ византійскій. За исключеніемъ славянскихъ надписей, нѣтъ здѣсь ни одной черты, которая бы обнаруживала самобытно-русское происхожденіе: композиціи и типы, положенія фигуръ и костюмы—все это имѣетъ свои прототипы въ уцѣлѣвшихъ доселѣ древнихъ греческихъ образцахъ [2]). Если же графъ Строгановъ—авторъ ученой монографіи о Дмитріевскомъ соборѣ—видитъ здѣсь „замѣчательныя отступленія отъ перешедшихъ въ Россію древнихъ греческихъ подлинниковъ" [3]) и свободное отношеніе художника къ дѣлу, и этимъ какъ бы отрицаетъ греческій характеръ и древнее происхожденіе данныхъ фресокъ, то мнѣніе это основано на простомъ недоразумѣніи, почему и выводъ у него по-

---

[1]) Рисунки фресокъ см. „Памятники древне-русск. зодчества". Изд. Рихтера. 1851 г. Черт. 7; Новицкій. „Исторія русск. искусства". Т. I. 1903, рис. 116—117; Покровскій. — „Очерки памятниковъ христ. иконографіи и искусства". 1900. рис. 161 и 162. Кондаковъ и Толстой „Русскія древности"—вып. 6. 1899. рис. 100.

[2]) Н. В. Покровскій.—Очерки памятниковъ христ. иконографіи и искусства. 1900. стр. 317—318.

[3]) Гр. Строгановъ. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. 1849 г. Стр. 12.

лучился неправильный. Критеріемъ для опредѣленія древнегреческаго происхожденія фресковой живописи у него служитъ подлинникъ Дидрона, который на самомъ дѣлѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить таковымъ критеріемъ, такъ какъ въ послѣднее время вполнѣ доказано его происхожденіе въ 17 в.; и потому несходство Дмитріевскихъ фресокъ съ подлинникомъ Дидрона говоритъ не о томъ, что эти фрески отступаютъ отъ древнихъ греческихъ образцевъ, а о томъ, что составитель-то самаго подлинника отступаетъ отъ древнихъ образцевъ. Дѣйствительно, подлинникъ Дидрона вполнѣ согласенъ съ фресковой живописью Аѳона 16—17 вв., тогда какъ фресковая живопись Дмитріевскаго собора вполнѣ согласна съ греческой живописью 12—13 вв., и, слѣдовательно несходство Дмитріевскихъ фресокъ съ подлинникомъ Дидрона говоритъ не противъ ихъ древняго греческаго происхожденія, а напротивъ только подтверждаетъ таковое ихъ происхожденіе. Если даже эту живопись исполняли и не сами греки, вызванные княземъ Всеволодомъ при постреніи собора, а мастера русскіе, каковое мнѣніе поддерживаютъ—Прохоровъ (Христіан. древности 1875 г. стр. 49), Толстой и Кондаковъ (Рус. древности, вып. VI стр. 64), то непремѣнно нужно прибавить:—русскіе—ученики грековъ, работавшіе по византійскимъ образцамъ. Нѣкоторые, принимая во вниманіе славянскія надписи, относимыя палеографами къ 15 в., высказываютъ предположеніе, что эти фрески были подновлены въ нач. 15 в. Андреемъ Рублевымъ, росписывавшимъ въ то время Успенскій соборъ. Но упоминая о расписаніи Успенскаго собора Даніиломъ Иконниковымъ и Андреемъ Рублевымъ, лѣтописныя сказанія, нужно замѣтить, ничего не говорятъ о расписаніи ими Дмитріевскаго собора, это во первыхъ, а во вторыхъ, въ самыхъ пріемахъ живописи, по мнѣнію Кондакова и Толстого [1]), нѣтъ такихъ чертъ, которыя бы указывали на переписку фресокъ въ 15 в.—Такіе же остатки изображенія страшнаго суда уцѣлѣли въ Старо-Ладожской церкви

---

[1]) Русскія древности; вып. VI, 1899 г. стр. 63.

Св. Георгія въ Рюриковой крѣпости (12 в.) и полное изображеніе картины страшнаго суда въ Спасо-Нередицкой церкви (1198 г.) близъ Новгорода. Фресковыя изображенія въ упомянутыхъ церквахъ современны построенію церквей, слѣдовательно XII в. и по характеру своему, нужно замѣтить, совершенно одинаковы съ фресками Дмитріевскими. Итакъ греческій характеръ фресковой живописи Дмитріевскаго собора и происхожденіе ея современное постройкѣ собора теперь можно считать вполнѣ доказанными. Слѣдовательно Дмитріевскій соборъ представляетъ собою рѣдкій памятникъ 12 в. не въ архитектурномъ только отношеніи, но и въ иконографическомъ.

Кромѣ вышеописанныхъ фресокъ, внутри Дмитріевскаго собора, благодаря пожарамъ и вражескимъ опустошеніямъ, не осталось почти ничего отъ великокняжеской эпохи. Раньше въ храмѣ находилась гробовая доска св. великомученика Димитрія мироточца съ изображеніемъ на ней этого великомученика, принесенная, по сказанію лѣтописи, изъ Солуня во Владиміръ великимъ княземъ Всеволодомъ [1]), но и та нынѣ находится въ большомъ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, перенесенная сюда великимъ княземъ Московскимъ Димитріемъ Іоанновичемъ въ 1380 г. — Изъ древнихъ иконъ въ соборѣ замѣчательна икона св. великомученика Димитрія Солунскаго во весь ростъ, по всей вѣроятности, копія съ образа, снятаго съ гроба св. Димитрія. Заслуживаетъ вниманія также старинная хоругвь, шитая разными шелками, золотомъ и серебромъ. Наконецъ, обращаетъ на себя вниманіе внутри собора на южной сторонѣ къ западному углу памятникъ изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора надъ могилой графа Романа Ларіоновича Воронцова, перваго намѣстника Владимірской губерніи, умершаго въ 1783 г. Памятникъ сдѣланъ въ Лондонѣ и украшенъ фигурой сѣтующей женщины,

---

[1]) „На своемъ дворѣ, читаемъ мы въ лѣтописи, постави (Всеволодъ) церковь рѣзанымъ каменіемъ св. великомученика Дмитрія и верхи ея позлати, въ нейже икону постави, юже принесе изъ Селуня, (съ) гроба св. в. Дмитрея, муро непрестанно точаще“.

опирающейся на урну; внизу изображены: младенецъ и пеликанъ, какъ символъ любви родителей къ дѣтямъ. Изваянная группа стоитъ на пьедесталѣ изъ бѣлаго и сѣраго мрамора и окружена съ 3-хъ сторонъ чугунной рѣшетной, украшенной гербомъ князя Воронцова.

Церковь Рождественскаго монастыря въ г. Владимірѣ.

Кромѣ знаменитыхъ Владимірскихъ соборовъ—Успенскаго и Дмитріевскаго, мы лично сочли нужнымъ, для выясненія общаго характера Владиміро-Суздальской архитектуры, осмотрѣть еще двѣ древнія церкви во Владимірѣ, построенныя Всеволодомъ III, это — церковь Рождественскаго монастыря и церковь женскаго Княгинина монастыря. — Церковь Рождественскаго монастыря построена Всеволодомъ III въ 1191 г., какъ говорятъ лѣтописи и надпись на западной наружной стѣнѣ по правую сторону входныхъ дверей, вырѣзанная почеркомъ XIII столѣтія: „Начало Рожествена монастыря лѣта 6699“. Эта церковь въ теченіе своего многовѣкового существованія нѣсколько разъ была исправляема послѣ пожаровъ, а въ 1678 г. при архимандритѣ Викентіи была обезображена пристройками, совершенно измѣнившими ея первоначальный видъ;—въ стѣнахъ древней церкви было пробито нѣсколько большихъ арокъ для сообщенія съ пристройками архимандрита Викентія; древнія узкія окна были заложены кирпичемъ и пробиты новыя широкія окна; вмѣсто древняго трибуна поставленъ новый съ луковичной главой и проч. Но въ 1869 г., благодаря Всемилостивѣйшему вниманію Императора Александра II, посѣтившаго Владиміръ въ 1858 г. и пожертвовавшаго на возобновленіе храма изъ собственныхъ суммъ 40000 р. (+ 10000 р. ассигновано изъ суммъ св. Синода), этотъ древній храмъ предсталъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. — Внутри его не сохранилось ничего отъ древняго времени, хотя иконостасъ, стѣнное писаніе и вся утварь—все исполнено въ новѣйшее время въ древне-русскомъ стилѣ. Самая главная святыня монастыря—

мощи св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, открытые въ 1381 г., въ 1723 г., по указу Петра I, были перенесены въ С.-Петербургъ въ Александроневскую лавру [1]). Въ архитектурномъ же отношеніи эта церковь вполнѣ подтверждаетъ сдѣланную нами выше характеристику Владиміро-Суздальской архитектуры. Построена эта церковь, какъ и всѣ другія древнія церкви Владимірскія, изъ бѣлаго камня. По своей архитектурѣ въ основныхъ своихъ чертахъ она представляетъ почти точное подобіе Дмитріевскаго собора.—Такая же четырехстолпная и съ 3-мя абсидами, какъ и Дмитріевскій соборъ, съ такимъ же дѣленіемъ стѣнъ на 3 фасы, оканчивающіяся вверху полукруглыми арками, съ такими же длинными щелеобразными окнами, съ такими же порталами, украшенными скульптурнымъ орнаментомъ, съ горизонтальнымъ поясомъ, хотя и не такимъ узорчатымъ, какъ на Дмитріевскомъ соборѣ, съ такимъ же колончатымъ карнизомъ на абсидахъ, съ такой же коробовой крышей и такой же полусферической главой на высокомъ трибунѣ;—только нѣтъ скульптурныхъ украшеній на наружныхъ стѣнахъ;—въ этомъ все отличіе Рождественской церкви отъ Дмитріевскаго собора [2]). Не подалеку отъ Рождественской церкви находится каменная осьмигранная шатровая колокольня, построенная въ 1654 г. Большой колоколъ на этой колокольнѣ, вѣсомъ въ 300 пудовъ, пожалованъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ по отцѣ своемъ Святѣйшемъ Патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ въ 1636 г.

Рядомъ съ входными воротами въ Рождественскій монастырь устроена часовня, по правую сторону которой находятся такъ называемыя „Святыя ворота“, замѣчательныя своими, несомнѣнно, древними фресками на стѣнахъ и сводахъ. Вверху надъ самыми воротами изображенъ

---

[1]) Въ простомъ народѣ до сихъ поръ существуетъ много легендъ и преданій, по которымъ будто бы мощи св. Благовѣрнаго Князя неоднократно чудесно переносились снова во Владиміръ, и въ настоящее время будто бы эти мощи во Владимірѣ.

[2]) Рисунокъ Рождественской церкви см. у Георгіевскаго.—„Городъ Владиміръ на Клязьмѣ“. 1896 г.

Деисусъ, а по своду на обѣихъ сторонахъ сѣдящіе на престолахъ 12 апостоловъ съ раскрытыми Евангеліями въ рукахъ; за апостолами видны сонмы ангеловъ съ жезлами въ рукахъ. На правой сторонѣ изображенъ рай, гдѣ сидятъ на престолахъ праотцы—Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ; при вратахъ рая виденъ благоразумный разбойникъ съ восьмиконечнымъ крестомъ въ рукахъ. Кромѣ картины страшнаго суда, здѣсь же—на внутреннихъ стѣнахъ изображены Димитрій Солунскій, Владимірскіе чудотворцы, Рождество Христово, Рождество Пресв. Богородицы и Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы. По своему происхожденію фрески эти, по видимому,—не позднѣе XV в.

Церковь Успенія Божіей Матери въ Княгининомъ монастырѣ во Владимірѣ.

Церковь Успенія Божіей Матери въ Княгининомъ монастырѣ во Владимірѣ построена супругой великаго князя Всеволода III—Маріей Шварновной въ 1200 г. Церковь эта въ свое время служила мѣстомъ упокоенія Владимірскихъ княгинь и вообще лицъ женскаго пола изъ княжескаго рода, какъ Успенскій соборъ служилъ мѣстомъ упокоенія князей Владимірскихъ и ихъ семейныхъ мужескаго пола. Здѣсь похоронены 1) основательница обители великая княгиня Марія Шварновна (въ иночествѣ Марѳа), умершая въ 1206 г., 2) вторая супруга Всеволода III — Анна Васильевна, 3) великая княгиня Александра, первая супруга великаго князя Александра Невскаго, 4) княжна Евдокія, дочь его и 5) вторая супруга Александра Невскаго великая княгиня Васса. Гробницы ихъ до сихъ поръ стоятъ въ этомъ храмѣ,—первыя двѣ—въ лѣвомъ Благовѣщенскомъ придѣлѣ почти современномъ храму, а послѣднія три—въ правомъ Христорождественскомъ, построенномъ въ 17 столѣтіи Въ 1230 г. въ Княгининъ Успенскій монастырь перенесены мощи св.

мученика Авраамія Болгарскаго [1]). Въ царствованіе Алексѣя Михайловича этотъ монастырь сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія со стороны святѣйшаго патріарха Іосифа, на средства котораго расписанъ новый иконостасъ, алтарь и вся церковь фресками. Эта фресковая живопись существуетъ до сихъ поръ. Въ концѣ 18 вѣка произведены исправленія и передѣлки снаружи, измѣнившія первоначальный видъ церкви: во первыхъ, надъ сферическимъ куполомъ надстроена довольно высокая каменная шейка съ луковичной главой; во вторыхъ, стѣны, оканчивавшіяся раньше полукруглыми арками, какъ и въ другихъ древнихъ церквахъ Владимірскихъ, выровнены и покрыты вмѣсто прежней коробковой или посводной крыши четырехскатной и, въ третьихъ, расширены окна въ алтарѣ и пробиты новыя. За исключеніемъ этихъ измѣненій, въ остальномъ церковь сохранилась въ первоначальномъ видѣ и подходитъ къ начертанному нами общему типу Владиміро-Суздальскихъ церквей. По плану она представляетъ собою, какъ и Дмитріевскій соборъ, почти правильный квадратъ (26×23 арш.) съ 4 столбами посрединѣ, благодаря которымъ внутренность получаетъ форму равноконечнаго греческаго креста; наружныя стѣны дѣлятся по вертикальному направленію пилястрами на 3 фасы и по горизонтальному — поясомъ въ видѣ карниза

---

[1]) По сказанію рукописнаго житія, мученикъ Авраамій былъ богатый купецъ, родомъ болгарскій татаринъ; за проповѣданіе христіанской вѣры послѣ многихъ мученій былъ повѣшенъ внизъ головой, а потомъ обезглавленъ—въ 1230 г. въ Болгарахъ, столицѣ Волжской Болгаріи (нынѣ с. Успенское, Болгаръ тожъ, Спасск. у. Казан. губ.). Спустя годъ тѣло его было перенесено во Владиміръ по приказанію вел. кн. Георгія Всеволодовича послѣ одержанной имъ побѣды надъ болгарами. По свидѣтельству же лѣтописей, Авраамій былъ богатый купецъ, пріѣхавшій въ городъ Болгары для торговли, но изъ какой онъ земли,—лѣтописи умалчиваютъ. По свидѣтельству однихъ лѣтописей (напр. Лаврент. и Степен. кн.), Авраамій былъ замученъ въ 1229 г., а чрезъ годъ, слѣдов. въ 1230 г., былъ перенесенъ во Владиміръ, а по свидѣтельству другихъ, онъ замученъ въ 1230 г. По Никоновской лѣтописи Авраамій принялъ мученическій вѣнецъ въ Казани.

на два поля; входныя двери съ 3-хъ сторонъ имѣютъ форму узорчатыхъ порталовъ, какъ и въ другихъ церквахъ Владимірскихъ; на восточной сторонѣ три абсиды, увѣнчанныя узорчатымъ карнизомъ; такимъ же карнизомъ украшенъ и старый трибунъ, крытый полусферическимъ куполомъ. Обронныхъ украшеній на наружныхъ стѣнахъ не сохранилось, такъ что эта церковь по скромности своихъ украшеній составляетъ, можно сказать, исключеніе въ послѣдовательномъ ходѣ строительнаго искусства Суздальской области. Были ль раньше на этой церкви украшенія и, если были, то въ какомъ количествѣ, за неимѣніемъ данныхъ, мы не можемъ сказать ничего положительнаго. Очень можетъ быть, что отсутствіе рѣзныхъ украшеній на стѣнахъ этой церкви объясняется отчасти самымъ матеріаломъ, изъ котораго построена церковь;— это, кажется, единственная древне-Суздальская церковь, построенная изъ кирпича [1]).

Внутри церкви замѣчательны фрески, написанныя въ половинѣ 17 вѣка на штукатуркѣ, укрѣпленной на гвоздяхъ съ широкими шляпками. Любитель древне-русскаго искусства найдетъ въ нихъ весьма много интереснаго. Стѣны храма расписаны сверху до низу въ нѣсколько рядовъ. Здѣсь и страшный судъ, по обыкновенію на западной стѣнѣ, и праздники двунадесятые, и Символъ вѣры и акаѳистъ Божіей Матери;—особенно интересенъ послѣдній. Акаѳистъ начинается на южной сторонѣ отъ иконостаса и идетъ въ два ряда до западной стѣны и оканчивается на сѣверной стѣнѣ, гдѣ картины акаѳиста тоже идутъ въ два ряда.—Изъ иконъ особенно замѣчательны тѣ, которыя составляютъ даръ патріарха Іосифа, это—икона Владимірской Божіей Матери въ иконостасѣ и икона Успенія Божіей Матери въ богатоукрашенной ризѣ въ томъ же иконостасѣ.

Осмотромъ только этихъ 4 церквей (Успенскаго собора, Дмитріевскаго собора, Рождественскаго монастыря

---

[1]) Рисунокъ этой церкви см. у Прохорова „Христ. древности". 1875 г. и у Георгіевскаго „Городъ Владиміръ на Клязьмѣ". 1896 г.

и женскаго Княгинина монастыря) мы и ограничились во Владимірѣ, какъ церквей самыхъ древнихъ, относящихся къ начальному періоду Владимірскаго княжества, которыя всѣ, за исключеніемъ послѣдней, возстановлены въ своемъ первоначальномъ видѣ. По этимъ четыремъ церквамъ Владимірскимъ вполнѣ можно составить себѣ представленіе о типѣ древнихъ Владимірскихъ церквей. Церковь Покрова на Нерли, построенная Андреемъ Боголюбскимъ, и церковь Бориса и Глѣба въ селѣ Кидекшѣ, близъ Суздаля, построенная Юріемъ Долгорукимъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, ничего не привносятъ новаго въ сдѣланную нами общую характеристику Владимірскихъ церквей, а только, какъ увидимъ ниже, подтверждаютъ то, что уже сказано нами выше по этому вопросу.

Археологическая выставка. Древле-хранилище Братства св. Александра Невскаго. Ризница Рождественскаго монастыря.

Кромѣ Владимірскихъ церквей, членами Археологическаго Съѣзда осмотрѣна была во Владимірѣ археологическая выставка, устроенная спеціально по случаю Археологическаго Съѣзда при музеѣ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи. Самый богатый и интересный отдѣлъ здѣсь представляли церковныя древности. Здѣсь представлены были: 1) *Богатая коллекція старинныхъ иконъ* 14 — 18 вв. разныхъ писемъ — греческаго, корсунскаго, новгородскаго, московскаго, строгановскаго и рублевскаго, доставленныхъ мастерами—иконописцами „старинщиками“ слободы Мстеры Владим. губ. — гг. Цѣпковыми, Росадинымъ, Сусловымъ, Мумриковымъ и нѣкоторыми другими. 2) *Собраніе древнихъ крестовъ XI — XIII вв.*, панагій, образковъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ церковной утвари изъ Рязанскаго музея. 3) *Коллекція иконъ, крестовъ и образковъ 16—18 вв.*, принадлежащихъ Владимірскому музею. 4) Въ высшей степени любопытная *коллекція*, доставленная *Е. Н. Голышевой*, изображающая

на 33 доскахъ послѣдовательный ходъ изготовленія иконной „доски“, написанія и отдѣлки на ней иконы въ иконописныхъ мастерскихъ слободы Мстеры Владим. губ. Для лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ, мы представимъ здѣсь полное описаніе этой коллекціи съ точнымъ соблюденіемъ иконописной терминологіи, обозначая каждый моментъ въ процессѣ написанія иконы буквально словами мастера—иконописца, какъ это сдѣлано здѣсь на каждой доскѣ.

1 доска. „Поклеено—заклеены бумагой скважины доски и ея верхній и нижній концы въ поперечномъ направленіи“.

2) „Побѣлено — доска покрыта жидкимъ грунтомъ, составленнымъ изъ клея и алебастра“.

3) „Погрунтовано густымъ грунтомъ изъ клея и алебастра“.

4) „Чищено клепикомъ или тупымъ ножемъ, счищена лишняя масса грунта“.

5) „Оттерто мокрой тряпкой, чтобы не было шероховатостей“.

6) „Отлощено—доска отглажена сухой ладонью, отчего грунтъ получается какъ бы полированный“.

7) „Нарисовано — обозначенъ контуръ посредствомъ припороха“.

8) „Прографлено—всѣ линіи контура прорѣзаны острой иглой, вдѣланной въ деревянную ручку“.

9) „Заполиментовано подъ чеканку псковской чернью“.

10) „Наложено серебро на подпускъ, состоящій изъ воды съ прибавленіемъ клея, и отполировано зубкомъ“.

11) „Покрыто лакомъ, отчего серебро походитъ на золото“.

12) „Прочеканено—углубленъ рисунокъ посредствомъ чекана“.

13) „Вѣнцы окружены кружаломъ, т. е. обведены циркулемъ“.

14) „Покрытъ фонъ краской“.

15) „Покрытъ краскою позем—земля, на которой стоятъ святые“.

16) „Раскрыто сурикомъ“.

17) „Раскрыто зеленымъ кроном“.

18) „Раскрыто голубцемъ“.

19) „Раскрыто багрянымъ колеромъ“.

20) „Расписано по сурику темной краской“.

21) „Расписано и затушовано—проведены всѣ контуры и складки и наложены тѣни“.

22) „Пробѣлено по зелени — наложены блики на свѣтлыхъ мѣстахъ“.

23) „Пробѣлено по голубцу“.

24) „Пробѣлено кроном желтымъ по сурику и отдѣланы крылья“.

25) „Отдѣлано совсѣмъ доличное“.

26) „Просанкирено — прикрыты темной краской тѣ мѣста, гдѣ должны быть лица и руки".

27) „Бѣлилами промѣчено — обозначенъ контуръ лица, глаза, носъ и проч.".

28) „Проохрено — покрыты темной желтоватой охрой всѣ свѣтлыя мѣста на лицѣ, лобъ, щеки, носъ и проч., чѣмъ отдѣланы тѣни".

29) „Проохрено второй охрой".

30) „Описано — означены черты лица сажей, глаза, контуры и борода".

31) „Продвижено—прочерчены волосы у болѣе молодыхъ лицъ".

32) „Отживлено и просѣдѣнено и покрыто поле сурикомъ".

33) „Подписано и отведены рамки, поалифено—образъ оконченъ".

Слобода Мстера искони была гнѣздомъ иконописнаго мастерства, такъ называемой „Суздальской иконописи", поэтому описаніе постепеннаго хода изготовленія иконы въ Мстерскихъ иконописныхъ мастерскихъ, намъ кажется, далеко не излишне для лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ.

5) На той же выставкѣ довольно большая *коллекція* крестовъ, образковъ, древнихъ панагій, фелоней, епитрахилей, поручей, воздуховъ и иконъ, шитыхъ шелкомъ и золотомъ, представлена была *изъ ризницы Владимірскаго Успенскаго собора*. Ризница Успенскаго собора въ настоящее время, нужно замѣтить, не особенно богата предметами древности; многіе предметы погибли во время неоднократныхъ пожарищъ и непріятельскихъ нашествій на Владиміръ; часть сокровищъ ризницы скрыта была соборнымъ ключаремъ Патрикіемъ, который, желая спасти ихъ отъ грабежа татаръ въ 1412 г.—при нападеніи на Владиміръ ордынскаго царевича Талыча, спряталъ все цѣнное въ извѣстное ему безопасное мѣсто и, будучи замученъ врагами, унесъ съ собой въ могилу свою тайну, и до сихъ поръ эти драгоцѣнности не найдены; часть древнихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, окладовъ и вѣнцевъ съ ветхихъ иконъ и съ царскихъ дверей и друг. была перелита заново, а часть продана Преосвященнымъ Іеронимомъ при реставраціи собора въ семидесятыхъ годахъ 18 столѣтія. Наиболѣе замѣчательныя въ археологическомъ отношеніи вещи изъ ризницы Успенскаго собора были

представлены на археологическую выставку, изъ коихъ должны быть отмѣчены слѣдующія: 1) Нѣсколько древнихъ наперсныхъ и напрестольныхъ крестовъ съ разными мощами 12—17 вв. 2) Золотой потиръ и при немъ дискосъ и двѣ звѣздицы съ замѣчательными по своему изяществу свящ. изображеніями—прикладъ, какъ видно изъ надписи, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны—1686 г. 3) Нѣсколько древнихъ панагій съ рѣзными изображеніями — одна изъ чернаго дерева, нѣсколько кипарисныхъ, одна изъ кости, одна перламутровая, одна изъ аспиднаго камня, одна серебряная, и особенно замѣчательна одна четырехугольная изъ пальмоваго дерева съ 51 частью отъ св. мощей, съ частію отъ ризы Господней и отъ ризы Пресв. Богородицы, пожалованная Императрицей Екатериной II Владимірскому епископу Павлу. 4) Большое серебряное кадило, пожалованное царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ по отцѣ своемъ святѣйшемъ Филаретѣ митрополитѣ Московскомъ—1634 г. 5) Древняя митра изъ шелковой матеріи, шитая серебромъ и шелками. 6) Икона Владимірской Божіей Матери, вышитая золотомъ, серебромъ и шелками, по преданію, царевною Софіей Алексѣевной. 7) Икона благовѣрнаго великаго князя Андрея Боголюбскаго во весь ростъ въ $2^1/_2$ арш. высоты, вышитая золотомъ и шелкомъ, по преданію, той же царевною Софіею Алексѣевной. 8) Икона благовѣрнаго великаго князя Георгія, около 3 арш. высоты, вышитая шелкомъ, золотомъ и жемчугомъ, съ вышитымъ вокругъ тропаремъ этому святому. 9) Воздухи и покровы, шитые золотомъ, серебромъ, шелками и жемчугомъ, по преданію, царевною Софіею Алексѣевной. 10) 2 фелони—одна на крашенинной подкладкѣ, съ вышитымъ золотомъ и серебромъ оплечьемъ, другая, сшитая изъ лоскутковъ разной шелковой матеріи, расположенныхъ правильными квадратиками. 11) Епитрахиль съ вышитыми золотомъ и шелкомъ изображеніями Московскихъ святителей—Петра, Алексія и Іоны—1691 г. 12) Поручи, шитыя золотомъ съ крупнымъ орнаментомъ.—Всѣ вышепоименованные нами шитые шелкомъ, золотомъ и серебромъ свя-

щенные предметы, по рисункамъ имѣющихся на нихъ изображеній и по характеру шитья, должны быть отнесены къ предметамъ, несомнѣнно, очень древнимъ. 13) Желѣзный шлемъ и при немъ 3 желѣзныхъ дротика князя Изяслава Андреевича. 14) Большой серебряный ковшъ, пожалованный царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ стольнику Авдѣю Тимофеевичу Племянникову и пожертвованный потомъ во Владимірскій Успенскій соборъ стольникомъ Григоріемъ Андреевичемъ Племянниковымъ въ 1708 г. въ благодарность за чудесное исцѣленіе отъ болѣзни. 15) Особеннаго вниманія заслуживаютъ остатки великокняжескихъ одеждъ, которые были вынуты изъ гробницы благовѣрнаго князя Глѣба при переложеніи мощей въ открытую гробницу, представляющіе собою лучшіе образцы древнихъ греко-восточныхъ тканей XII в. Между этими остатками сохраняется воротничекъ, на которомъ уцѣлѣла самая стежка и пришитыя къ нему пуговки. На этихъ тканяхъ, сохранившихся въ отдѣльныхъ кускахъ и обрывкахъ, мы видимъ крылатыхъ грифовъ, львовъ, пантеръ, птицъ, растенія и цвѣты,—изображенія весьма сходныя съ обронными украшеніями Дмитріевскаго собора. Нѣкоторыя изъ этихъ тканей, по мнѣнію Кондакова и Толстого, вышли изъ византійскихъ фабрикъ, другія—арабо-персидскаго происхожденія. И все это вмѣстѣ съ кусками Владимірскаго клада, открытаго въ 1898 г., только жалкіе остатки древняго великолѣпія уборовъ княжескихъ и церковныхъ, навезенныхъ въ эти края [1]). 16) Наконецъ, заслуживаетъ вниманія эмалью украшенный мѣдный густо позолоченный наплечникъ великокняжескаго кафтана, принадлежащій къ числу немногихъ и крайне рѣдкихъ у насъ образцевъ лиможской эмали XII—XIII в. по способу champlevé [2]). Наплечникъ этотъ приписывается Андрею Бого-

[1]) Русскія древности; вып. VI, 1899. Стр. 92.

[2]) Способъ champlevé, это — способъ инкрустированной эмали съ постоянными или неподвижными перегородками, которыя не со стороны заносились сюда, а выробатывались въ самомъ металлѣ пластины, посредствомъ отборки промежуточныхъ частей для эмали. Другой пріемъ въ эмалевой техникѣ называется — émaux choisonnés,

любскому. На этомъ наплечникѣ изображено Воскресеніе Христово, великолѣпной работы, утонченнаго византійскаго рисунка [1]). Между тѣмъ композиція сюжета относится къ западному искусству и въ византійскомъ искусствѣ не существуетъ: Спаситель, держа въ рукахъ крестъ на длинномъ древкѣ со знаменемъ, слагаетъ въ углу саркофага, изъ котораго Онъ поднялся, свои пелены; по сторонамъ Его стоятъ два архангела съ мѣрилами; внизу поверженные воины и ихъ разбросанное оружіе. Эта композиція, по словамъ Кондакова и Толстого, извѣстна только съ 14 стол., и нашъ памятникъ поэтому представляетъ древнѣйшій ея примѣръ [2]). Несомнѣнно, западное происхожденіе этого памятника доказываетъ и надпись на немъ: „Rexurextio Dni“ вмѣсто Resurrectio Domini.

это—эмаль съ подвижными перегородками, которыя исполнялись отдѣльно и затѣмъ уже вкладывались въ сдѣланное въ пластинѣ углубленіе или дорожку. Въ исторіи средневѣковой эмали извѣстны до сихъ поръ только два главные центра, гдѣ работали инкрустированныя на мѣди эмалевыя произведенія съ постоянными перегородками, т. е. по способу champlevé. Древнѣйшимъ изъ этихъ центровъ была Лотарингія и здѣсь преимущественно города — Кельнъ и Верденъ, позднѣйшимъ городъ Лиможъ (на юго-западѣ Франціи). Работы нѣмецкихъ или Лотарингскихъ мастеровъ отличаются бо́льшей тщательностью отдѣлки и бо́льшимъ разнообразіемъ красокъ. Толстой и Кондаковъ (Русскія древности; вып. 6, стр. 89) считаютъ разсматриваемый нами памятникъ образцемъ лиможской эмали, а Филимоновъ (Вѣстникъ Общ. древне-русск. иск. 1874—1876 г. стр. 26)—образцемъ рейнской или лотарингской эмали. Которое изъ этихъ мнѣній болѣе справедливо, отвѣтить на этотъ вопросъ мы не считаемъ себя компетентными.

[1]) Филимонову посчастливилось найти въ подвалѣ среди хлама въ одномъ изъ монастырей Владимірской губ. парный къ нашему наплечникъ съ изображеніемъ Распятія Господня, который онъ и подарилъ въ Московскій Публичный музей (см. Вѣстн. Общ. древнерусск. иск. 1874—1876 г. стр. 21). До находки же Филимонова разсматриваемый нами наплечникъ считался нагрудникомъ, который великіе князья или патріархи носили на персяхъ. (Доброхотовъ.—Памятники древности во Владимірѣ. 1849 г. стр. 92. Іоасафъ.—Церковно-истор. описаніе Владимірскихъ достопам. 1857 г. стр. 96).

[2]) Русскія древности; вып. VI. 1899 г. стр. 89.

6) Особенно богатая *коллекція* предметовъ церковной древности выставлена была здѣсь *изъ Древлехранилища Братства св. Александра Невскаго.* Такъ прежде всего здѣсь выставлена была цѣлая коллекція иконъ—рѣзныхъ, писанныхъ на деревѣ, на холстѣ и на камнѣ, и иконъ шитыхъ (16—18 в.). Изъ иконъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: икона св. ев. Луки, письма знаменитаго царскаго иконописца Симона Ушакова 17 в.;—икона, буквально изображающая притчу евангельскую о человѣкѣ, видящемъ сучецъ въ окѣ ближняго, а въ своемъ бревна не замѣчающемъ;—двѣ иконы, изображающія сивиллъ въ короткихъ подпоясанныхъ туникахъ, въ гиматіяхъ, съ коронами на головѣ и съ пальмовыми вѣтками въ рукахъ,—одна изъ этихъ иконъ изображаетъ сивиллу Агрифу, пророчествующую о пришествіи Спасителя, а другая—сивиллу Персику.—Въ особенности же цѣнны въ научно-художественномъ отношеніи 16 небольшихъ иконъ 17 в., писанныхъ на левкашенныхъ холстинныхъ пластинкахъ и хранящихся въ одномъ окованномъ серебромъ кіотѣ. Всѣ иконы одинаковаго размѣра $2^1{}_2 \times 2$ в. и заключаютъ въ себѣ изображенія праздниковъ по тріоди постной и цвѣтной. Не смотря на мелкость фигуръ, изображенія эти исполнены въ высшей степени изящно и тщательно, мелкія складки одеждъ шраффированы золотомъ тонко и изящно. Зданія, утварь и прочіе аксессуары украшены чрезвычайно художественно узорами, напоминающими лучшія изъ заставокъ древне-русскихъ рукописей. На нѣкоторыхъ иконахъ фигуръ чрезвычайно много, на двухъ вершкахъ иногда до 50 фигуръ, и всѣ онѣ выполнены отчетливо, рисунокъ относительно правильный, „доличное“ вырисовано въ высшей степени тщательно и красиво;—словомъ эти иконы обладаютъ всѣми тѣми достоинствами, свойственными мелкимъ иконамъ строгановскихъ писемъ, которыя заставляютъ удивляться искусству строгановскихъ мастеровъ.—Заслуживаютъ на выставкѣ также вниманія — пелена съ изображеніемъ преподобнаго Никиты Столпника, Переславльскаго чудотворца, шитая разноцвѣтными шелками—16 в., прекрасной работы, вышитая, по пре-

данію, руками царицы Анастасіи Романовны, жены Іоанна Грознаго;—плащаница, шитая шелками и золотомъ 15 в.;—хоругвь, шитая шелками съ изображеніемъ на одной сторонѣ пророка Иліи, на другой—собора Архистратига Михаила—12 в. и образъ препод. Козмы Яхринскаго чудотворца, представляющій собой прекрасный образецъ искуснаго золотошвейнаго шитья 17 в. — Затѣмъ выставлена была здѣсь изъ того же Древлехранилища коллекція крестовъ напрестольныхъ и наперсныхъ—деревянныхъ, мѣдныхъ и серебряныхъ, украшенныхъ сканью [1]), финифтью и жемчугомъ отъ 14—17 вв.; также цѣлая коллекція привѣсныхъ крестиковъ или энколпіевъ изъ малахита, яшмы и агата 14—15 вв.;—коллекція панагій, изъ коихъ одна—13 в., а другая 12 в.;—заслуживаетъ также вниманія науза или змѣевикъ 12 в.—мѣдный, на одной сторонѣ котораго изображенъ Архангелъ Гавріилъ съ вѣтвію въ рукѣ, а на другой — семь змѣй и въ срединѣ глава медузы; по вѣрованію древнихъ, эти наузы предохраняли носившихъ ихъ отъ всякаго зла. Была здѣсь также цѣлая коллекція потировъ—деревянныхъ (15—17 вв.), оловянныхъ (17—18 вв.), мѣдныхъ (18 в.) и между прочимъ одинъ потиръ изъ скорлупы кокосоваго орѣха въ оловянной оправѣ и на оловянномъ поддонкѣ—17 в.;—коллекція дискосовъ, звѣздицъ, лжицъ, дарохранительницъ и дароносицъ—деревянныхъ, оловянныхъ, мѣдныхъ (17—18 вв.) и между прочимъ одна желѣзная въ видѣ сердца—18 в.;—коллекція воздуховъ и покрововъ, шитыхъ золотомъ, серебромъ и шелками (17—18 вв.);—цѣлая коллекція холщевыхъ антиминсовъ (16—17 вв.) и очень любопытная коллекція брачныхъ вѣнцевъ—деревянныхъ въ видѣ шапки Мономаха (17 в.) и въ видѣ царской короны (конца 17 в.), — лубочныхъ въ видѣ круглаго обода (17 в.), холщевыхъ—тоже въ видѣ обода съ написанными на бумагѣ и наклеенными на холстъ обычными св. изображеніями (18 в.) и одинъ вѣнецъ изъ липовой драни, сшитый лыкомъ, ободъ увѣн-

---

[1]) Скань представляетъ собою узорчатую сѣтку изъ тонкихъ проволокъ, наложенную на металлъ.

чанъ двумя дугами изъ той же драни и крестомъ; снаружи вѣнецъ раскрашенъ зеленой краской, а дуги—красной. — Коллекція фелоней—крашенинныхъ, бѣлыхъ холщевыхъ и шелковыхъ (17—18 вв.) и одинъ любопытный подризникъ (18 в.) изъ шелковой китайской матеріи съ вытканными на ней изображеніями китайцевъ, животныхъ (напримѣръ, лошадь, на которой китаецъ ѣдетъ верхомъ, обезьяна, олень), птицъ, цвѣтовъ и цѣлыхъ сценъ изъ китайской жизни. Подризникъ этотъ передѣланъ изъ платья Императрицы Елизаветы Петровны.—Представлена была здѣсь еще коллекція царскихъ вратъ (14, 16 и 17 вв.). Одни изъ нихъ украшены высоко художественной рѣзьбой по дереву сплошь густо вызолоченной, которая подобно кружеву покрываетъ обѣ половинки дверей и навѣсъ,—покрыты многочисленными иконами прекраснаго греческаго письма въ небольшихъ украшенныхъ мелкой рѣзьбой особыхъ клеймахъ. Между прочимъ на полукругломъ навѣсѣ въ трехъ клеймахъ изображены—Св. Троица и таинство Евхаристіи въ древне-византійскомъ переводѣ, гдѣ съ одной стороны Іисусъ Христосъ пріобщаетъ ап. Павла и другихъ 5 апостоловъ изъ круглаго сосуда, а съ другой стороны пріобщаетъ подъ видомъ хлѣба ап. Петра и другихъ 5 апостоловъ, при чемъ и славянская надпись и самая живопись указываютъ на 14 в. Такимъ образомъ описанныя врата представляютъ собой замѣчательный памятникъ и древне-русской рѣзьбы по дереву и вмѣстѣ съ тѣмъ древне-русской иконографіи. — Другія врата украшены слюдой и рѣзьбой изъ вызолоченнаго олова—17 в.— Выставлено было на выставкѣ нѣсколько рѣзныхъ изображеній—св. Георгія Побѣдоносца, св. великомученицы Параскевы-Пятницы, двухъ схимниковъ, Іисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ, сидящаго на тумбочкѣ, Іисуса Христа, лежащаго во гробѣ въ натуральную величину, Распятія съ предстоящими и проч.—Наконецъ, здѣсь обратила на себя вниманіе изъ того же Древлехранилища картина на холстѣ, изображающая раскольничье крещеніе или вѣрнѣе сатиру на раскольниковъ-перекрещенцевъ. Раскольническій наставникъ—мужикъ перекрещиваетъ новообращен-

наго въ кадушкѣ. Правой рукой, персты коей сложены по раскольничьи, онъ благословляетъ перекрещенца, погруженнаго по грудь въ кадушкѣ. Тутъ же стоитъ сѣдой діаволъ съ рогами и, распростерши бѣлую простыню, готовится воспринять перекрещенца. Въ раскрытое окно радуясь смотритъ бѣсъ въ остроконечномъ колпакѣ. У ногъ наставника лежатъ голицы и крестьянская шапка, очевидно, снятые имъ предъ совершеніемъ перекрещиванія. Картина исполнена въ живописномъ стилѣ и не дурно.

Кромѣ предметовъ церковной старины, на выставкѣ была представлена богатая коллекція бытовыхъ памятниковъ а) изъ фарфора и фаянса отъ А. В. Селиванова и б) изъ дерева, глины и разныхъ металловъ отъ Д. Г. Бурылина и Владимірскаго музея и, наконецъ, коллекція первобытныхъ памятниковъ отъ П. П. Кудрявцева, В. Р. Апухтина, Рязанскаго музея и Владимірскаго музея.

Кромѣ археологической выставки, куда было представлено, какъ мы сейчасъ показали, много предметовъ изъ Древлехранилища Братства св. Александра Невскаго, членами Съѣзда было осмотрѣно и самое Древлехранилище Александра Невскаго.—Здѣсь осмотрѣны были въ высшей степени интересные точные гипсовые слѣпки съ барельефовъ Дмитріевскаго и Успенскаго собора во Владимірѣ, съ Покровской церкви на Нерли близъ Боголюбова и съ Святославова Юрьевскаго собора, числомъ около 70., исполненные въ натуральную величину по заказу Московскаго Археологическаго Общества, которое одинъ экземпляръ оставило у себя, а другой пожертвовало въ упомянутое Древлехранилище.—Здѣсь же разсмотрѣны были древнія рукописи, въ томъ числѣ нѣсколько лицевыхъ, украшенныхъ роскошными миніатюрами, изъ коихъ наиболѣе замѣчательны—Синодикъ Благовѣщенскаго Вязниковскаго монастыря — 17 в., житіе преподобной Евфросиніи Суздальской — 17 в., толковый Апокалипсисъ—18 в., украшенный 74 раскашенными картинами, и особенно — Сборникъ 18-ый, поступившій изъ Флорищевой пустыни, заключающій въ себѣ болѣе 200 миніатюръ, исполненныхъ неизвѣстнымъ художникомъ, по

видимому, южно-руссомъ, какъ это можно заключать по одеждамъ и аксессуарамъ въ картинахъ; въ иллюстраціи житія Василія Новаго и мытарствъ Ѳеодоры въ этомъ сборникѣ фантазія художника достигла изумительнаго разнообразія и богатства въ изображеніи драматическихъ положеній, олицетворенія человѣческихъ страстей и проч.

Изъ рукописей неиллюстрированныхъ здѣсь должны быть отмѣчены—1) Толковая Псалтирь 1523 г.—изъ Суздальскаго Спасо-Евѳиміевскаго монастыря, въ большой листъ, писанная полууставомъ, переведенная съ греческаго, какъ видно изъ надписи въ концѣ книги, Максимомъ Грекомъ „попеченіемъ, тщаніемъ и жалованіемъ царя всея Россіи Василья Ивановича“, съ благословенія всероссійскаго митрополита Варлаама; 2) Кормчая 1517 г., данная въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевскій монастырь по Преосвященномъ архіепископѣ Іовѣ Суждальскомъ и Тарусскомъ на поминъ его души; 3) въ высшей степени любопытный по содержанію Требникъ—16 в., послужившій темой для реферата проф. А. А. Дмитріевскаго. Въ 1-й части, по словамъ референта, требникъ по составу статей не представляетъ интереса, но со 2-й половины эта рукопись полна чиновъ, практиковавшихся въ Великой Константинопольской церкви, изъ коихъ нѣкоторые совершенно неизвѣстны въ наукѣ. Къ числу такихъ чиновъ принадлежитъ прежде всего въ высшей степени интересный въ научномъ отношеніи „Чинъ и уставъ, како освящати святое и великое мvро“. Изъ другихъ статей этого требника референтъ отмѣтилъ „Указъ како сподвизается святая великая панагія“, „Молитвы святаго умовенія“, чины поставленія царя и царицы и „молитва изрядна надъ сельскимъ епископомъ“ т. е. хорепископомъ.—Изъ старопечатныхъ книгъ нужно отмѣтить здѣсь Библію Острожской печати 1581 г. изъ Суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря.

Наконецъ, члены Съѣзда осматривали во Владимірѣ ризницу Рождественскаго монастыря или Архіерейскаго дома.—Здѣсь осмотрѣно собраніе древняго шитья и ювелирныхъ предметовъ: шитые воздухи и плащаница начала

17 в., рѣдкіе по искусной работѣ, составляющей верхъ искусства вышиванія шелкомъ, золотомъ и серебромъ;— кресты, панагіи, рипиды, сосуды и проч., относящіеся по своему происхожденію къ 12—17 вв., и нѣсколько старинныхъ иконъ. Между прочимъ здѣсь особеннаго вниманія заслуживаютъ: 1) Икона Знаменія Божіей Матери, прекраснаго греческаго письма, въ богато убранной и вызолоченой ризѣ, принадлежавшая Александру Невскому; этою иконою, по преданію, благословила его крестная мать предъ походомъ противъ шведовъ; 2)—образъ св. благовѣрнаго вел. кн. Александра Невскаго въ схимѣ, шитый по шелковой матеріи золотомъ, серебромъ,—съ вышитымъ по полямъ тропаремъ въ честь св. князя— даръ царицы Парасковіи [1]), супруги царевича и вел. кн. Ивана Ивановича (1613 г.), какъ гласитъ надпись, сдѣланная вязью; 3) саккосъ золототравчатый—даръ царя Ѳеодора Алексѣевича Суздальскому митрополиту Иларіону при возведеніи его въ этотъ санъ (1682 г.) и 4) водосвятная чаша серебряная вызолоченная, вѣсомъ 13 ф. 30 зол., съ вычеканенной вокругъ вязью надписью, изъ которой видно, что чаша эта въ 1610 г. сдѣлана повелѣніемъ князя Ивана Шуйскаго.

— Вотъ все, что осмотрѣно было во Владимірѣ членами Археологическаго Съѣзда и что́ сочли нужнымъ осмотрѣть частнымъ образомъ мы лично.

Суздальскій Богородице-Рождественскій соборъ.

Послѣ ознакомленія съ древностями г. Владиміра, насколько позволяло время и обстоятельства, членами Археологическаго Съѣзда 24 іюня вечеромъ предпринята была экскурсія въ городъ Суздаль, отстоящій отъ Вла-

---

[1]) Упоминаемая здѣсь царица Парасковія—несчастная жена царевича Ивана Ивановича (сына Грознаго), послѣ насильственнаго развода постриженная въ монастырь на Бѣломъ озерѣ, а затѣмъ жившая во Владимірскомъ женскомъ монастырѣ и умершая въ 1620 г. въ Москвѣ въ Ивановскомъ монастырѣ.

диміра въ 34 верстахъ. Суздаль, древняя столица Владиміро-Суздальскаго княжества, представляетъ собою богатѣйшій художественно-археолологическій пунктъ. Это—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Владиміро-Суздальской области. Начало основанія его восходитъ далеко за предѣлы исторіи. Полагаютъ, что онъ существовалъ уже во время призванія варяго-руссовъ и получилъ свое названіе будто бы отъ того, что здѣсь князья „судили“ народъ, почему онъ въ древности и назывался „Суждаль“. Суздальская область наряду съ Ростовской упоминается уже въ Ипатьевской лѣтописи подъ 990 г., гдѣ говорится о приходѣ Владиміра святого въ Суздальскую и Ростовскую область для насажденія здѣсь христіанской вѣры. Въ половинѣ XI в. Суздаль принадлежалъ великому князю Кіевскому Ярославу I. Первымъ же самостоятельнымъ Суздальскимъ удѣльнымъ княземъ былъ Юрій Долгорукій. Городъ Владиміръ, основанный, по свидѣтельству лѣтописей, еще Владиміромъ святымъ, въ лѣтописяхъ сравнительно съ Суздалемъ именуется „младшимъ пригородомъ“;—уже это одно говоритъ за глубокую древность Суздаля. Его, какъ не связаннаго удобными путями сообщенія съ культурными центрами, какъ будто совсѣмъ и не коснулась новѣйшая цивилизація. Дѣйствительно, до сихъ поръ отъ Суздаля вѣетъ какимъ-то патріархальнымъ духомъ, возбуждающимъ въ посѣтителѣ благоговѣйное чувство къ его сѣдой старинѣ. Да и не удивительно, потомучто эта старина прежде всего выступаетъ здѣсь въ церковныхъ памятникахъ—въ древнихъ церквахъ и монастыряхъ, знакомство съ которыми собственно и было главной цѣлью археологической экскурсіи.

Въ Суздалѣ членами Археологическаго Съѣзда осмотрѣны были Богородице-Рождественскій соборъ, мужской Спасо-Евѳиміевскій монастырь, женскій Покровскій монастырь и женскій Ризположенскій монастырь. Первое мѣсто между этими памятниками Суздальской церковной старины принадлежитъ, безспорно, *Богородице-Рождественскому собору*. Соборъ этотъ основанъ въ 1222 г. великимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ на мѣстѣ уже раньше

существовавшей здѣсь древней церкви, построенной Владиміромъ Мономахомъ. Въ 1233 г. церковь эта была расписана и вымощена, по сказанію лѣтописца, краснымъ разноличнымъ мраморомъ, но въ 1238 г., при нашествіи Батыя, была вся разграблена и послѣ этого почти около 300 лѣтъ находилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Въ 1528 г. въ царствованіе великаго князя Василія Іоанновича при Суздальскомъ епископѣ Геннадіѣ соборная церковь была разобрана сверху почти до половины, и на старыхъ стѣнахъ изъ бѣлаго камня надстроены были новыя кирпичныя стѣны, при чемъ своды укрѣплены на 6 столбахъ; вмѣсто 3-хъ прежнихъ главъ поставлены 5, и главы и вся церковь покрыты были оловомъ, при полномъ измѣненіи древняго типа крыши изъ коробковой въ четырехскатную, въ каковомъ видѣ этотъ соборъ и существуетъ до сихъ поръ. Въ началѣ 17 в. соборъ былъ разграбленъ поляками. Въ 1634 г. Суздальскій архіепископъ Серапіонъ по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича внутренность собора украсилъ лучшимъ въ то время живописнымъ художествомъ.. Въ концѣ 17 в. митрополитъ Суздальскій Иларіонъ уничтожилъ хоры, расширилъ прежнія узкія окна и устроилъ новый иконостасъ, существующій до сихъ поръ. Въ 1719 г. во время пожара соборъ сильно пострадалъ и снаружи и внутри. Въ 1748 г. епископъ Порфирій вновь украсилъ его; въ 1850 г. возобновлена прежняя стѣнопись, и устроены нѣкоторыя новыя иконы. Слѣдовательно тепершній наружный видъ Суздальскаго собора въ нижней своей части, за нѣкоторыми небольшими измѣненіями, относится по своему происхожденію къ первой половинѣ XIII в., въ верхней же своей части—къ началу 16 в., внутренняя стѣнопись къ 1-й половинѣ 17 в., хотя потомъ не разъ была возобновляема, иконостасъ же—къ концу 17 в. По своему теперешнему внѣшнему виду Суздальскій соборъ очень напоминаетъ Московскій Успенскій соборъ, по своимъ же основнымъ чертамъ и по нѣкоторымъ деталямъ въ украшеніяхъ онъ вполнѣ подходитъ подъ типъ древнихъ Владиміро-Суздальскихъ церквей. Въ нижней своей части,

которая сохранилась почти въ первоначальномъ своемъ видѣ, соборъ построенъ изъ бѣлаго камня, какъ всѣ древнія Владиміро-Суздальскія церкви. Планъ собора—византійскій, съ 6-ю столбами, какъ Владимірскій Успенскій соборъ Андреевской постройки, и съ 3-мя абсидами; стѣны по вертикальному направленію пилястрами дѣлятся на 4 фасы, заканчивающіяся вверху полукруглыми арками; видимъ здѣсь и характерныя особенности романскаго происхожденія, отличающія Владиміро-Суздальскую архитектуру отъ всѣхъ другихъ архитектуръ: горизонтальный узорчатый поясъ, узорчатые порталы съ 3-хъ сторонъ храма, украшенные по тягамъ арокъ и по колонкамъ фигурами звѣрей, птицъ и фантастическихъ животныхъ, наконецъ, остатки на стѣнахъ древнихъ прилѣповъ 13 в. въ видѣ нѣсколькихъ женскихъ головокъ и фигуръ львовъ. Такимъ образомъ древній характеръ храма, не смотря на значительныя передѣлки, вполнѣ сохраненъ, что́ дѣлаетъ его до нѣкоторой степени подобнымъ Владимірскому Успенскому собору, по его величавости, высотѣ пропорцій и проч. [1]). Внутренность собора украшена, какъ мы замѣтили выше, превосходной стѣнописью 1-й половинѣ 17 в., а иконостасъ устроенъ митрополитомъ Иларіономъ въ концѣ 17 в.;—это вполнѣ подтверждаетъ и самый характеръ иконъ, указывающій на Московскую царскую школу, въ частности школу Ушакова, особенно мѣстныя иконы—Спасителя, Божіей Матери и Рождества Богородицы, что и естественно, такъ какъ Ушаковъ былъ родственникъ Суздальскаго митрополита Иларіона, который, вѣроятно, и вызвалъ сюда самого Ушакова для написанія иконъ. Отсюда вполнѣ понятно, что мы встрѣчаемъ Ушаковскія иконы и въ другихъ Суздальскихъ церквахъ, напримѣръ, въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ, въ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ и въ другихъ.

---

[1]) Рисунки Суздальскаго собора см. Прохоровъ.—Христіанскія древности. 1875; Толстой и Кондаковъ — Русскія древности, вып. 6. 1899. рис. 39; Альбомъ къ Труд. I Археологич. съѣзда въ Москвѣ, карта XXIII.

Въ Суздальскомъ соборѣ особенное вниманіе обращаютъ на себя западныя и южныя входныя двери, извѣстныя подъ названіемъ Корсунскихъ, представляющія собою замѣчательный памятникъ древне-русскаго искусства [1]). Двери эти колоссальныхъ размѣровъ, двустворчатыя, состоящія изъ массивныхъ досокъ, обитыхъ снаружи желѣзомъ, а извнутри мѣдными листами, образующими на каждой двери 28 тябелъ или квадратныхъ пластинокъ, украшенныхъ живописными сценами (въ 7 рядовъ по 4 тябла въ каждомъ). Каждое тябло со всѣхъ сторонъ обрамлено валиками, богато орнаментированными насѣчкою; насѣчка образуетъ разводы съ вписанными въ нихъ пальметками обычнаго византійскаго типа. Средній валикъ, прикрывающій собою шовъ соединенія двухъ створокъ, вдвое шире прочихъ и украшенъ разводами и погрудными изображеніями святыхъ въ медальонахъ. Рисунокъ выполненъ насѣчкой по чистой или красной мѣди, принявшей отъ времени цвѣтъ темной бронзы; сюжеты сопровождаются славянскими надписями уставомъ прекраснаго письма. Западная дверь покрыта 24 сценами Нов. Завѣта. По самому низу въ 4-хъ тяблахъ представлены въ пышныхъ разводахъ бѣгущіе львы и грифы. Южная дверь украшена 24 сценами Ветхаго Завѣта; въ послѣднемъ же ряду, какъ и на западной двери, изображены въ разводахъ львы и грифы. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, изображенные здѣсь сюжеты апокрифическаго характера (Покрова Пресв. Богородицы, Вознесенія Божіей Матери, Положенія Ризы, Положенія Пояса), которые ранѣе XII в. въ иконографіи не существовали, съ другой, самую технику исполненія рисунка насѣчкой, Кондаковъ и Толстой относятъ происхожденіе этихъ дверей къ первой половинѣ XIII в. [2]). Что же касается сказанія суздальскаго лѣтописца, будто эти двери привезены въ Суздаль изъ Константинополя св. вел. княз. Владиміромъ, то это

---

[1]) Рисунки этихъ дверей смотри у Кондакова и Толстого „Русскія древности“; вып. 6. 1899 г. рис. 101—103.

[2]) Русскія древности; вып. VI, 1899 г. стр. 70—72.

преданіе, по словамъ Кондакова и Толстого, только подчеркиваетъ ихъ особенную византійскую технику и строгую иконографію. Двери эти, дѣйствительно, представляютъ собою подражаніе древнимъ византійскимъ дверямъ [1]). Техника здѣсь заключалась въ слѣдующемъ: на мѣдномъ листѣ сначала чертили рисунокъ и въ немъ по рисунку вырѣзывали всѣ контуры, слѣдовательно очеркъ фигуръ, одежды, лицъ, волосъ и проч.; затѣмъ золотые листы и проволоку вбивали по насѣчкамъ въ раскаленную мѣдь молотками, расплющивая разомъ и золото и листъ мѣди и сливая вмѣстѣ то и другое. Эта техника какъ разъ въ 11—12 вв. усвоена была Византійцами отъ Сарацинскаго искусства, точнѣе изъ Дамаска, откуда она получила и свое главное названіе damasquinerie, что̀ означаетъ насѣчку въ собственномъ смыслѣ слова. Рѣзныя металлическія двери, украшенныя рядомъ религіозныхъ сюжетовъ, исполненныхъ особымъ видомъ насѣчки, ведутъ свое происхожденіе слѣдовательно изъ Византіи и, несомнѣнно, въ свое время такія двери въ Царьградѣ не были рѣдкостью; и однако на Востокѣ, благодаря несчастнымъ историческимъ обстоятельствамъ, въ настоящее время не сохранилось ни одного памятника этого рода, такъ что, если бы такія двери, къ счастію, не были сбережены Италіей, то остались бы вовсе не извѣстны въ оригиналѣ. Въ Италіи сохранилось нѣсколько такихъ дверей—въ Амальфи, Атрани, Салерно, въ церкви св. Павла въ Римѣ и въ церкви св. Марка въ Венеціи, и всѣ онѣ, за исключеніемъ послѣднихъ [2]), византійскаго происхожденія XI в. Между прочимъ, нужно замѣтить, на дверяхъ въ церкви св. Павла въ Римѣ (XI в.) рисунокъ фигуръ отличается грубымъ схематизмомъ, сравнительно съ изяществомъ, стройностью и красотою тщательнаго

---

[1]) Прохоровъ. Христ. древности. 1875 г. стр. 61—62.

[2]) Двери въ церкви св. Марка въ Венеціи, судя по надписи, выполнены въ 1112 г. и, по всей вѣроятности, въ самой Венеціи, такъ какъ въ 12 в. Венеція имѣла уже свои обширныя мастерскія всякаго рода.

исполненія Суздальскихъ дверей, что́, по словамъ Толстого и Кондакова, указываетъ на сравнительно позднѣйшее происхожденіе Суздальскихъ дверей, приблизительно лѣтъ на сто, когда сарацинскій способъ былъ уже примѣненъ ко всѣмъ требованіямъ византійскаго рисунка [1]). Съ другой стороны, типичный греческій характеръ изображаемыхъ лицъ на дверяхъ Суздальскихъ говоритъ за ихъ болѣе раннее происхожденіе сравнительно съ т. наз. „Васильевскими“ или Новгородскими бронзовыми дверями 1336 г. въ соборѣ св. Троицы въ женскомъ монастырѣ въ гор. Александровѣ, гдѣ рисунокъ гораздо болѣе свободенъ отъ византійской схемы,—фигуры крупнѣе, контуры проще и болѣе неправильны, особенно въ передачѣ традиціонныхъ драпировокъ, вообще характеръ изображаемыхъ лицъ болѣе русскій или русско-византійскій [2]). Такимъ образомъ и сравненіе Суздальскихъ дверей съ Римскими дверями въ церкви св. Павла (XI в.), съ одной стороны, и съ Александровскими дверями (1336 г.), съ другой стороны, тоже заставляетъ отнести ихъ приблизительно къ 1-й половинѣ 13 в.—Кромѣ Суздальскихъ и упомянутыхъ Александровскихъ дверей, такія же двери есть въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ и въ Петербургскомъ собраніи Н. П. Лихачева, найденныя въ 1898 г. въ одномъ изъ селъ Новгородской губ. [3]).

Изъ другихъ предметовъ церковной древности въ Суздальскомъ соборѣ заслуживаютъ вниманія:

1) Образъ Нерукотвореннаго Спаса, писанный на полотнѣ, принесенный, какъ гласитъ преданіе, изъ Греціи въ 990 г. св. Ѳеодоромъ, первымъ Суздальскимъ еписко-

---

[1]) Русскія древности, вып. VI 1899 г. стр. 79.

[2]) Русскія древности, вып. VI 1899 г. стр, 72. 74; — здѣсь же см. рисунки этихъ дверей №№ 104—106.

[3]) Число (5) металлическихъ дверей съ изображеніями, насѣченными по нимъ золотомъ, у насъ въ Россіи такимъ образомъ равняется числу этихъ памятниковъ въ Италіи, что́ свидѣтельствуетъ о развитіи художественности въ древней домонгольской Руси.

помъ, пришедшимъ сюда вмѣстѣ съ св. княземъ Владиміромъ.

2) Кипарисный рѣзной, изящной работы, крестъ, принесенный, по преданію, изъ Греціи тѣмъ же святителемъ Ѳеодоромъ.

3) Напрестольный золотой, чеканной работы, крестъ, обнизанный довольно крупнымъ жемчугомъ и украшенный камнями;—такое же Евангеліе—золотое, чеканной работы, украшенное жемчугомъ и камнями;—золотые сосуды, золотое украшенное крупнымъ жемчугомъ кадило и Архіерейская шапка,—все пожаловано, какъ видно по надписямъ, царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ 1677 г.

4) Замѣчательное Евангеліе, по преданію, пожалованное царевною Софіею Алексѣевною, составляющее, можно сказать, верхъ искусства XVII в. и по каллиграфіи, и по отдѣлкѣ рисунковъ. Евангеліе это имѣетъ въ длину $1^1/_2$ арш., въ ширину 1 арш. 2 в., писано красивымъ полууставомъ въ 2 столбца на Александрійской бумагѣ; листы украшены искусными бордюрами и картинками, вычерченными перомъ, изображающими Евангелистовъ и нѣкоторыя событія изъ жизни І. Христа. Верхняя дска на Евангеліи обложена серебромъ позолоченнымъ, съ рѣзными изображеніями, а задняя покрыта малиновымъ бархатомъ съ серебрянымъ по срединѣ крестомъ; на немъ въ нижнемъ концѣ вырѣзана надпись: „І. Аѳанасій Трухменскій“.

5) Большой деревянный обложенный серебромъ и позолоченный крестъ, употребляемый при крестныхъ ходахъ и носимый 4-мя діаконами на носилкахъ;—замѣчательный по величинѣ пятиглавый выносной фонарь со слюдой вмѣсто стеколъ и большая Іордань для освященія воды въ Богоявленье,—устроенные въ концѣ 17 в. митр. Суздальскимъ Иларіономъ.

Кромѣ Иларіона, перваго Суздальскаго митрополита, погребеннаго здѣсь, въ этомъ соборѣ открыто почиваютъ нетлѣнныя мощи святителя Ѳеодора, перваго Суздальскаго епископа, скончавшагося въ 993 г., и Іоанна, 6-го Суздальскаго епископа, скончавшагося въ 1372 г.—Здѣсь

же погребены многія лица изъ рода князей Суздальскихъ, Шуйскихъ, Бѣльскихъ и Скопиныхъ;—особенно замѣчателенъ по своей многотрудной болѣзненной жизни благов. князь Святославъ Юрьевичъ—братъ Андрея Боголюбскаго, скончавшійся въ 1174 г.

Спасо-Евѳиміевскій мужской монастырь въ г. Суздалѣ.

Въ ряду Суздальскихъ монастырей первое мѣсто занимаетъ Спасо-Евѳиміевскій монастырь, знаменитый двумя прославленными именами—угодника Божія Евѳимія, основателя монастыря, и великаго патріота, спасителя нашего Отечества въ тягчайшую годину его бѣдствія, приснопамятнаго князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Монастырь этотъ основанъ въ 1352 г. по волѣ Суздальскаго князя Бориса Константиновича преподобнымъ Евѳиміемъ, ученикомъ святителя Діонисія Печерскаго. Въ настоящее время въ монастырѣ всего 5 храмовъ. Прежде всего построенъ былъ храмъ въ честь Преображенія Господня самимъ основателемъ монастыря—преп. Евѳиміемъ въ 1352 г. Въ 1509 г. на мѣстѣ обрѣтенія мощей преп. Евѳимія заложенъ былъ, а въ 1511 г. торжественно освященъ новый болѣе обширный храмъ—теперешній Спасо-Преображенскій соборъ, а прежній обращенъ въ правый придѣлъ его во имя самого основателя обители, преп. Евѳимія. Храмъ этотъ имѣетъ форму правильнаго квадрата съ 5-ю большими луковичными главами. На наружныхъ стѣнахъ никакихъ скульптурныхъ украшеній нѣтъ, а взамѣнъ этого южная и западная стѣна вверху близъ самыхъ узорчатыхъ карнизовъ украшены,—неизвѣстно когда, большими живописными масляными картинами, изображающими: Пресв. Троицу и Пресв. Богородицу съ предстоящими, Преображеніе Господне, Софію Премудрость Божію и друг.; ниже ихъ между колонками изображены разные угодники Божіи [1]). По своему архитектурному

[1]) По своему характеру наружная живопись совпадаетъ съ внутренней, слѣдовательно относится, можно думать, къ тому же времени, къ которому относится внутренняя стѣнопись, т. е. къ 1689 г.

типу храмъ этотъ, какъ и современный почти ему Суздальскій соборъ, напоминаетъ Московскій Успенскій соборъ. Фресковой стѣнной живописью храмъ украшенъ въ 1689 г. при Преосвящ. Иларіонѣ, митр. Суздальскомъ, на вкладныя деньги Павла, митр. Тобольскаго и Сибирскаго, съ прибавленіемъ суммы Преосв. Гавріила архіеп. Вологодскаго и Бѣлозерскаго, какъ видно изъ надписи на стѣнахъ храма. Стѣнная живопись въ этомъ храмѣ, какъ и живопись Суздальскаго собора, очень напоминаетъ Московскую живопись царской школы—17 в.—Остальныя церкви этого монастыря или не древнія или же перестроены въ позднѣйшее время.

Заслуживаетъ вниманія въ этомъ монастырѣ, во первыхъ, высокая каменная ограда вокругъ монастыря въ 542 саж. съ 12-ю башнями—бойницами разной величины, построенная въ 17 стол. Высота ограды съ южной, восточной и сѣверной стороны достигаетъ 4 саж., а съ западной $3^1/_2$ с., толщина стѣны вездѣ 3 арш. Эта громадная твердыня монастыря, несомнѣнно, была сооружена съ оборонительной цѣлью, что́ доказывается ея зубчатой архитектурой, обсерваціонной башней съ южной стороны въ 11 саж. высоты и по 7 саж. въ ширину и длину, хранящимися здѣсь старинными пушками и пищалями, нѣсколькими бердышами, воинской броней и ружейными прикладами съ старинными замками. Это предположеніе о стратегическомъ значеніи монастыря подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что близъ монастыря бывали упорныя битвы, а также случалось, что торжествующій непріятель располагался своимъ станомъ въ монастырѣ, что́, безъ сомнѣнія, указываетъ на то, что онъ былъ надежно огражденъ. Наконецъ, въ пользу этого предположенія говоритъ и мѣстное народное убѣжденіе, что отъ центральнаго пункта Суздаля существовалъ подземный ходъ къ Спасо-Евѳиміевскому мон., какъ къ убѣжищу. Такимъ образомъ Спасо-Евѳиміевскій монастырь въ свое время представлялъ какъ бы воинскую крѣпость.

Во вторыхъ, въ этомъ монастырѣ обращаетъ на себя вниманіе своей оригинальной архитектурой стѣнообразная

колокольня (звонница), имѣющая видъ продолговатой галлереи высотою $22^1/_2$ арш., длиною 22 ар. и шириною 7 арш. съ 3-мя пролетами въ верхнемъ ярусѣ для колоколовъ, построенная въ концѣ 17 в. [1]). Самый большой колоколъ на этой колокольнѣ въ 566 пуд. слитъ въ 1691 г. Второй—поліелейный—въ 355 п.—слитъ, какъ видно изъ надписи, коштомъ Демида Ивановича Черемисинова въ 1599 г., въ пожаръ 1610 г. расшибся, въ 1618 г. перелитъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, потомъ снова перелитъ въ царствованіе Екатерины II. Третій колоколъ—часовой въ 67 п.—вкладъ Черемисинова—слитъ въ 1582 г. Четвертый въ 30 пуд. слитъ въ 1682 г. усердіемъ старца казначея Авраамія Горицкаго и пятый колоколъ въ 20 п.—вкладъ князя Вас. Ив. Горбошина—слитъ въ 1561 г.—Такихъ стѣнообразныхъ колоколенъ, построенныхъ отдѣльно отъ церкви, у насъ въ Россіи всего 5: при Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ въ Суздалѣ, при Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ, двѣ во Псковѣ (при церкви Успенія и при церкви Богоявленія) и одна въ Ростовѣ при Успенскомъ соборѣ. Эта стѣнообразная колокольня Спасо-Евѳиміева монастыря своей сѣверной стороной пристроена къ небольшой осмигранной часовой башнѣ, составлявшей древнюю колокольню, кажется, современную основанію самой обители. Надъ мѣстомъ ихъ соединенія возвышается небольшой въ 37 арш. высотою четырехгранный шатеръ съ часовыми колоколами.

Къ числу достопримѣчательностей монастыря, въ третьихъ, слѣдуетъ еще отнести знаменитую тюрьму или арестантское отдѣленіе, учрежденное по повелѣнію Императрицы Екатерины II въ 1766 г. Эта тюрьма представляетъ собою длинную галлерею небольшихъ одиночныхъ камеръ, расположенныхъ по одну сторону корридора. Всѣхъ камеръ 22, въ каждой по одному небольшому окну. Здѣсь съ 1766 г. были заключаемы какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица, преимущественно по религіознымъ про-

---

[1]) Рисунокъ этой колокольни и соборнаго храма въ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ см. у Прохорова „Христ. древности“. 1875 г.

ступкамъ. Въ числѣ заключенныхъ здѣсь были между прочимъ лица не безъизвѣстныя въ нашей исторіи, напр. сынъ графа Разумовскаго—Алексѣй Кирилловичъ и извѣстный ересіархъ скопецъ Селивановъ. Съ 1809 по 1811 г. находился здѣсь же митр. Амапійскій Паисій. Съ прошлаго года эта тюрьма пустуетъ.

Наконецъ, въ четвертыхъ, изъ монастырскихъ построекъ особеннаго вниманія заслуживаетъ изящный изъ бѣлаго мрамора мавзолей, воздвигнутый въ 1885 г. надъ могилой приснопамятнаго князя Дм. Мих. Пожарскаго. Внутри его надъ самой могилой лежитъ мраморная плита съ надписью о лицѣ почившаго. Входная дверь въ усыпальницу бронзовая съ художественными горельефами на ней Минина и Пожарскаго; оваломъ съ одного нижняго края до другого вязью надписаны незабвенныя слова, произнесенныя чудесно исцѣлѣвшимъ отъ ранъ княземъ Пожарскимъ въ отвѣтъ на призывъ Минина: „мужайся и укрѣпимся о людяхъ нашихъ и о градѣхъ Бога нашего и Господь сотворитъ благое предъ очима своима“. Подъ фронтономъ надъ дверью крупная надпись полукругомъ: „боярину князю Дмитрію Михаиловичу благодарное потомство“. На сѣверной, восточной и южной сторонахъ памятника славянскимъ шрифтомъ выгравировано сказаніе о заслугахъ Пожарскаго. Мавзолей этотъ воздвигнутъ на добровольныя пожертвованія со всей Россіи на мѣстѣ древней усыпальницы князей Пожарскихъ и Хованскихъ. Усыпальница эта была двухъярустная; въ нижнемъ ярусѣ, какъ гласятъ монастырскія описи, погребались князья Хованскіе и Пожарскіе. Эту усыпальницу, имѣвшую видъ особой палатки, бывшій архимандритъ Ефремъ въ 1765—1766 гг. за ветхостью сломалъ, а лежавшіе надъ гробами усопшихъ камни съ надписями снялъ и употребилъ на церковныя строенія. Послѣ этого оставалось только устное преданіе, сохранявшееся преимущественно въ братіи монастыря, о погребеніи здѣсь князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго. Графу А. С. Уварову въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія послѣ тщательныхъ изысканій удалось открыть драгоцѣнную гробницу—Дм.

Мих. Пожарскаго. Въ усыпальницѣ графомъ Уваровымъ открыто всего 23 гробницы, причемъ надгробныхъ камней съ надписями найдено имъ всего только два: надъ княземъ Никитою Андреевичемъ Хованскимъ и княземъ Ѳеодоромъ Дмитріевичемъ Пожарскимъ, старшимъ сыномъ Дмитрія Михаиловича, умершимъ еще при жизни отца. Гробница, въ которой, по предположенію Уварова, покоится прахъ Дм. Мих. Пожарскаго, отличается отъ другихъ гробницъ и матеріаломъ и самымъ своимъ устройствомъ, свидѣтельствующимъ объ особенномъ уваженіи родственниковъ къ погребенному въ ней лицу; кромѣ того, и сохранившіеся здѣсь остатки богатаго одѣянія указываютъ на боярское достоинство погребеннаго здѣсь, каковое изъ рода Пожарскихъ имѣлъ только князь Дмитрій Михаиловичъ. Сосѣднія же съ ней двѣ гробницы съ правой и лѣвой стороны, въ которыхъ, судя по нѣкоторымъ данным, погребены женщины, должны принадлежать, по предположенію Уварова, двумъ супругамъ князя Дмитрія Михаиловича. По повелѣнію Его Императорскаго Величества, Николая I, состоявшемуся янв. 28 дня 1852 г., назначена была особая коммиссія для освидѣтельствованія указанной гр. Уваровымъ гробницы, въ которой, по изслѣдованіямъ его, покоится прахъ князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго. Коммиссія, тщательно осмотрѣвъ усыпальницу, обратилась затѣмъ къ монастырскимъ описямъ, церковной утвари и всѣмъ остаткамъ отъ прежнихъ временъ, сохранившимся въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ, и, кромѣ вышеуказанныхъ соображеній, принимая во вниманіе, 1) что родина князей Пожарскихъ находится близко отъ Суздаля; 2) что мѣсто погребенія князей Пожарскихъ въ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ издревле извѣстно было по монастырскимъ описямъ подъ именемъ ихъ собственной палатки, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ родныхъ имъ князей Хованскихъ [1]); что ни въ одинъ изъ монастырей русскихъ, церквей и соборовъ

[1]) Никита Андреевичъ Хованскій былъ женатъ на сестрѣ Дм. Мих. Пожарскаго—княжнѣ Дарьѣ Михаиловнѣ.

не сдѣлано было князьями Пожарскими такихъ многочисленныхъ и богатыхъ вкладовъ, какъ въ монастырь Спасо-Евѳиміевскій, самый знаменитый въ сосѣдствѣ съ ихъ отчинами; 4) что старшій сынъ князя Дм. Мих. Пожарскаго похороненъ здѣсь, о чемъ свидѣтельствуетъ превосходно сохранившаяся надпись; 5) что самъ князь Дм. Мих. отъ своего имени принесъ въ даръ Спасо-Евѳиміевскому монастырю множество вкладовъ разнаго рода въ поминъ по душѣ своихъ родителей и своего сына, чѣмъ доказывается его особенное благоговѣніе къ обители Евѳимія; 6) что въ поминовеніе по душѣ кн. Дмитрія Михайловича положены были значительные вклады, въ числѣ коихъ нужно отмѣтить преимущественно предметы, остающіеся обыкновенно въ церквахъ послѣ погребенія, напр. псалтирь, читаемая надъ гробомъ, образъ, ставимый въ головѣ у покойника, шуба его, служившая вмѣсто покрова, изъ которой впослѣдствіи сшиты были служебныя ризы; 7) что при описаніи церковныхъ образовъ въ монастырской описи нѣкоторые обозначены вынесенными изъ палатки отъ родителей боярина князя Ивана Никитича Хованскаго, да князя Дм. Мих. Пожарскаго; точно также при описаніи покрововъ монастырскихъ 21 покровъ означены принесенными „изъ палатки боярина князя Ивана Никитича Хованскаго, да князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго съ родителей ихъ“; 8) что въ монастырѣ преп. Евѳимія изстари ведется преданіе о погребеніи въ стѣнахъ его князя Дм. Мих. Пожарскаго; 9) что въ исторической литературѣ русской никогда, нигдѣ и никѣмъ не выражено было никакого основательнаго сомнѣнія о мѣстѣ погребенія Дм. Мих. въ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ; 10) что, наконецъ, никакихъ противорѣчащихъ обстоятельствъ не оказывается,—принимая все это во вниманіе, коммиссія въ концѣ концовъ нашла, что догадка гр. Уварова вполнѣ подтверждается вышеуказанными данными и что въ данномъ случаѣ, по всѣмъ законамъ строгой исторической критики, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что гробница, указанная графомъ Уваровымъ, заключала въ себѣ прахъ князя Дм. Мих. Пожарскаго.

Нѣсколько лѣтъ спустя—послѣ работъ вышеуказанной коммиссіи, по случаю перестройки придѣла прп. Евѳимія, вынутъ былъ изъ подъ пола камень, судя по надписи, надгробный князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго, младшаго сына русскаго героя. Эта находка тоже подтверждаетъ догадку Уварова, такъ какъ несомнѣнно, что сынъ завѣщалъ похоронить свои бренные останки не подалеку отъ знаменитаго родителя своего.

Итакъ мѣсто погребенія приснопамятнаго русскаго героя—князя Дм. Мих. Пожарскаго, именно, въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ въ настоящее время считается исторически установленнымъ.

Въ этотъ знаменательный въ историческомъ отношеніи монастырь, въ которомъ нетлѣнно почиваютъ мощи Суздальскаго Чудотворца Евѳимія, дѣлали богатые вклады русскіе бояре, великіе князья, а потомъ и цари русскіе. Предметы старинной церковной утвари отчасти находятся въ самомъ соборѣ Спасо-Преображенскомъ, но главнымъ образомъ сосредоточены въ монастырской ризницѣ. Здѣсь между прочимъ въ особомъ футлярѣ хранятся вещи, принадлежавшія прп. Евѳимію. Въ обширномъ стеклянномъ шкафѣ помѣщаются коллекціи цѣнныхъ Евангелій, напрестольныхъ крестовъ, богослужебныхъ сосудовъ и митръ. Здѣсь есть и старинныя иконы и предметы церковныхъ облаченій.

Изъ всѣхъ находящихся въ этомъ монастырѣ предметовъ священной старины особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе:

1) Образъ прп. Евѳимія Суздальскаго чудотворца—15 в., писанный на доскѣ, мѣрой въ высоту почти $1^1/_2$ арш., а въ ширину $1^1/_4$ ар., украшенный серебряно-вызолоченнымъ вѣнцемъ съ зеленоватой эмалью и драгоцѣнными камнями; поля обложены серебряно-вызолоченнымъ басменнымъ [1]) окладомъ—очень древнимъ, судя по заплатамъ. 2) Образъ Одигитріи Смоленской Божіей Матери по всему

---

[1]) Басменный окладъ — самый тонкій, обыкновенно, съ тисненіемъ или штамповкой.

очень сходный съ образомъ преп. Евѳимія чуд. — 15 в. 3) Икона Умиленія Богоматери, извѣстная болѣе подъ названіемъ Корсунской, такъ какъ, по преданію, принесена изъ Корсуня. Икона въ золотой ризѣ, украшена крупнымъ жемчугомъ и каменьями въ древнемъ вкусѣ; вставлена икона въ 2 кіота, изъ коихъ на меньшемъ по краямъ изображены на серебропозлащенной съ чернью дскѣ Господскіе и Богородичные Праздники; а на большомъ кіотѣ сдѣлана надпись, свидѣтельствующая, что кіотъ сей сдѣланъ по завѣту и повелѣніемъ Демида Ивановича Черемисинова въ 1590 г. Самый образъ очень древняго происхожденія. Икона эта помѣщается въ монастырскомъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ на южной колоннѣ при входѣ изъ западныхъ дверей. 4) На сѣверной колоннѣ къ западу въ симметричномъ съ упомянутымъ, но менѣе цѣнномъ, кіотѣ помѣщается икона Владимірской Божіей Матери, также украшенная по золоченому серебру жемчугомъ и камнями. На поляхъ изображены — кондаки и икосы акаѳиста Божіей Матери. 5) Въ иконостасѣ предъ ракою преп. Евѳимія образъ Преображенія Господня, украшенный жемчугомъ и камнями—вкладъ, какъ видно по надписи, князя Дм. Мих. Пожарскаго. 6—8) Три иконы въ отдѣльномъ шкафѣ предметовъ князя Пожарскаго: образъ Живоначальныя Троицы и два образа Казанской Божіей Матери,—всѣ три—вкладъ князя Пожарскаго, какъ это значится по описнымъ книгамъ 1660 г. 9) Большое мѣдное вызолоченное червоннымъ золотомъ паникадило о 28 шандалахъ съ двуглавымъ орломъ вверху, висящее въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ посрединѣ храма противъ царскихъ вратъ. На нижнемъ яблокѣ вырѣзана надпись: „Лѣта $\frac{7112}{1604}$ поставилъ сіе паникадило въ домъ Боголѣпнаго Преображенія и чудотворца Евѳимія князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій по своемъ братѣ Василіѣ, князѣ Михаиловичѣ, во иноцѣхъ Вассіанѣ, въ вѣчный поминокъ“. 10) Большая серебряная, мѣстами позолоченная, лампада, на подобіе чаши, на оловянномъ поддонкѣ, стоящая предъ ракою мощей преп. Евѳимія, сдѣланная, какъ гласитъ надпись, повелѣніемъ князя Ивана Ивановича

Шуйскаго въ 1635 г. 11) Большое серебряное чеканное, мѣстами позолоченное, кадило — вкладъ, какъ видно изъ надписи, Крутицкаго митр. Геласія въ 1589 г. 12) Водосвятная серебряная чаша въ 9 ф. вѣсомъ, сдѣланная, судя по надписи, въ 1618 г. при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.— Всѣ перечисленныя вещи находятся въ самомъ соборѣ монастырскомъ.—Наибольшее же собраніе цѣнныхъ древностей хранится, какъ мы замѣтили выше, въ монастырской ризницѣ. По описи 1660 г. въ ризницѣ однихъ Евангелій значится 12.—Изъ нихъ особенно замѣчательны: 1) Евангеліе въ $^1/_8$ долю листа, писанное полууставомъ, обложенное малиновымъ бархатомъ, принадлежавшее преп. Евѳимію, слѣдовательно 14 или 15 в. 2) Евангеліе 1615 г. писанное полууставомъ,—даръ князя Дм. Мих. Пожарскаго съ превосходными миніатюрами Евангелистовъ и автографомъ князя Пожарскаго. 3) Большое печатное Евангеліе 1689 г. вѣсу 1 п. 26 ф.—Изъ крестовъ особенно замѣчательны: 1) Крестъ мѣдный, предъ которымъ, по преданію, молился преп. Евѳимій въ своей келліи. 2) Крестъ напрестольный серебряный позолоченный, украшенный камнями—съ надписью, свидѣтельствующею, что крестъ этотъ сдѣланъ въ 1588 г. при Государѣ великомъ князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ попеченіемъ Іова епископа Суздальскаго и Тарусскаго. Въ семъ крестѣ находятся, по описи 1660 г., „во главѣ—губа, еюже Христосъ напоенъ млекомъ Богородицы, да животворящее древо, да на ручкахъ муро Николы чудотворца, да мощи Ивана Предтечи, да Бориса и Глѣба; въ подножіи—мощи священномученика Кипріана, Іустина, да Ѳеодосія Печерскаго и иныхъ многихъ святыхъ“. 3) Крестъ серебряный чеканной работы 1630 г.— съ св. мощами. На верхней части креста надписано: „мощи Маріи Магдалины, Варвары Христовы мученицы, Андрея Стратилата, мученика Пантелеимона. Виѳлеемская персть“. Кромѣ того, заслуживаютъ вниманія: потиръ съ прибором, серебряный позолоченный, чеканной работы, 1600 г. —вкладъ княгини Анны Ѳедоровны по душѣ князя Данилы Андреевича Ногтева, а во иноцѣхъ Евѳимія;—дарохранительница серебряная вызолоченная о 3-хъ ярусахъ—

съ надписью: „Государя царевича и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича"; — плащаница, шитая золотомъ, серебромъ и разноцвѣтными шелками по алому атласу—вкладъ, какъ видно по надписи, жены князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго, Ѳеодоры Андреевны, по мужѣ своемъ и по душѣ своей—1644 г.; — воздухи, шитые золотомъ, серебромъ и шелками—1606 г.—съ надписью: „Приложены Михаиломъ Сабуровымъ по женѣ его".—Изъ 13 хранящихся въ ризницѣ митръ обращаютъ на себя вниманіе: 1) митра преп. Евѳимія, шитая золотомъ, серебромъ и шелками по вишневому атласу, съ горностаевой опушкой; по фасону эта митра почти вдвое меньше нынѣшнихъ; 2) митра, унизанная довольно крупнымъ жемчугомъ, съ камнями по красному бархату—1643 г.—вкладъ жены князя Д. М. Пожарскаго, княгини Ѳеодоры Андреевны, по мужѣ своемъ и по душѣ своей. 3) Митра, унизанная довольно крупнымъ жемчугомъ и украшенная камнями, сдѣланная, какъ видно по надписи, „по указу Государя Царя Алексѣя Михаиловича по святѣйшемъ Питиримѣ патр. Московскомъ, на его келейныя деньги". Особенно замѣчательны: риза изъ малиноваго травчатаго бархата, сшитая изъ вкладной шубы князя Дм. Мих. Пожарскаго послѣ его смерти, и двѣ епитрахили изъ шелковой матеріи — даръ, какъ видно по надписи, жены князя Дм. Мих. Пожарскаго, Ѳеодоры Андреевны. — Но самая драгоцѣнная святыня монастыря, это—мощи преп. Евѳимія, почивающія въ нетлѣніи въ серебряной гробницѣ на мраморномъ возвышеніи подлѣ южной двери за правымъ клиросомъ. При ракѣ преп. Евѳимія находятся — его желѣзный посохъ и двое желѣзныхъ веригъ его же, изъ коихъ однѣ онъ носилъ вмѣсто параманда — вѣсомъ $5^1/_2$ ф., а другія возлагалъ на себя въ то время, когда становился на молитвенный подвигъ,—въ этихъ 16 ф. вѣсу.

— Все вышеизложенное объ обители св. Евѳимія свидѣтельствуетъ о важномъ значеніи ея въ ряду прочихъ русскихъ монастырей и другихъ знаменательныхъ въ отечественной исторіи мѣстностей.

Покровскій женскій монастырь въ г. Суздалѣ.

Послѣ Богородице-Рождественскаго собора и Спасо-Евѳиміевскаго монастыря особеннаго вниманія заслуживаетъ Покровскій женскій монастырь, существующій уже около $5^1/_2$ вѣковъ. Въ русской исторіи этотъ монастырь извѣстенъ главнымъ образомъ, какъ мѣсто ссылки для княгинь и царицъ съ постриженіемъ ихъ въ иночество. Въ бурное время царствованія Ивана Васильевича Грознаго жены казненныхъ бояръ — Горбатыхъ, Ногтевыхъ, Кислыхъ и друг. постригались исключительно въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ, который, благодаря этому, сдѣлался, такъ сказать, аристократическимъ монастыремъ. Основанъ этотъ монастырь въ 1364 г. Суздальскимъ княземъ Андреемъ Константиновичемъ, съ благословенія преподобнаго Евѳимія, Суздальскаго Чудотворца. Сначала здѣсь построенъ былъ деревянный храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. А въ 1518 г., послѣ посѣщенія Суздальскаго Покровскаго монастыря Великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ Іоанновичемъ и его супругой Соломоніей, по повелѣнію князя вмѣсто деревяннаго храма былъ построенъ каменный тоже во имя Покрова Пресв. Богородицы. Монастырю этому впослѣдствіи суждено было сдѣлаться мѣстомъ продолжительнаго заточенія великой княгини Соломоніи и ея благочестивыхъ иноческихъ подвиговъ, которые прославили ея имя, какъ святое. Съ этихъ поръ монастырь этотъ становится особенно знаменитъ и привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе и уваженіе Суздальскихъ князей и бояръ, которые дѣлаютъ въ этотъ монастырь богатые вклады и пожертвованія. Ризница этого монастыря, составленная главнымъ образомъ изъ этихъ вкладовъ, представляетъ собою въ настоящее время богатый музей предметовъ церковной старины. — Кромѣ Покровской холодной церкви, въ монастырѣ есть еще три церкви: теплая церковь во имя Зачатія св. Анны, церковь подъ колокольней, во имя происхожденія честныхъ древъ, и церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы на святыхъ воротахъ,—и всѣ эти церкви по-

строены тѣмъ же вел. княземъ Василіемъ Іоанновичемъ. —Всѣ эти церкви, за небольшими измѣненіями, сохранились до насъ почти въ своемъ первоначальномъ видѣ и слѣдовательно являются весьма цѣнными памятниками русской архитектуры первой четверти 16 в. Меньше другихъ потерпѣла измѣненій главная соборная Покровская церковь, поэтому на ней мы и остановимъ свое вниманіе. Внутри эта церковь представляетъ собою квадратъ съ 4-мя столбами, поддерживающими куполъ, и съ 3-мя алтарными абсидами, какъ и другія древнія церкви Владиміро-Суздальской области 12—13 вв. Каждая стѣна этой церкви съ наружной стороны, какъ и въ другихъ древнихъ Владиміро-Суздальскихъ церквахъ, дѣлится пилястрами по вертикальному направленію на 3 фасы, заканчивавшіяся раньше вверху полукружіями или закомарами; по этимъ полукружіямъ и по сводамъ и крыта была первоначально эта церковь; въ настоящее же время стѣны вверху выровнены и церковь крыта четырехскатной крышей. Окна въ церкви въ настоящее время расширены, первоначально же они имѣли узкую щелеобразную форму. Изъ характерныхъ признаковъ Владиміро-Суздальской архитектуры на Покровской церкви до сихъ поръ сохранился горизонтальный поясъ изъ небольшихъ висячихъ полуколонокъ, соединенныхъ между собою арочками, и входныя съ 3-хъ сторонъ храма двери на подобіе романскихъ порталовъ съ колончатыми откосами. Какъ на особенность этой церкви, нужно указать на то, что она—трехглавая: средняя глава покоится на трибунѣ, опирающемся на 4 внутреннихъ столбахъ, двѣ же главки поставлены надъ малыми абсидами на восточной стѣнѣ храма. Колокольня представляетъ собою восьмигранный столбъ, заканчивающійся шатровымъ верхомъ—въ стилѣ Московской архитектуры 16 в. [1])—Иконостасъ въ Покровской церкви—17 в. и большинство иконъ въ церкви относится къ 16 и 17 вв.

---

[1]) Рисунокъ этой церкви и колокольни см. въ брошюрѣ „Благовѣрная великая княгиня Соломонія (Сабурова) въ иночествѣ Софія“. 1905 г.

Монастырь этотъ, какъ выше мы замѣтили, главнымъ образомъ извѣстенъ, какъ мѣсто заточенія княгинь и царицъ, изъ коихъ большинство здѣсь и похоронены. Подъ главной Покровской церковью сохранилось всего 27 историческихъ гробницъ; между ними гробницы княгинь Суздальскихъ и гробницы царицъ—здѣшнихъ постриженницъ. Изъ родовъ княжескихъ здѣсь имѣются гробницы Полоцкихъ, Нагихъ, Скопиныхъ, Шуйскихъ, Черкасскихъ, Кислыхъ, Ногтевыхъ, Бѣльскихъ и друг. Первое мѣсто между всѣми этими гробницами занимаетъ, несомнѣнно, гробница невольной постриженницы, первой супруги вел. князя Василія Ивановича, Соломоніи, въ иночествѣ Софіи. Соломонія была очень интересной исторической личностію. Она была дочерью Юрія Сабурова, который такъ же, какъ и Горбуновы, былъ потомкомъ ордынскаго выходца мурзы Четы. Какъ отличавшаяся необыкновенной красотой, умомъ и сердечной добротой, она въ 1504 г. была выбрана въ супруги Василія Ивановича изъ 1500 знатныхъ дѣвушекъ, представленныхъ къ царскому двору, но, къ крайнему прискорбію и Соломоніи и Василія Ивановича, очень любившаго ее, бракъ ихъ былъ безплоденъ. И вотъ чрезъ 21 годъ супружеской жизни (въ 1526 г.), по совѣту многихъ бояръ и съ одобренія Московскаго митрополита Даніила, не смотря на протесты восточныхъ патріарховъ [1]), Великій Князь рѣшается развестись съ Соломоніей и отдаетъ приказаніе постричь въ монастырь свою несчастную жену. Сначала она была водворена въ Московскій Рождественскій монастырь, а потомъ была переправлена въ Суздаль въ Покровскій монастырь. Здѣсь она подвизалась болѣе 17 лѣтъ и въ 1543 г. приняла праведную кончину. Схоронена она была подъ соборомъ По-

[1]) Восточные патріархи, къ которымъ по совѣту митр. Даніила обращался великій князь, не дали благословенія на разводъ. А патріархъ Іерусалимскій Марк въ пророческомъ духѣ отвѣчалъ великому князю: „если женишься вторично, то будешь имѣть злое чадо; царство твое наполнится ужаса и печали, кровь польется рѣкою, падутъ главы вельможъ, грады запылаютъ“. Пророчество патріарха исполнилось.

кровскимъ, гдѣ мощи ея и до сихъ поръ пребываютъ подъ спудомъ. Прославленная своими святыми подвигами еще при жизни, она по смерти была причислена народною вѣрою къ лику святыхъ. Ко гробу ея стало стекаться множество богомольцевъ, прибѣгавшихъ къ ней съ своими молитвами. При гробѣ ея стали совершаться чудеса, которыя всѣ записаны ключаремъ Ананіемъ Ѳедоровымъ [1]). Эти чудотворенія побудили Суздальскаго Архіепископа Серапіона (1634—1653 г.) обратиться съ донесеніемъ о томъ къ патріарху Іосифу, который и приказалъ потомъ положить покровъ на гробницу и пѣть панихиды и молебны, но разбирать гробницу и разрывать землю не позволилъ, такъ что мощи ея не были открываемы. Служба и молебны при гробницѣ Соломоніи пѣлись, какъ говоритъ преданіе монастырское, до царствованія Петра I, затѣмъ были отмѣнены, и повелѣно было пѣть лишь панихиды, которыя совершаются постоянно и теперь многочисленными богомольцами. Во многихъ древнихъ церквахъ и монастыряхъ Суздальскихъ сохранилось не мало иконъ съ изображеніемъ вел. княгини Соломоніи [2]). Въ иконописномъ подлинникѣ 17 в. Соломонія называется „св. Софіей Суздальской чудотворицей“ [3]). Въ немъ даются слѣ-

---

[1]) Въ числѣ 13-ти записанныхъ ключаремъ Ан. Ѳедоровымъ чудесъ (исцѣленій слѣпыхъ, глухихъ, разслабленныхъ и т. п.) между прочимъ записано чудо, какъ препод. Софія спасла Покровскій монастырь отъ разоренія пана Лисовскаго, извѣстнаго предводителя поляковъ, въ 1609 г. По преданію, великая княгиня Соломонія (въ иночествѣ Софія) явилась пану Лисовскому въ иноческомъ одѣяніи съ горящею свѣчею въ рукахъ и этою свѣчею начала его жечь и палить. Панъ Лисовскій тутъ же впалъ въ тяжелую болѣзнь, при чемъ у него отнялась правая рука. Тогда напалъ на него великій страхъ, и онъ вскорѣ отступилъ отъ Суздаля. Это чудо записано и на дскѣ ея гробницы.

[2]) Изъ *Поручной записи* Вязниковскихъ посадскихъ людей по иконописцѣ Пономаревѣ, состоявшейся въ 1674 г. касательно написанія мѣстныхъ иконъ въ иконостасѣ соборной монастырской церкви, видно, что съ изображеніями Суздальскихъ святыхъ написанъ былъ образъ и препод. княгини Софіи.

[3]) На одномъ изъ образовъ княгини Софіи, находящемся въ Покровскомъ монастырѣ, вычеканена на вѣнцѣ надпись: „Святая Княгиня Софія новая Суждальская чудотворица“.

дующія наставленія, какъ писать ея иконы: „св. благовѣрная княгиня Софія, Суздальская Чудотворица, подобіемъ млада, въ схимѣ, ризы преподобническія". Надъ мѣстомъ, гдѣ погребено тѣло препод. вел. княгини Софіи, находится саркофагъ деревянный, по мѣстамъ съ рѣзьбой и позолотой; въ срединѣ онаго покровъ шитый золотомъ и шелками съ изображеніемъ лика препод. Софіи. Надъ саркофагомъ балдахинъ на столбахъ съ рѣзными и по рѣзбѣ золочеными клеймами—1543 г.—Вслѣдъ за великой княгиней Соломоніей постригаются въ Суздальскій Покровскій монастырь многія знатныя особы, въ особенности во время тяжелой эпохи царствованія Ивана Грознаго, который самъ, по примѣру отца, въ 1576 г. заточилъ здѣсь свою 4-ю жену Анну (Колтовскую) [1]) послѣ трехлѣтняго брака, которая и погребена здѣсь. Въ Покровскомъ монастырѣ были заточены въ 17 в. еще двѣ царицы, на долю которыхъ выпала тяжелая судьба: царица Марія Петровна, молодая супруга Василія Шуйскаго, заточенная чрезъ 2 года супружеской жизни, послѣ сверженія его съ престола въ 1610 г., и царица Евдокія Ѳедоровна (урожденная Лопухина), первая супруга Петра Великаго, которая въ 1698 г. была сослана сюда, а въ 1699 г. была пострижена подъ именемъ Елены и прожила здѣсь около 20 лѣтъ; потомъ за свою свободную любовь сослана была въ Ладогу, а затѣмъ заключена въ Шлиссельбургъ, откуда уже освобождена своей счастливой соперницей императрицей Екатериной I. Евдокія Лопухина заканчиваетъ собою рядъ высокопоставленныхъ инокинь въ Покровскомъ монастырѣ. Кромѣ вышеупомянутыхъ нами царицъ—Соломоніи, супруги вел. князя Василія Ивановича, и Анны,—супруги Ивана Грознаго, въ Покровскомъ монастырѣ еще погребены—супруга царевича Іоанна Іоанновича великая княгиня инокиня Александра, дочь Василія Іоанновича Шуйскаго царевна Анастасія, сестра вел. князя Василія Іоанновича Московскаго инокиня княжна Александра и

---

[1]) См. „Россія"—Семеновъ т. 1 стр. 302.—По Карамзину (т. IX гл. 4)—5-ю супругу—Анну Васильчикову.

много другихъ знатныхъ инокинь княжескаго рода,—всего 27 лицъ.—Въ ризницѣ монастыря хранится весьма много памятниковъ трудолюбія и усердія погребенныхъ здѣсь знатныхъ инокинь: здѣсь есть, какъ увидимъ ниже, плитыя ими и низанныя жемчугомъ пелены, убрусы, воздухи и иконы. Помимо того, онѣ сами и ихъ родственники, какъ мы замѣтили выше, дѣлали въ монастырь богатые вклады и пожертвованія, которыя до сихъ поръ и хранятся въ ризницѣ монастыря.

Изъ достопримѣчательныхъ церковныхъ вещей, находящихся въ Покровскомъ монастырѣ, должны быть отмѣчены слѣдующія:

I—Въ соборной церкви монастыря.

— Въ иконостасѣ иконы Спасителя и Богородицы, именуемой Гиспанскою, сѣдящей на престолѣ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ,—съ изображеніемъ бѣдняка, приносящаго Богоматери Ея башмачекъ (по легендѣ). Обѣ иконы датированныя—1686 г.; на первой иконѣ перечислены поименно даже и всѣ мастера, которые писали эти иконы и другія въ соборную церковь Покровскаго монастыря, по видимому, все послѣдователи школы Симона Ушакова въ художественномъ отношеніи.—Древнія (вѣка 15 или 16) иконы Іоанна Богослова и Николая Чудотворца—новгородскаго письма—на приалтарныхъ столбахъ вверху.—Древнія иконы—16 и 17 вв. на центральныхъ столбахъ—правомъ и лѣвомъ, изъ коихъ особенно замѣчательна икона Грузинской Божіей Матери, богато украшенная золотомъ, серебромъ и камнями, пожертвованная царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, въ бытность его въ Суздалѣ на возвратномъ пути по взятіи Казани. На этомъ образѣ приклады: 1) ожерелье жемчужное и серьги Казанскія золотыя съ жемчугомъ супруги царя Ивана Васильевича Грознаго, царицы Маріи Темрюковны; 2) золотой крестъ съ финифтью и золотой перстень съ алмазомъ царицы Елены Петровны Шуйской; 3) золотой перстень съ лазоревымъ яхонтомъ царевны инокини Ольги, въ мірѣ Ксеніи, дочери Бориса Годунова; 4) убрусъ и пелена, унизанные жемчугомъ, царицы Анастасіи, первой

супруги Грознаго.—Большое о четырехъ ярусахъ паникадило, висящее посреди Покровской церкви,—1599 г.—вкладъ князя Александра Ивановича Шуйскаго, между прочимъ съ такой надписью: „..... кто захочетъ сіе паникадило изъ храма Пресв. Богородицы вынести или продати или заложити, того судитъ Богъ на второмъ пришествіи".

II—Въ ризницѣ монастыря.

— Здѣсь хранится 55 иконъ, большею частію поступившія сюда послѣ великихъ княгинь и боярынь—инокинь;—всѣ онѣ 15, 16 и 17 вв. Между прочимъ здѣсь особеннаго вниманія заслуживаютъ иконы 15 в.—Рождества Пресв. Богородицы и особенно Введенія во храмъ Пресв. Богородицы—по своимъ композиціямъ и подробностямъ въ одѣяніи: здѣсь мы видимъ головныя повязки арабскаго типа на бабѣ Саломеѣ—на иконѣ Рождества Богородицы—и на дѣвицахъ, сопровождающихъ Богоматерь, на иконѣ Введенія во храмъ.—Древнія Евангелія и напрестольные кресты 16—17 вв.—Священные сосуды (потиръ, дискосъ, звѣздица, лжица, два блюда и копіе)—серебряные золоченые съ чеканными изображеніями—вкладъ царя Ивана Васильевича Грознаго.—Серебряное, чеканное золоченое кадило, серебряное блюдо, большая серебряная водосвятная чаша съ рѣзными изображеніями—вклады князей Шуйскихъ 16—17 вв.—Жемчужные воздухи, шитые золотомъ, серебромъ и шелками по бархату и атласу съ разными свящ. изображеніями и свящ. надписями—вкладъ царя Ѳеодора Іоанновича и его царицы Ирины и ихъ царевны Ѳеодосіи 1594 г., какъ видно изъ надписи.—Ризы и стихари, шитые золотомъ, серебромъ, разноцвѣтными шелками и жемчугомъ по бархату и атласу.—Плащаница, шитая золотомъ, серебромъ и жемчугомъ по зеленому атласу—16 в.—Надгробный бархатный черный покровъ, шитый золотомъ и жемчугомъ и украшенный большими серебряными рѣзными золочеными дробницами,—прикладъ царя Ѳеодора Іоанновича, супруги его царицы Ирины и царевны ихъ Ѳеодосіи на гробницу Соломоніи—1594 г., какъ видно изъ сдѣланной на немъ надписи. По-

кровъ длиною 3 ар. 6 вер., шириною 1 ар. 13 в.—Пелены и убрусы, шитыя золотомъ, серебромъ и шелками и украшенныя жемчугомъ и серебряными золочеными дробницами—всѣ 16 в., между прочимъ одна пелена и убрусъ—прикладъ царицы и великой княгини Анастасіи Романовны.—Цѣлая коллекція панагій, изъ коихъ многія съ рѣзными изображеніями, мощами разныхъ святыхъ и украшены драгоцѣнными камнями.—Богатая коллекція наперсныхъ крестовъ—деревянныхъ, костяныхъ, хрустальныхъ, каменныхъ, серебряныхъ и золотыхъ.—И панагіи и кресты не позднѣе 17 в.—Рясны [1]) жемчужныя съ цвѣтными камнями въ переймахъ и серебряными золочеными наконечниками и жемчужныя ожерелья—15 и 16 вв. и много серегъ не позднѣе 17 в.

Пелены, убрусы, панагіи, кресты, рясны, ожерелья, серьги и проч. встарину привѣшивались къ иконамъ. И по описи Суздальскаго Покровскаго монастыря 1820 г. многія изъ упомянутыхъ вещей значатся прикладами къ разнымъ иконамъ.

Изъ сдѣланнаго нами даже краткаго перечня видно, какой богатый церковно-археологическій музей представляетъ собою женскій Покровскій монастырь въ Суздалѣ, являющійся въ то же время усыпальницей нѣсколькихъ царицъ и многихъ княгинь—здѣшнихъ постриженницъ.

Ризположенскій женскій монастырь въ г. Суздалѣ.

Наконецъ, въ ряду Суздальскихъ монастырей заслуживаетъ вниманія еще Ризположенскій женскій монастырь, принадлежащій къ числу древнѣйшихъ русскихъ монастырей, которому какъ разъ въ нынѣшнемъ году исполняется семисотлѣтіе. Замѣчателенъ этотъ монастырь прежде всего тѣмъ, что онъ былъ мѣстомъ иноческихъ под-

---

[1]) Рясны, это нѣсколько рядовъ нитей, составленныхъ изъ жемчуга, камней, колецъ, прикрѣпленныхъ къ золотой или серебряной пластинкѣ.

виговъ препод. Евфросиніи (въ мірѣ Ѳеодуліи), дочери св. князя Михаила Всеволодсвича Черниговскаго, замученнаго въ Ордѣ, и что молитвами препод. Евфросиніи, по свидѣтельству лѣтописца, монастырь этотъ остался цѣлъ и невредимъ при нашествіи Батыя въ 1238 г. [1]) Основанъ этотъ монастырь въ 1207 г. Въ 1227 г. въ этотъ монастырь поступила препод. Евфросинія (15-ти лѣтъ отъ роду) послѣ внезапной кончины своего жениха Мины, одного изъ потомковъ варяжскаго князя Шимона. Чрезъ 30 лѣтъ своей подвижнической жизни въ монастырѣ—въ 1258 г. скончалась препод. Евфросинія и погребена была въ монастырскомъ храмѣ. Въ 1699 г. при митрополитѣ Суздальскомъ Иларіонѣ торжественно открыты были нетлѣнныя мощи препод. Евфросиніи и положены въ новую раку [2]). Со времени открытія ея мощей Ризположенскій монастырь сталъ именоваться „Преподобенскимъ“.

Монастырскіе храмы, колокольня, башни и св. ворота (16—17 в.), украшенныя разноцвѣтными изразцами, представляютъ не мало особенностей, важныхъ для археологіи древне-русской архитектуры.

Время и пожары истребили почти всѣ источники для многовѣковой исторіи этого монастыря, поэтому время построенія монастырскихъ храмовъ приходится опредѣлять только приблизительно. Въ монастырѣ всего 3 храма: Ризположенскій, Троицкій и новый Срѣтенскій, построенный уже въ позднѣйшее время—въ 1882 г. Поэтому мы остановимъ свое вниманіе только на первыхъ двухъ, какъ

---

[1]) Списатель житія пр. Евфросиніи говоритъ, что когда татары напали на Суздаль, блаженная Евфросинія съ черноризицами не отступила отъ своего монастыря, а обратилось съ слезной молитвой къ Богу. Великій плачъ былъ въ городѣ, много гражданъ было перебито, „пребывшіи же со святою въ монастырѣ ніединъ власъ отпаде, яко столпъ крѣпости отлица вражія бысть имъ молитва преподобныя .... сниде мракъ во облацѣ, и пришедше невѣрніи поискавше мѣста того и не обрѣтоша е“.

[2]) Церковное же чествованіе преп. Евфросиніи началось еще съ кон. 16 в.; она канонизована была еще при Иванѣ Грозномъ съ благословенія митр. Антонія (1572—1582 г.г.).

древнѣйшихъ. Соборный монастырскій храмъ во имя положенія ризы Пресв. Богородицы во Влахернѣ, судя по нѣкоторымъ историческимъ даннымъ и архитектурнымъ особенностямъ, построенъ во 2-й пол. 16 в. Нѣкоторыя архитектурныя особенности сближаютъ Ризположенскій храмъ съ Покровскимъ монастырскимъ храмомъ, построеннымъ въ 1518 г.: оба храма квадратные съ 3-мя абсидами, съ одинаковымъ вертикальнымъ трехчастнымъ дѣленіемъ наружныхъ стѣнъ пилястрами на фасы, заканчивавшіяся раньше вверху полукруглыми арками, и съ горизонтальнымъ узорчатымъ поясомъ; оба трехглавые, что́ встрѣчается очень рѣдко, при чемъ одна—средняя глава—надъ центромъ свода, а двѣ остальныя—на восточной стѣнѣ храма, какъ и въ Покровской церкви,—вообще въ планѣ и деталяхъ обоихъ храмовъ очень много общаго, свойственнаго архитектурѣ 16 в.

Оригинальность Ризположенскаго храма заключается глав. обр. въ наружныхъ украшеніяхъ, которыя мы видимъ на запацной части папертей, построенныхъ съ 3-хъ сторонъ храма въ 1688 г. Западныя части папертей представляютъ цѣлый рядъ превосходныхъ украшеній, свойственныхъ русскому зодчеству 2-й пол. 17 в. Дверь въ западной паперти представляетъ собою роскошный порталъ, такъ часто встрѣчающійся въ ростовскихъ и ярославскихъ церквахъ. Онъ состоитъ изъ 5 паръ тонкихъ полуколонокъ, украшенныхъ бусами, жгутиками и кубариками какъ и въ Покровской церкви; на этихъ колонкахъ покоятся однорядныя тяги изъ тѣхъ же бусъ, жгутовъ и кубариковъ. Но особенно затѣйливо украшены 2 окна по сторонамъ входныхъ дверей. Окна эти, вверху полукруглыя, украшены богатыми наличниками, напоминающими рѣзное деревянное дѣло. Верхній карнизъ ихъ кирпичными перемычками раздѣленъ на нѣсколько квадратовъ, въ которые вставлены разноцвѣтные изразцы прекрасной работы. Узоры на этихъ изразцахъ, представляющіе чисто русскіе мотивы, наведены разными красками: зеленой, желтой и коричневой прямо на бѣлой поливѣ или въ смѣси съ нею, такъ что глина подъ краскою совсѣмъ не видна; рисунокъ,

состоящій изъ орнаментныхъ травъ, цвѣтовъ, кувшиновъ русской формы, ярокъ, блестящъ и нѣсколько выпуклый. По обѣимъ сторонамъ оконъ наличникъ состоитъ изъ тѣхъ же тонкихъ висячихъ полуколонокъ, украшенныхъ ромбиками, жгутами, бусами и оканчивающихся висячей гирькой. Все пространство между окнами и дверями украшено красивыми ширинками—особыми архитектурными мотивами, состоящими изъ 2-хъ расположенныхъ одинъ надъ другимъ квадратовъ съ впадинами въ срединѣ, заполненными цвѣтными изразцами; надъ этими квадратами расположены карнизы изъ цвѣтныхъ изразцевъ, увѣнчанные кокошниками съ однимъ или двумя щипцами. Эти архитектурныя украшенія, напоминающія деревянные кіотцы, очень красивы и оригинальны.—Эти всѣ украшенія на западной стѣнѣ паперти вполнѣ сходны съ роскошными украшеніями папертей и фасадовъ ростовскихъ и ярославскихъ храмовъ времени расцвѣта русскаго зодчества въ пол. 17 в. А такъ какъ извѣстно, что эту паперть дѣлали Суздальцы „посадскіе люди“ [1]), то очевидно, что искусство красивой каменной кладки, въ родѣ деревянной рѣзьбы, и украшенія цвѣтными изразцами, было обычно и въ Суздалѣ.

Внутри въ Ризположенской церкви время и пожары уничтожили почти все древнее—и иконостасъ и иконы.

Главную святыню Ризположенскаго храма составляютъ мощи препод. Евфросиніи, которыя находятся въ аркѣ, высѣченной въ сѣверной стѣнѣ Ризположенскаго храма, и покоятся въ серебряной ракѣ, на 2-хъ сторонахъ которой изображенъ гербъ города Чернигова, а въ клеймахъ тексты изъ житія преподобной Евфросиніи.

Другая церковь въ этомъ монастырѣ—Троицкая, построенная въ концѣ 17 в. на мѣстѣ древней деревянной

---

[1]) См. „Челобитье Суздальцевъ посадскихъ людей Ивана Мамина, Андрея Шмакова и Ивана Грязнова Меньшаго о невыборѣ ихъ въ земскія службы до достройки церкви и колокольни въ Суздальскомъ Ризположенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. $\frac{7197}{1688}$ г. Ноября 25“ — Труды Владим. ученой Архивной Коммиссіи. кн. 2. 1900. Прилож. стр. 12.

церкви, представляетъ изъ себя типичный образецъ церкви русской архитектуры второй пол. 17 в. Церковь эта двухъэтажная, съ 3-хъ сторонъ окружена невысокими двухъэтажными же галлереями, при чемъ въ юго-зап. углу южную и западную галлереи соединяетъ шатровая колокольня. Церковь квадратная, съ однимъ алтарнымъ полукружіемъ и съ 5-ю главами.—Особенный интересъ и оригинальность этой церкви заключается главн. обр. въ орнаментаціи фасадовъ. Наружная орнаментація Троицкой церкви и шатровой колокольни очень богата и изящна; она произведена изъ лекальнаго [1]) кирпича и разноцвѣтныхъ изразцевъ, какіе мы видимъ и на западной паперти Ризположенской церкви. Наружный фасадъ главнаго корпуса церкви въ верхней части украшенъ окнами съ фигурными наличниками и карнизами, роскошнымъ горизонтальнымъ поясомъ поверхъ оконъ, полуциркульными кокошниками надъ поясомъ и фигурнымъ карнизомъ. Наружный фасадъ галлереи орнаментированъ не менѣе роскошно и красиво; онъ посрединѣ украшенъ тоже горизонтальнымъ поясомъ изъ квадратныхъ ширинокъ, при чемъ въ каждую квадратную ширинку вставлено по разноцвѣтному фигурному изразцу, какъ это обычно въ Ростовскихъ и Ярославскихъ церквахъ. Главы отличаются тоже оригинальнымъ устройствомъ. Въ основаніи своемъ главы представляютъ восьмигранникъ, оканчивающійся восемью треугольными фронтонами, на этихъ фронтонахъ возвышаются новые болѣе узкіе восьмигранники, на которыхъ уже водружены луковичныя главы съ крестами. Фасадъ шатровой колокольни орнаментированъ тоже довольно удачно. Колокольня эта состоитъ изъ 2-хъ частей—нижняго четырехъугольника и верхняго восьмигранника, заканчивающагося шатровымъ верхомъ съ 3-мя ярусами слуховыхъ оконъ. Здѣсь—на

---

[1]) Лекальный кирпичъ, это—кирпичъ, изготовляемый въ видѣ клиньевъ разной формы съ кривыми боковыми гранями; употребляется онъ для избѣжанія притески, нарушающей прочность камня, вмѣсто обыкновенныхъ кирпичей, при кладкѣ колоннъ, дымовыхъ трубъ и другихъ частей сооруженій съ кривыми очертаніями.

нижней четырехгранной части колокольни мы видимъ опять тѣ же цвѣтные изразцы. Восьмигранный шатеръ колокольни очень изященъ; онъ имѣетъ въ основаніи 8 проемовъ, увѣнчанныхъ полуциркульными арками; нижняя часть восьмигранника украшена квадратыми ширинками съ цвѣтными изразцами. Три яруса слуховыхъ оконъ расположены очень симметрично. Окна украшены тѣми же наличниками и карнизами, что и въ главномъ фасадѣ церкви. Шатеръ оканчивается красивой шейкой и увѣнчивается небольшой луковичной главкой. Особенно роскошенъ порталъ, ведущій изъ паперти въ церковь. Состоящій изъ пяти полуколонокъ, украшенныхъ жгутами, бусинами, балясинками и т. под., стянутыхъ такими же арками, онъ представляетъ верхъ искусства рѣзного каменнаго дѣла.—По обилію фасадныхъ украшеній и по характеру ихъ Троицкая церковь имѣетъ большое сходство съ церквами ростовско-ярославскими и Московскими.

Иконостасъ въ этой церкви—не древній—приблизительно конца 18 стол. Церковь украшена внутри орнаментами, писанными масляной краской, и нѣсколькими картинами въ 1874 г. Въ срединѣ сѣверной стѣны—въ аркѣ находится рѣзная плащаница съ рѣзнымъ Спасителемъ—работы 18 в. Эта рѣзная плащаница, равно какъ рѣзное Благовѣщеніе и рѣзные Евангелисты на царскихъ вратахъ, а также образъ Коронованія Пресв. Богородицы вверху иконостаса, икона Богородицы, попирающей ногой мѣсяцъ, и, наконецъ, змѣя съ яблокомъ во рту,—все это, несомнѣнно, западнаго происхожденія; и это западное здѣсь вліяніе объясняется тѣмъ, что нѣкоторые митрополиты Суздальскіе были западнаго происхожденія и потому приглашали западныхъ мастеровъ для украшенія Суздальскихъ церквей.

Самыми замѣчательными по архитектурѣ представляются святыя ворота съ двумя шатровыми башнями, на южной сторонѣ монастырской ограды, построеніе которыхъ знатокъ древне-русской архитектуры, академикъ Сусловъ, относитъ къ 1688 г.,- ко времени построенія галерей вокругъ Ризположенскаго храма. Наружный фасадъ этихъ

воротъ орнаментированъ въ томъ же духѣ, какъ и западная стѣна папертей Ризположенскою храма и колокольня Троицкаго храма,—здѣсь мы видимъ горизонтальный поясъ изъ такихъ же квадратныхъ ширинокъ и съ такими же вставленными въ нихъ цвѣтными изразцами.

Цвѣтные изразцы, какъ мы видимъ, составляютъ главную отличительную особенность орнаментаціи зданій въ Ризположенскомъ монастырѣ. Цвѣтные изразцы, это—кирпичи, глазурованные разными красками съ выпуклыми и плоскими расписными рисунками; они вошли у насъ въ особенно широкое употребленіе, именно, во 2-й пол. 17 в., когда построены были паперти вокругъ Ризположенской церкви, Троицкая церковь и св. ворота, хотя мастерство это издавна было извѣстно русскимъ. Оно могло быть заимствовано нами и съ востока, гдѣ цвѣтные глазурованные кирпичи составляютъ издревле неизбѣжный элементъ при орнаментаціи фасадовъ мечетей и другихъ публичныхъ зданій; могло быть оно занесено къ намъ и византійскими зодчими, такъ какъ подобные изразцы встрѣчаются на мѣстѣ древнихъ Кіевскихъ построекъ домонгольскаго періода. Широкому распространенію у насъ цвѣтныхъ изразцевъ въ 17 в. способствовало устройство въ Москвѣ мастерскихъ для выдѣлки кафель на нужды дворцоваго обихода и кафельнаго завода въ Новомъ Іерусалимѣ по почину патріарха Никона для его многочисленныхъ патріаршихъ построекъ. Выписаны были тогда къ намъ и изъ заграницы и изъ Западной Руси лучшіе мастера кафельнаго дѣла, и изразцы въ качествѣ орнаментнаго матеріала при постройкѣ каменныхъ зданій и печей скоро сдѣлались обычными сначала въ московскихъ постройкахъ, а затѣмъ и въ провинціяхъ—Ярославлѣ, Ростовѣ, Суздалѣ и друг. мѣстахъ. Въ теченіе 17 в. и особенно въ теченіе 3-й четверти этого вѣка въ орнаментаціи зданій и печей замѣчается преобладаніе темныхъ тоновъ и цвѣтовъ въ глазурной поливѣ изразцевъ, узоръ былъ выпуклый, заимствовался мастеромъ обыкновенно изъ рѣзного деревяннаго дѣла и представлялъ собою травный орнаментъ, цвѣтокъ, вазу съ цвѣткомъ, звѣздочку и т. под. Такіе,

именно, изразцы мы и видимъ въ Ризположенскомъ монастырѣ, затѣмъ въ фасадахъ Ярославскихъ и Ростовскихъ церквей и многихъ Московскихъ. Въ самомъ же кон. 17 в. и въ нач. 18 в. эти цвѣтные изразцы вытѣсняются синими (ценинными). Это уже гладкіе изразцы, залитые бѣлой глазурью и расписанные синей поливой. Травные орнаменты, заимствованные изъ русской деревянной рѣзьбы, уступаютъ мѣсто живописи:—появляются на кафляхъ отдѣльныя фигуры людей, птицъ, звѣрей и даже цѣлыя сцены иногда изъ библейскихъ событій, или шуточныя и претенціозныя (напр. на печахъ), заимствованныя изъ нѣмецкихъ и польскихъ кунштовъ. Подобнаго рода кафли доселѣ сохранились на печахъ, устроенныхъ митр. Суздальскимъ Иларіономъ (1682—1707 г.) въ Суздальскомъ архіерейскомъ домѣ. Одну такую печь мы видѣли въ Суздальскомъ мужскомъ духовномъ училищѣ, которое помѣщается въ прежнихъ митрополичьихъ палатахъ [1]); другую видѣли мы въ музеѣ Владимірской Архивной Коммиссіи, куда она перевезена изъ Суздаля—изъ тѣхъ же митрополичьихъ палатъ.

Въ Ризположенскомъ женскомъ монастырѣ мало сохранилось древнихъ и замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи вещей. Время и пожары, неоднократно истреблявшіе монастырь, уничтожили многое изъ древней утвари монастыря. Но между единичными предметами древности есть и очень цѣнные въ археологическомъ отношеніи. Такъ весьма цѣнная для исторіи мѣстнаго Суздальскаго иконописанія икона сохранилась въ южной паперти Ризположенской церкви, по правую сторону отъ входной двери. Икона эта—Распятіе Господне съ предстоящими—Богоматерью и Іоанномъ Богословомъ съ слѣд. надписью внизу: „188 году (1680 г.) пісалъ расъпятие Гдне кузьма яковлевъ снъ бабухінъ суздалецъ“ ..... Бцынъ Образъ и Бгослова Іоанна писалъ зографъ .... ей іоновъ“. Так. обр. эта икона представляетъ изъ себя памятникъ

[1]) Въ этихъ палатахъ отведено было членамъ съѣзда мѣсто для ночлега.

иконописнаго искусства конца 17 в. Суздальскихъ изографовъ Іонинова и Бабухина. Икона эта прекрасно сохранилась и не чинена, какъ многія другія иконы въ этомъ монастырѣ, что̀ придаетъ ей особую цѣну. Сравнивая эту икону по манерѣ письма съ современными ей датированными иконами, напр. съ иконами иконостаса Суздальскаго Покровскаго мон. 1686 г., писанными учениками слѣдовавшими школѣ Симона Ушакова, мы должны признать, что Суздальскіе иконописцы—Іонинъ и Бабухинъ въ художественномъ отношеніи нисколько не уступали лучшимъ мастерамъ царской школы конца 17 в.; только здѣсь—у Суздальскихъ иконописцевъ—замѣтно болѣе рабское подражаніе западному образцу, не только въ естественности выраженія лицъ и позахъ, но и въ колоритѣ и въ рисункѣ, такъ что по манерѣ письма, по колориту и по композиціи сюжета эта икона есть всецѣло подражаніе западному оригиналу. Типъ Распятаго Христа у Бабухина—не русскій иконописный типъ, а западный. Въ типахъ же Богоматери и Іоанна Богослова у Іонинова замѣтно слѣдованіе иконописному подлиннику, такъ что здѣсь чувствуется еще манера стараго русскаго иконописца. Так. обр. эта икона показываетъ, какъ быстро проникало въ 17 в. даже въ провинціи западное вліяніе въ области искусства иконописанія, и какъ скоро Суздальскіе иконописцы усвоили технику западныхъ мастеровъ.—Изъ другихъ иконъ Ризположенскаго храма заслуживаетъ вниманія по древности письма еще икона Іоанна Предтечи въ древней серебряной басменной ризѣ, представляющая пророка, согласно древнему переводу, въ видѣ ангела съ крыльями. Икона эта—греческаго письма, вѣроятно, уцѣлѣла изъ стараго иконостаснаго деисуса 17 в. древней Ризположенской церкви. Находится теперь эта икона въ сѣверной части паперти.

Въ Троицкой церкви интересна большая икона страшнаго суда, находящаяся въ паперти около входныхъ дверей. Она представляетъ собою памятникъ мѣстнаго Суздальскаго иконописнаго искусства—1780 г., какъ видно изъ подписи. Икона громадныхъ размѣровъ ок. 3 арш. въ

длину и $2^1/_2$ ар. въ ширину и заключаетъ въ себѣ полный переводъ сюжета страшнаго суда, какъ онъ сложился къ концу 18 в., съ изображеніемъ мытарствъ и множества различныхъ видовъ мученій грѣшниковъ за разные грѣхи.

Въ богатой ризницѣ Ризоположенскаго монастыря собраны большею частію предметы церковной утвари позднѣйшаго времени. Изъ древнихъ же должны быть отмѣчены слѣдующіе: 2 Евангелія—серебряныя—чеканной работы, одно—1682г., другое—1698г.—Напрестольный крестъ серебряный вызолоченный, до подножія обнизанный жемчугомъ, съ изображеніемъ на обратной сторонѣ по бокамъ средняго перекрестья Ѳеодора и Іоанна Суздальскихъ чудотворцевъ, а въ срединѣ—преп. Евфросиніи Суздальской, сдѣланный, какъ видно изъ надписи, въ 1641 г. повелѣніемъ смиреннаго Сераѳіона архіепископа Суздальскаго и Тарусскаго.—Кадило серебряное вызолоченное въ формѣ четырехъугольнаго храма съ коробковымъ сводомъ, луковичной главой и восьмиконечнымъ крестомъ, украшенное травнымъ орнаментомъ чеканной работы,—вкладъ Дмитрія Ивановича Шуйскаго—1603 г.—Плащаница, покровы и воздухи, шитые золотомъ, серебромъ и жемчугомъ—17 в.—Шитая шелками пелена съ изображеніемъ преп. Евфросиніи—въ ростъ, въ натуральную величину, въ иноческомъ одѣяніи, съ восьмиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ и свернутымъ свиткомъ въ лѣвой рукѣ, съ вышитымъ кругомъ тропаремъ и кондакомъ препод. Евфросиніи,—кон. 16 или нач. 17 в.—Наконецъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь рукописное житіе преп. Евфросиніи 17. в., украшенное 57 лицевыми раскрашенными изображеніями, иллюстрирующими шагъ за шагомъ все житіе преподобной. Эти лицевыя изображенія, исполненныя тщательно искусной рукой, въ высшей степени цѣнны и въ художественномъ и особенно въ бытовомъ отношеніи, такъ какъ здѣсь мы видимъ и изображенія храмовъ, и разныхъ зданій, и одеждъ и предметовъ церковной утвари; между прочимъ видимъ здѣсь изображенія—осады Суздаля полчищами Батыя, битвы на р. Сити, мученической кончины св. Михаила Черниговскаго въ

ордѣ и изображенія другихъ историческихъ эпизодовъ житія.

—Вотъ и все, что сохранилась въ Ризположенскомъ монастырѣ наиболѣе цѣннаго въ археологическомъ отношеніи [1]).

Кромѣ вышеописанныхъ церквей, осмотрѣнныхъ членами Съѣзда, въ Суздалѣ есть много и еще въ высшей степени интересныхъ и заслуживающихъ вниманія по своей древности церквей, но, за недостаткомъ времени, мы не имѣли возможности осмотрѣть ихъ и ограничились только обзоромъ наиболѣе древнихъ и наиболѣе цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи.

Въ Суздаѣ особенное вниманіе обращаетъ на себя, именно, обиліе церквей и притомъ своеобразной архитектуры. Колокольни всѣ почти шатровыя—въ стилѣ Московской архитектуры. Но здѣсь замѣчается нѣкоторая своеобразность, составляющая особенность позднѣйшей Суздальской архитектуры,—шатры съ нѣсколько вогнутыми внутрь сторонами, напоминающіе нѣсколько китайскую архитектуру, и длинные и узкіе тамбуры или шеи подъ главами, иногда двойные и даже тройные.—Эти-то вотъ особенности и сообщаютъ своеобразный колоритъ архитектурѣ церквей города Суздаля.

Церковь Бориса и Глѣба въ селѣ Кидекшѣ близъ Суздаля.

Грѣшно археологу быть въ Суздалѣ и не побывать въ с. Кидекшѣ—загородной дачѣ древнихъ князей Суздальскихъ. Поэтому нѣкоторые немногіе изъ членовъ Археологическаго Съѣзда, въ числѣ коихъ и я, несмотря на краткость времени, сочли своимъ долгомъ съѣздить изъ Суздаля въ Кидекшу, гдѣ и любовались довольно хорошо сохранившимся памятникомъ церковной архитектуры 12 в.—Село Кидекша находится въ 4-хъ верстахъ отъ Су-

---

[1]) При описаніи Ризположенскаго мон. мы пользовались книгой Георгіевскаго: „Суздальскій Ризположенскій женскій монастырь". 1900.—Здѣсь помѣщены и рисунки всѣхъ монастырскихъ храмовъ.

6. Церковь Бориса и Глѣба, основанная въ 1152 г.
въ селѣ Кидекшѣ.

здаля. Здѣсь нѣкогда, по сказанію лѣтописца, было становище или сборный пунктъ св. князей Бориса и Глѣба, когда они, по требованію своего отца, св. князя Владиміра, ходили въ Кіевъ, Борисъ изъ Ростова, а Глѣбъ изъ Мурома. Во имя этихъ св. князей—мучениковъ Бориса и Глѣба 1-й Суздальскій князь Юрій Долгорукій въ 1152 г. и построилъ здѣсь каменную церковь, которая съ нѣкоторыми измѣненіями существуетъ до сихъ поръ (См. рис. 6) [1]). Эта Кидекшенская церковь и Спасо-Преображенскій соборъ въ Переславлѣ Залѣскомъ—самыя древнія изъ всѣхъ Владиміро-Суздальскихъ церквей. При церкви Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ сначала существовалъ мужской монастырь, а потомъ онъ упраздненъ, и церковь обращена въ приходскую. По времени своего построенія Борисоглѣбская церковь, какъ видимъ, относится къ самому начальному періоду въ исторіи Владиміро—Суздальской архитектуры, поэтому изъ характерныхъ признаковъ Владиміро-Суздальской архитектуры мы видимъ здѣсь только горизонтальный узорчатый поясъ, состоящій изъ ряда столбиковъ и арочекъ съ угловатой каймой наверху. По своему плану и основному устройству этотъ храмъ вполнѣ подходитъ къ типу древнихъ Владиміро—Суздальскихъ церквей 12 в. Церковь эта построена изъ бѣлаго камня, какъ вообще строились всѣ церкви Юрія Долгорукаго и сыновей его—Андрея Боголюбскаго, Всеволода и др. Церковь квадратная съ 4 столбами внутри и съ 3-мя алтарными полукружіями. Наружныя стѣны по вертикальному направленію пилястрами дѣлятся на 3 фасы, заканчивавшіяся вверху раньше полукруглыми арками, по которымъ и крыта была раньше церковь шарообразной крышей. Въ настоящее время углубленія между арками заложены и стѣны выровнены подъ четырехскатную крышу; прежній

---

[1]) Юрій Долгорукій, кромѣ того, построилъ въ томъ же 1152 г. Спасо-Преображенскій соб. въ Переславлѣ Залѣсскомъ, существующій до сихъ поръ; затѣмъ въ томъ же 1152 г. церковь св. Георгія во Владимірѣ, церковь св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ и церковь Спаса въ Суздалѣ.—Послѣднія 3 не существуютъ.

полусферическій куполъ на кругломъ барабанѣ измѣненъ въ форму луковицы; прежнія узкія щелеобразныя окна заложены и пробиты новыя широкія, только на западной стѣнѣ остались 2 окна древнихъ щелеобразныхъ. Существенное же измѣненіе состоитъ въ томъ, что восточныя фасы на сѣверной и южной стѣнѣ сверху до пояса разобраны и соединены вмѣстѣ съ алтаремъ коробовымъ сводомъ. На западной сторонѣ внутри устроены хоры, какъ и въ другихъ древнихъ Владимірскихъ церквахъ. Съ хоръ, по преданію, былъ ходъ въ княжескій дворецъ, о чемъ свидѣтельствуетъ замѣтная съ хоръ заложенная дверь. Остатки дворца не сохранились. Внутри церкви все новое; древнія фрески не сохранились.

Эта церковь замѣчательна какъ по своей старинѣ, такъ и по великокняжескимъ гробницамъ, въ ней находящимся. Одна каменная гробница на правой сторонѣ отъ входа - въ южной стѣнѣ около западнаго угла—благовѣрнаго князя Бориса Георгіевича, сына Юрія Долгорукаго, скончавшагося, какъ видно изъ надписи, въ 1159 г. Другая гробница съ лѣвой стороны—въ сѣверной стѣнѣ около западнаго же угла—супруги вел. кн. Бориса Георгіевича, вел. княгини Маріи, скончавшейся, какъ видно изъ надписи, въ 1161 г. Въ той же церкви, по сообщенію лѣтописца, погребена и дочь ихъ Евфросинія, скончавшаяся въ 1202 г. По письменнымъ документамъ Суздальской Консисторіи извѣстно, что въ 1675 г. Суздальскій воевода Тимоѳей Петровичъ доносилъ Преосв. Стефану, Архіепископу Суздальскому и Юрьевскому, что онъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Суздальскаго Спасо-Евѳим. мон. Тимоѳеемъ, ключаремъ Діонисіемъ и съ казначеемъ старцемъ Іоасафомъ осматривалъ гробницу вел. кн. Бориса Георгіевича, „и въ той гробницѣ лежатъ мощи, кости цѣлы, а на мощахъ одежда въ аршинъ, бѣлою тафтою покрыто, а на верху лежитъ невѣдомо какая одежда, шитая золотомъ, будьто по бамберету, на ней же вышитъ золотомъ орелъ пластаной одноглавой, а отъ того орла пошло на двос шито золотомъ же и серебромъ узорами еще знать“. Архіепископъ Стефанъ въ томъ же 1675 г. доносилъ объ

этомъ царю Алексѣю Михаиловичу, а потомъ неоднократно и Ѳеодору Алексѣевичу, при чемъ между прочимъ писалъ, что надъ гробами княжескими „панихидъ никогда не бываетъ ..... мощи Вел. Кн. Бориса Георгіевича Суждальскаго въ забвеніи, безъ свидѣтельства, и память его безъ воспоминанія, такожъ и гробъ его по достоинству никакого украшенія не имѣетъ". Какое на это представленіе послѣдовало рѣшеніе Государя, объ этомъ ничего не извѣстно. Гробницы эти мы осматривали,—онѣ теперь совершенно пусты, только видны одни осколки камней на днѣ, очевидно, набросанные туда въ позднѣйшее время.

Существуетъ мѣстное преданіе, что внизу подъ церковными сводами была устроена княжеская усыпальница, куда, по предположенію графа Уварова, долженъ быть подземный ходъ;—и этотъ ходъ графъ Уваровъ въ 1851 г. старался открыть, но, къ сожалѣнію, встрѣтилось для этого существенное препятствіе, такъ какъ исходный пунктъ къ открытію подземнаго хода, по его предположенію, долженъ быть подъ вновь пристроенной къ храму трапезой, и такимъ образомъ вопросъ о склепѣ подъ Борисоглѣбскимъ храмомъ и о подземномъ туда ходѣ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ.

Какъ на достопримѣчательность, можно указать на древній колоколъ въ 30 пуд., который виситъ на колокольнѣ,—съ надписью, что этотъ колоколъ сдѣланъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и данъ въ церковь Вознесенія Господня въ Печерскій Нижегородскій монастырь. Когда и по какому поводу онъ изъ Печерскаго монастыря попалъ въ Кидекшенскій, не извѣстно. Устное преданіе говоритъ, что царь Иванъ Васильевичъ Грозный, проходя чрезъ Кидекшу съ войскомъ подъ Казань и нуждаясь въ свинцѣ для огнестрѣльныхъ снарядовъ, снялъ свинцовую кровлю съ Кидекшенскаго монастыря и взамѣнъ ея впослѣдствіи между другими вкладами изъ Печерскаго монастыря, къ которому приписанъ былъ тогда Кидекшенскій, приказалъ передать и этотъ колоколъ, слитый изъ Ливонскихъ орудій.

Поѣздка въ Кидекшу, въ виду краткости времени, конечно, была не безъ ущерба для осмотра Суздальскихъ древностей, но не хотѣлось оставить безъ вниманія и Кидекшу, отстоящую всего только въ 4-хъ верстахъ отъ Суздаля. Остается только съ грустью пожалѣть, что члены Съѣзда располагали слишкомъ ограниченнымъ временемъ, всего только нѣсколькими часами, для ознакомленія съ такими въ высшей степени важными и интересными памятниками Суздальской старины, которые и требуютъ и заслуживаютъ, несомнѣнно, гораздо большаго вниманія. Виноваты въ этомъ, опять повторяю, рефераты, которымъ удѣлено было гораздо больше времени.

Боголюбовъ монастырь.

По возвращеніи изъ Суздаля вечеромъ 25 іюня, на другой день утромъ 26-го, уже въ день закрытія Съѣзда, была устроена послѣдняя экскурсія въ с. Боголюбово, въ которомъ находится замѣчательный по историческимъ воспоминаніямъ Боголюбовъ монастырь.

Боголюбовъ монастырь или древній Боголюбовъ городъ находится отъ Владиміра на разстояніи $10^1/_2$ в. при Москов.—Нижегор. жел. дор. Основанъ этотъ монастырь въ 1158 г. благов. вел. кн. Андреемъ Боголюбскимъ по случаю чудеснаго явленія ему на этомъ мѣстѣ Божіей Матери, благоизволившей избрать это мѣсто для обители. Объ этомъ событіи такъ говоритъ преданіе: Князь Андрей Георгіевичъ, получившій отъ своего отца въ удѣлъ городъ Вышгородъ, не могъ долго оставаться здѣсь,—его симпатіи всецѣло тяготѣли къ сѣверу, и именно, къ Суздалю, какъ мѣсту его родины; и онъ не разъ просилъ своего отца отпустить его въ Суздаль. Но Юрій не хотѣлъ отпускать сына, боясь, что безъ его защиты враги лишатъ его великокняжескаго престола. Тогда Андрей рѣшилъ уйти на сѣверъ безъ позволенія отца. И вотъ въ 1155 г., взявъ съ собою чудотворную икону Божіей Матери, находившуюся въ Вышгородскомъ монастырѣ, онъ съ своимъ семействомъ и приближенными ночью тайно отъ отца

отправляется изъ Вышгорода на сѣверъ. Сначала онъ прибылъ во Владиміръ, а чрезъ нѣсколько времени отправился дальше по направленію къ Суздалю. Но Промыслъ Божій судилъ ему утвердить свой княжескій столъ не въ Суздалѣ, какъ онъ сначала хотѣлъ, а во Владимірѣ. Случилось это такъ: Отъѣхавъ $10^1/_2$ вер. отъ Владиміра къ востоку, путешественники остановились отдохнуть на одной живописной полянкѣ среди сосноваго лѣса, на горѣ, на крутомъ берегу рѣки Клязьмы. Отъ поляны влѣво дорога поворачивала на сѣверъ—прямо на Суздаль. И вотъ, лишь только путники рѣшили выѣхать на эту дорогу, какъ вдругъ случилось чрезвычайное происшествіе: кони, везшіе Вышгородскую чудотворную икону Богоматери, внезапно остановились какъ бы отъ чрезмѣрной тяжести, превышавшей ихъ силы. Нѣсколько разъ мѣняли коней, но сдвинуть съ мѣста иконы не могли. Князь Андрей принужденъ былъ остановиться здѣсь; раскинулъ палатку, поставилъ здѣсь чудотворную икону, а самъ палъ на землю и со слезами сталъ молиться, испрашивая у Бога и Пресвятой Богородицы разрѣшенія своего недоумѣнія. И вотъ въ полночь, когда всѣ путники, кромѣ князя Андрея, объяты были глубокимъ сномъ, вдругъ, шатеръ озарился необыкновеннымъ свѣтомъ, явилась Царица Небесная предъ молящимся колѣно-преклоненнымъ княземъ Андреемъ и сказала: „Остановись здѣсь, я не хочу, чтобы Мой образъ былъ несенъ въ Ростовъ [1]), но поставь его во Владимірѣ, на семъ же мѣстѣ воздвигни храмъ въ память Моего Рождества и устрой обитель для иноковъ. Я умолю Сына Моего и Бога, да благословитъ Онъ мѣсто это, Мною избранное“. Потомъ Богоматерь обратилась съ поднятыми руками къ явившемуся Ей Спасителю и произнесла слѣдующую молитву: „Владыко Многомилостиве, Сыне и Боже Мой, молю Тя, да пребудетъ Божественная благодать на людяхъ Твоихъ, и свѣтозарный лучъ славы Твоея да нисходитъ выну на мѣсто,

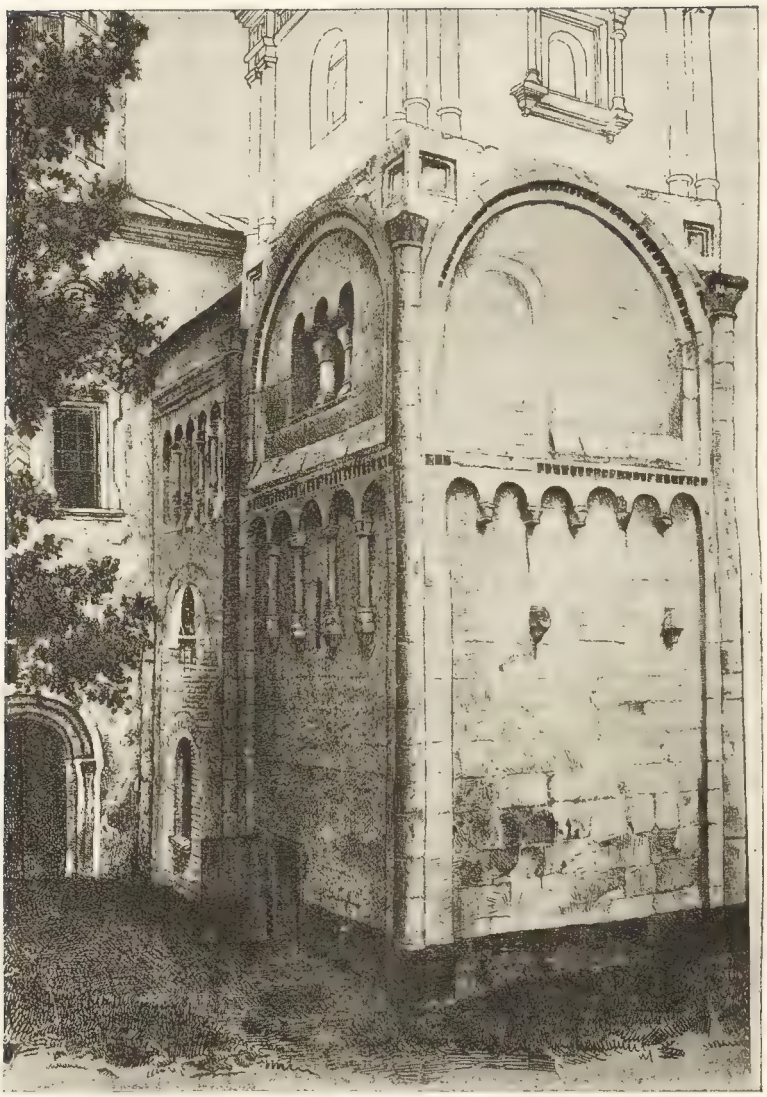
---

[1]) Суздаль, куда направлялся князь Андрей, находился въ Ростовской области.

Мною избранное". Произнеся эту молитву, Богородица стала невидима. Послѣ этого князь Андрей, вознеся благодарственныя молитвы Господу Богу и Пресвятой Богородицѣ, велѣлъ написать образъ Богоматери въ томъ видѣ, въ какомъ Она явилась ему, а на мѣстѣ явленія Божіей Матери въ 1158 г. построилъ храмъ въ честь Ея Рождества и основалъ Боголюбовъ монастырь. Этотъ монастырь сдѣлался потомъ любимымъ мѣстопребываніемъ Андрея Боголюбскаго, не принесшимъ однако счастья храброму, великодушному, но нѣсколько строгому великому князю.—Здѣсь онъ сдѣлался жертвой гнуснаго заговора его близкихъ родственниковъ:—брата его жены Кучковича, его зятя и нѣсколькихъ слугъ, имъ облагодѣтельствованныхъ.

Богородице-Рождественскій храмъ, построенный на мѣстѣ чудеснаго явленія Богоматери, князь Андрей, по сказанію Кіевской лѣтописи, дивно украсилъ, подобно храму Соломонову. Храмъ, сооруженный изъ бѣлаго камня, внутри украшенъ былъ чистымъ золотомъ и прекрасной живописью. Драгоцѣнные сосуды, серебряныя паникадила, золотые оклады иконъ, осыпанные драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, золотое украшеніе на дверяхъ и ободверьяхъ внутри и снаружи были тогда предметомъ удивленія для всѣхъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ посѣтителей. Глава и крыша были также обложены золотыми листами. Но вскорѣ послѣ смерти Андрея Боголюбскаго этотъ великолѣпный храмъ былъ разграбленъ врагами. Въ 1722 г., отъ неумѣлаго расширенія въ немъ оконъ, этотъ храмъ упалъ до половины стѣнъ, а въ 1751 г. разобранъ до основанія, и въ 1756 г. построенъ нынѣ существующій, такъ что отъ прежняго Андреевскаго храма не осталось и слѣда.

Другой храмъ монастырскій—Благовѣщенскій тоже сравнительно не особенно древній,—построенъ въ 1683 г. на мѣстѣ древняго, построеннаго Андреемъ Боголюбскимъ храма во имя мученика Леонтія, въ день памяти котораго (18 іюня) послѣдовало явленіе князю Богоматери. Въ 1804 г. Благовѣщенскій храмъ перестроенъ.—Остальные



7. Часть дворца В. К. Андрея Боголюбскаго XII вѣка въ Боголюбовомъ монастырѣ.

два храма совсѣмъ ужъ позднѣйшаго времени: храмъ во имя Успенія Пресв. Богородицы на святыхъ воротахъ подъ колокольней построенъ въ 1842 г., а новый соборный храмъ во имя Боголюбивой Божіей Матери построенъ въ 1866 г.

Къ древнимъ достопримѣчательностямъ монастыря относятся:

1) Часть дворца Андрея Боголюбскаго, точнѣе моленная его комната—мѣсто ужаснаго злодѣянія—и примыкающіе къ ней сѣни; эти сѣни и комната, надо полагать, служили переходомъ изъ дворца въ церковь (См. рис. 7). Эти остатки великокняжескаго дворца представляютъ драгоцѣнную древность, какъ единственный сохранившійся у насъ памятникъ гражданскаго зодчества 12 в. Эта сохранившаяся здѣсь часть великокняжескаго дворца имѣетъ видъ четырехъугольной башни, примыкающей къ Богородице-Рождественской церкви высокими каменными переходами. На этой древней башнѣ въ позднѣйшее время, приблизительно въ концѣ 17 в., надстроена шатровая колокольня. Матеріалъ башни и переходовъ (бѣлый извѣстковый камень), архитектурное расчлененіе ихъ и вся внѣшняя декорація, особенно характерный узорчатый горизонтальный поясъ, состоящій изъ колонокъ, соединенныхъ полукруглыми арочками,—все отвѣчаетъ вполнѣ Суздальскому стилю 2-й половины 12 в. Великокняжеская моленная комната примыкаетъ къ сѣверной сторонѣ Богородице-Рождественскаго храма. Изъ этой комнаты прежде вела дверь на хоры (теперь окно въ Богородице-Рождественскій храмъ), гдѣ князь Андрей слушалъ божественную службу. Длина комнаты 6 ар. $10^1/_2$ в., а ширина 5 ар. Въ комнатѣ теперь всего 4 окна: одно окно съ южной стороны—въ храмъ, это—прежняя дверь, одно узкое щелеобразное окно съ восточной стороны и два такихъ же окна съ западной стороны, а съ сѣверной стороны дверь въ сѣни. Сводъ и стѣны этой комнаты въ 1770 г. расписаны;—здѣсь, сообразно съ сказаніями древнихъ лѣтописцевъ, изображены въ картинахъ слѣдующіе моменты: ломаніе злодѣями двери у моленной или, какъ нѣкоторые

называютъ ее, у ложницы князя, пораженіе его и одного изъ злоумышленниковъ Кучковичей, нисползаніе князя въ сѣни подъ лѣстницу за восходный столбъ, окончательное умерщвленіе здѣсь князя, перенесеніе тѣла его изъ огорода въ Рождественскій храмъ, погребальное отпѣваніе его и перенесеніе его въ городъ Владиміръ для погребенія въ Успенскомъ соборѣ; кромѣ того, изображены здѣсь два чуда: одно, когда остановились кони, везшіе чудотворную икону Богоматери изъ Вышгорода, и другое—при золотыхъ воротахъ во Владимірѣ: возстаніе невредимыми людей, погребенныхъ подъ развалинами павшаго верха воротъ.—Здѣсь-то вотъ, въ этой комнатѣ, по преданію, ночью на 29 іюня 1174 г. и совершили Кучковичи злодѣйское нападеніе на князя. Подъ моленной комнатой раньше была довольно обширная, въ $7^1/_2$ арш. вышиною, сквозная арка, въ настоящее время сверху болѣе чѣмъ до половины съ наружной стороны задѣланная кирпичемъ; — здѣсь внутри нынѣ помѣщается алтарь придѣльнаго храма во имя св. благовѣрнаго великаго князя Андрея Боголюбскаго, устроеннаго въ 1809 г. Изъ молепной комнаты или ложницы ведетъ дверь въ сѣни, которую нѣкогда выломали убійцы. Сѣни имѣютъ въ длину $6^1/_2$ ар., а въ ширину 5 арш. Въ нихъ съ восточной стороны одно большое окно, раздѣленное двумя кувшинообразными колонками на 3 части, заканчивающіяся вверху полукруглыми арками. Отсюда—чрезъ это окно однимъ изъ убійцъ князя, ключникомъ Анбаломъ, сброшены были коверъ и эпанча для прикрытія княжескаго тѣла, лежавшаго на землѣ безъ прикрытія. Съ западной стороны замѣтно одно заложенное щелеобразное окно, какъ и съ сѣверной стороны; здѣсь же—съ сѣверной стороны—замѣтна и дверь, заложенная теперь, которая нѣкогда вела въ великокняжескій дворецъ. Средина древняго свода пробита для входа на устроенную впослѣдствіи шатровую колокольню. Изъ сѣней внизъ идетъ лѣстница, устроенная вокругъ каменнаго столба. Эта лѣстница—изъ 32 ступеней—освѣщалась четырьмя узкими полукруглыми сверху окнами, которыя всѣ, кромѣ одного восточнаго, въ настоящее время съ

наружной стороны заложены кирпичемъ, получивъ съ внутренней стороны форму нишъ. Внизу лѣстницы за восходнымъ столбомъ противъ входной двери находится ниша въ $2^1/_4$ ар. вышины и ширины. Здѣсь то вотъ, въ этой нишѣ, и скрылся было отъ злодѣевъ израненный благовѣрный князь Андрей, но злодѣи, услыхавъ его стоны, нашли его здѣсь и окончательно добили копьями и мечами. Послѣднія слова князя были: „Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой“. Мѣсто это нынѣ огорожено желѣзной рѣшеткой, а на стѣнѣ изображенъ лежащимъ израненный св. князь Андрей Боголюбскій [1]).

2) Мѣсто, гдѣ лежало выброшенное злодѣями тѣло святаго благовѣрнаго князя Андрея Боголюбскаго. Тѣло убитаго князя, по сказанію Кіевской лѣтописи, изъ сѣней было выброшено въ огородъ противъ юго-восточнаго угла Богородице-Рождественскаго храма. Надъ этимъ мѣстомъ устроена теперь деревянная часовня съ изобра-

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь любопытныя преданія о мѣстѣ казни убійцъ Андрея Боголюбскаго. Верстахъ въ 7 отъ Владиміра,—не далеко отъ рѣки Клязьмы, находится такъ наз. *Плавучее озеро*, глубина котораго въ срединѣ считается въ 5 саженъ. Здѣсь мшистыя зеленыя кочки, плавающія отъ одного берега къ другому по волѣ вѣтровъ, по народному преданію, суть обросшіе мохомъ короба, не сгнившіе будто бы въ продолженіе $7^1/_2$ вѣковъ, въ которыхъ будто бы заключены Кучковичи, убившіе благовѣрнаго князя Андрея въ ночь на 29 іюня 1174 г. Ночь на 29 іюня, по разсказамъ суевѣрныхъ путниковъ, бываетъ самая мучительная для Кучковичей и страшная для путниковъ. Они слышатъ унылый стонъ заключенныхъ злодѣевъ, короба ихъ колеблются, озеро волнуется.

Не далеко же отъ Владиміра, но въ другой сторонѣ, есть озеро, изстари называемое *Поганымъ озеромъ* или, какъ обыкновенно называютъ его, *Поганцомъ*. Въ этомъ озерѣ, по народному преданію, кончила жизнь супруга Андрея Боголюбскаго, Улита, если не участвовавшая въ злодѣяніи, то, по крайней мѣрѣ, знавшая о замыслѣ противъ жизни ея супруга. Она, по преданію, вмѣстѣ съ своими братьями Кучковичами была приглашена во Владиміръ на ложный пиръ. Неумолимыми исполнителями казни, опредѣленной братомъ Боголюбскаго Михаиломъ, Улита опущена въ черную глубину озера съ тяжелымъ жерновымъ камнемъ, и съ тѣхъ поръ будто бы оно получило наименованіе *Поганаго*.

женіемъ на стѣнѣ лежащаго тѣла св. благовѣрнаго князя Андрея, у котораго стоитъ ключникъ Анбалъ и преданный князю Кіевлянинъ Кузьмищс, просящій Анбала, чтобы онъ далъ коверъ или что-нибудь другое, чтобы постлать и покрыть тѣло господина ихъ. Отсюда тѣло князя перенесено было въ притворъ храма, гдѣ лежало на коврѣ двое сутокъ, прикрытое эпанчей. На 3-й день игуменъ Арсеній вмѣстѣ съ Боголюбовскими клирошанами взялъ тѣло князя, внесъ его въ церковь и, положивъ въ каменный гробъ, отпѣлъ надъ нимъ панихиду. На 6-й день Владимірскіе граждане съ духовенствомъ торжественно перенесли тѣло князя во Владиміръ и положили его въ дивномъ, великолѣпномъ Богородицкомъ златоверхомъ храмѣ, „его же самъ князь создалъ“.

3) Святой шатеръ, отстоящій въ 6 саж. отъ юго-западнаго угла Богородице-Рождественской церкви; устроенъ онъ на 4-хъ каменныхъ столбахъ кувшинообразной формы съ каменнымъ надъ ними сводомъ, покрытымъ желѣзомъ и увѣнчаннымъ крестомъ. Построенъ этотъ шатеръ или въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII в. Подъ шатромъ по срединѣ помѣщается на каменномъ возвышеніи старинной формы чаша, такъ называемая здѣсь „кандея“, изъ цѣльнаго бѣлаго камня, съ желѣзнымъ вокругъ нея обручемъ, внутри обложенная желѣзомъ. Окружность ея $5^1/_2$ ар., внутри въ діаметрѣ $1^1/_2$ арш. По преданію, это будто бы та самая чаша, изъ которой великій князь Андрей бралъ деньги для раздачи рабочимъ, строившимъ Боголюбовскую обитель; изъ нея же онъ надѣлялъ деньгами и бѣдныхъ.

Но самую драгоцѣнную святыню Боголюбова монастыря составляетъ чудотворная икона Боголюбивой Божіей Матери, написанная по повелѣнію благовѣрнаго князя Андрея въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ Она явилась ему. Новонаписанный образъ самъ князь назвалъ Боголюбивымъ образомъ Божіей Матери, отъ чего и монастырь потомъ получилъ свое наименованіе и князь Андрей свое прозваніе. Божія Матерь превосходнымъ греческимъ письмомъ изображена во весь ростъ съ поднятой

вверхъ по направленію къ явившемуся Ей Спасителю лѣвой рукой и съ хартіей въ правой рукѣ, на которой начертана молитва, съ какой Она обратилась къ явившемуся Ей Спасителю. Образъ Спасителя полупоясной въ облакахъ, съ благословляющей правой рукой и съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ. Вверху иконы написаны въ маломъ видѣ домашніе образа князя Андрея Боголюбскаго: Спасителя, Божіей Матери, св. Іоанна Предтечи, св. архистратига Михаила и Архангела Гавріила, которые онъ всегда бралъ съ собою во время походовъ. Размѣръ этой иконы въ длину $2^1/_2$ ар., а въ ширину $1^1/_2$ ар.; написана она на кипарисной доскѣ; впрочемъ есть преданіе, будто доска составлена изъ 3-хъ иноземныхъ деревъ: кедра, певга и кипариса, подобно древу Животворящаго Креста Господня. Вся икона, кромѣ лика Богоматери и рукъ Ея, покрытыхъ слюдой, въ 1820 г. по усердію Владимірскихъ гражданъ обложена серебряною вызолоченною ризою, вѣсомъ въ 1 пудъ 5 ф., а золота употреблено 90 золотн. Убрусъ, корона, вѣнецъ и нарукавники украшены драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ, а въ 1678 г. царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ приложенъ драгоцѣнный крестъ изъ золота съ финифтью, сверху его яхонтъ, а края его украшены драгоцѣнными камнями и бурмицкими зернами. Съ правой стороны внизу по ризѣ вычеканенъ древній Боголюбовъ монастырь, а съ лѣвой стороны—Церковь Покрова на Нерли [1]). Эта чудотворная икона находится въ новомъ соборномъ храмѣ на самомъ видномъ мѣстѣ у праваго центральнаго столба съ западной его стороны. Начиная съ 1771 г., когда во Владимірѣ была чума, каждогодно 21 мая эта икона приносится при огромномъ стеченіи народа во Владиміръ, гдѣ и пребываетъ до 16 іюня. Икона эта пользуется особеннымъ почитаніемъ народа и носится по всей епархіи.

Кромѣ чудотворной иконы Боголюбивой Божіей Матери, изъ предметовъ церковной утвари должны быть

[1]) Съ этой иконы списаны одинаковой мѣры 3 точныхъ списка, изъ коихъ на третьемъ представленъ молящимся на колѣняхъ предъ Богоматерью св. князь Андрей Боголюбскій.

отмѣчены—2 Евангелія 16 в., изъ коихъ одно—рукописное Владыки Рязанскаго Іоны—1544 г., другое—печатное—1583 г., нѣсколько Евангелій 17 в., митра малиноваго бархата, шитая китайскимъ жемчугомъ—17 в., и мѣдноносеребренная гробница 18 в., въ коей имѣется часть св. мощей св. благовѣрнаго князя Андрея Боголюбскаго, перенесенная сюда изъ Владимірскаго Успенскаго собора, съ разрѣшенія архіепископа Ѳеогноста.—Боголюбовъ монастырь, какъ видимъ, не богатъ древними предметами церковной утвари, а богатъ трогательными историческими воспоминаніями, дорогими для каждаго благочестиваго христіанина и любителя родной старины.

Церковь Покрова на р. Нерли близъ Боголюбова.

Ознакомившись со всѣми достопримѣчательностями Боголюбова монастыря, члены Археологическаго Съѣзда не обошли своимъ вниманіемъ и Церковь Покрова на Нерли, которая одиноко стоитъ среди заливныхъ луговъ въ верстѣ отъ Боголюбова (См. рис. 8). При церкви этой сначала былъ женскій монастырь, а потомъ мужской, который существовалъ до 1764 г.—до учрежденія монастырскихъ штатовъ, когда былъ упраздненъ, и съ 1794 г. приписанъ къ Боголюбову монастырю. Церковь эта представляетъ собою замѣчательный памятникъ церковной архитектуры 12 в. Она построена въ 1165 г. св. благов. княземъ Андреемъ Боголюбскимъ изъ бѣлыхъ камней, которые привезены были по Волгѣ изъ волжской Болгаріи для сооруженія златоверхаго Успенскаго соб. во Владимірѣ [1]). Внутри Покровской церкви въ настоящее время не сохранилось почти ничего замѣчательнаго; иконостасъ

---

[1]) Церковь Покрова стоитъ на берегу р. Нерли при впаденіи ея въ Клязьму. Въ рукописномъ житіи Андрея Боголюбскаго сохранилось преданіе, что десятая часть всего камня, привезеннаго изъ Болгаріи для сооруженія собора, оставлена на мѣстѣ, гдѣ суда, вѣроятно, за мелководіемъ Клязьмы, останавливались и перегружались. На этомъ мѣстѣ изъ оставленныхъ здѣсь камней и построена Покровская церковь.

8. Церковь Покрова близь Боголюбова монастыря XII вѣка.

новый, древнія фрески всѣ уничтожились, такъ что церковь эта главнымъ образомъ, если не исключительно, и замѣчательна только въ архитектурномъ отношеніи, какъ памятникъ церковной архитектуры 12 в. Церковь эта сохранила свои первоначальныя архитектурныя формы, исключая главы, которая во время позднѣйшаго исправленія передѣлана изъ сферической въ луковичную. Церковь Покровская, какъ по своему устройству, такъ и по подробностямъ украшеній, служитъ прототипомъ Владимірскаго Дмитріевскаго собора.—Тотъ же квадратный планъ съ 4 столбами посрединѣ и съ 3 алтарными полукружіями, то же вертикальное дѣленіе наружныхъ стѣнъ колоннами на 3 фасы съ дугообразными верхами, такой же горизонтальный узорчатый поясъ, состоящій изъ арочекъ и небольшихъ столбиковъ, утвержденныхъ на кронштейнахъ, такой же карнизъ украшаетъ верхнія стѣны алтарныхъ полукружій, такіе же съ 3-хъ сторонъ порталы съ откосами изъ колоннъ и пилястръ, соединенныхъ вверху узорчатыми перемычками, такія же длинныя и узкія окна, такая же сводообразная крыша и такой же возвышенный барабанъ, украшенный карнизомъ и колонками, наконецъ, такія же обронныя украшенія на наружныхъ стѣнахъ, представляющія собою фигуры людей, звѣрей и фантастическихъ животныхъ. Все отличіе Покровской церкви отъ Дмитріевскаго соб. заключается только въ меньшихъ размѣрахъ и въ сравнительной бѣднотѣ наружныхъ украшеній, которыхъ на Покровской церкви гораздо меньше и они проще, что́ вполнѣ естественно, такъ какъ Покровская церковь построена на 30 лѣтъ раньше Дмитріевскаго соб., а во Владимірской архитектурѣ эти обронныя украшенія, какъ мы замѣтили выше, развивались постепенно, такъ что чѣмъ древнѣе церковь, тѣмъ этихъ украшеній меньше и они проще, чѣмъ позднѣе церковь, тѣмъ этихъ украшеній больше и они вычурнѣе и разнообразнѣе. Въ Покровской церкви на всѣхъ 3 стѣнахъ находятся одни и тѣ же изображенія и размѣщены они въ одномъ и томъ же порядкѣ. Подъ средней аркой вверху на всѣхъ трехъ стѣнахъ, какъ и на стѣнахъ Дмитріевскаго соб., мы ви-

димъ изображеніе царя Давида, о чемъ свидѣтельствуетъ замѣтная до сихъ поръ надъ этимъ изображеніемъ вырѣзанная вглубь стѣны надпись уставомъ СТѢ: ДВД—на западной стѣнѣ и СТ ДВД—на сѣверной и южной. По сторонамъ Давида—изображенія львовъ, на головахъ которыхъ стоятъ птицы. Ниже 3 маски или женскія головы, еще ниже по обѣ стороны окна изображенія 2-хъ львовъ, лежащихъ съ сложенными крестъ на крестъ ногами. Въ каждой изъ боковыхъ фасъ вверху подъ аркой находится по одному изображенію грифа, терзающаго животное, и по двѣ маски подъ каждымъ. Кронштейнами колоннокъ и въ горизонтальномъ поясѣ и въ алтарномъ карнизѣ служатъ маски, львы, птицы и фантастическія животныя. Между колонками горизонтальнаго пояса и алтарнаго карниза и на барабанѣ между оконъ никакихъ изображеній нѣтъ. Рельефныя изображенія парныхъ лежащихъ львовъ мы видимъ и внутри Покровской церкви на нѣкоторыхъ пилястрахъ вверху вмѣсто капителей, какъ и въ Дмитріевскомъ соборѣ, который, какъ мы замѣтили выше, можно сказать, является копіей Покровской церкви [1]).

Изъ древнихъ предметовъ церковной утвари можно отмѣтить только храмовую икону Покрова Пресв. Богородицы, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ, современна построенію храма или даже, какъ гласитъ преданіе, современна Боголюбовской иконѣ Божіей Матери.

Обозрѣніемъ Покровской церкви члены Археологическаго Съѣзда и закончили свое непосредственное знакомство съ памятниками Владиміро-Суздальской старины. Съ созданія Андрея Боголюбскаго—съ Владимірскаго Успенскаго собора они начали свое обозрѣніе, созданіемъ Андрея Боголюбскаго же—Покровской церковью на Нерли и закончили.

---

[1]) Рисунки Покровской церкви и ея настѣнныхъ украшеній см.—Прохоровъ „Христ. древности". 1875;—Альбомъ къ Труд. I Археологич. Съѣзда—кар. XXI; Толстой и Кондаковъ.—„Русскія древности въ памятн. искусства", вып. 6. 1899. рис. 35 67; Новицкій—Исторія рус. искусства т. I. 1903 г. рис. 104, 106, 113 и 114.

Созданіямъ Андрея Боголюбскаго и надлежало удѣлить преимущественное вниманіе, такъ какъ Андрей Боголюбскій, какъ первый Владимірскій князь, всего болѣе способствовалъ возвеличенію Владиміро-Суздальскаго княжества и въ гражданско-политическомъ отношеніи и особенно въ церковно-архитектурномъ, такъ какъ при немъ и благодаря его стараніямъ созданъ былъ здѣсь особый спеціальный Владиміро-Суздальскій стиль, отличный и отъ Кіевской архитектуры и отъ Новгородской—и отъ позднѣйшей Московской, для которой на первыхъ порахъ Владимірская архитектура послужила образцемъ. Воспользовавшись архитектурнымъ наслѣдіемъ Владиміро-Суздаля, съ одной стороны, и усовершенствованной западной техникой, принесенной къ намъ Итальянскими зодчими, съ другой, Москва получила возможность воскресить въ архитектурныхъ формахъ нашу далекую старину, увѣковѣчить въ кирпичѣ тѣ старозавѣтныя формы чисто русскихъ сооруженій, какія въ деревянномъ зодчествѣ по преданію отъ поколѣнія къ поколѣнію переходили съ незапамятныхъ временъ;—въ результатѣ всего мы видимъ въ Москвѣ въ 16—17 вв. расцвѣтъ зодчества въ собственномъ смыслѣ русскаго, самобытнаго, національнаго, вліяніе котораго распространилось потомъ и на сѣверъ, и на югъ и востокъ Россіи.—Въ этомъ важное значеніе Владиміро-Суздальской архитектуры въ исторіи русской архитектуры вообще.

Заключеніе.

Мы постарались представить результаты Историко-Археологическаго Съѣзда во Владимірѣ. Изъ сдѣланнаго нами краткаго обозрѣнія достопримѣчательностей Владиміро-Суздаля читатель можетъ видѣть, какъ богата памятниками старины Владиміро-Суздальская область, насколько цѣнны и интересны въ историческомъ и археологическомъ отношеніи эти памятники и какого, слѣдовательно заслуживаютъ они вниманія къ себѣ со стороны всякаго

археолога и историка. Мы вполнѣ раздѣлямъ слова предсѣдателя Съѣзда Н. В. Покровскаго, сказанныя имъ въ заключительной рѣчи, что чувства высокаго наслажденія и глубокаго удовлетворенія оставило во всѣхъ насъ—членахъ Владимірскаго Историко-Археологическаго Съѣзда—обозрѣніе художественно-археологическихъ памятниковъ Владиміро-Суздальской старины, что Владиміро-Суздальская старина оставила во всѣхъ насъ неизгладимое впечатлѣніе и часто-часто потомъ будетъ заставлять насъ обращаться мыслію и сердцемъ къ отдаленному прошлому исконнаго русскаго края, гдѣ русскій духъ и преданья старины глубокой еще и доселѣ живы. Остается только еще разъ пожалѣть, что Съѣздъ слишкомъ мало времени удѣлилъ на ознакомленіе съ такими дрогоцѣнными памятниками, потративъ при этомъ не мало времени на рефераты. не имѣющіе мѣстнаго значенія, и пожелать, чтобы будущій 4-й Областной Историко-Археологическій Съѣздъ, назначенный въ 1909 г. въ г. Костромѣ, побольше удѣлилъ времени на знакомство съ памятниками мѣстной старины, и чтобы, рефераты, имѣющіе быть предложенными на Съѣздѣ, были посвящены главнымъ образомъ тѣмъ же памятникамъ мѣстной старины или выясненію и разрѣшенію историко-археологическихъ вопросовъ, касающихся мѣстнаго края. Изученіе, именно, мѣстной старины во всѣхъ ея формахъ и должно составлять, по нашему мнѣнію, главную, если не исключительную задачу Областныхъ Историко-Археологическихъ Съѣздовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Общія замѣчанія о Съѣздѣ . . . . . 5.

Рефераты, предложенные на съѣздѣ . . . . . 17.

Экскурсіи членовъ Съѣзда во Владимірѣ:

Успенскій соборъ . . . . . 22.

Дмитріевскій соборъ . . . . . 45.

Церковь Рождественскаго монастыря . . . . . 77.

Церковь Успенія Божіей Матери въ Княгининомъ монастырѣ . . . . . 79.

Археологическая выставка. Древлехранилище Братства св. Александра Невскаго. Ризница Рождественскаго монастыря . . . . . 82.

Экскурсія въ г. Суздаль.

Богородице-Рождественскій соборъ въ Суздалѣ . . . . . 93.

Спасо-Евѳиміевскій мужской монастырь . . . . . 101.

Покровскій женскій монастырь . . . . . 111.

Ризположенскій женскій монастырь . . . . . 118.

Церковь Бориса и Глѣба въ селѣ Кидекшѣ близъ Суздаля . 128.

Экскурсія въ с. Боголюбово.

Боголюбовъ монастырь . . . . . 132.

Церковь Покрова на р. Нерли близъ Боголюбова . . . . . 140.

Заключеніе . . . . . 143.